

Кае де Клиари

18+

Колдовской замок Часть VI. Ключ

Кае де Клиари

Колдовской замок. Часть VI. Ключ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

де Клиари К.

Колдовской замок. Часть VI. Ключ / К. де Клиари — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Снова вместе! Что ещё нужно влюблённым? Ну, разве что, стать существами одного вида, а то человек и дракон-монстр, как-то плохо сочетаются... А ещё, помочь друзьям, победить врагов и навести порядок сразу в нескольких мирах, где естественное течение жизни съехало с нормального пути. // В этой части "Колдовского замка" читатели ещё раз посетят "город гангстеров", а также окунутся в атмосферу грандиозных событий, развернувшихся вокруг авантюрной истории "Непобедимой Армады", побывают в джунглях Амазонии эпохи испанского завоевания и испытают массу необыкновенных приключений вместе с Анжеликой и её друзьями.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2. Фенька	6
Глава 3. Горите города, и жители бегите!	11
Глава 4. Шаг назад	13
Глава 5. «Ура!», «Долой!» и прочие развлечения	18
Глава 6. Казусы разведки, большие и малые	21
Глава 7. Чайна-таун, мой Чайна-таун!	27
Глава 8. Собор Святого Мика	29
Глава 9. Умиротворённый дон	33
Глава 10. Тайна имени	35
Глава 11. Неожиданная проблема	43
Глава 12. Вред и польза нервного срыва	49
Глава 13. Съеденная книга и учёный тандем	56
Глава 14. Громадьё преступных планов	60
Глава 15. Тайна Архива Конгресса	64
Глава 16. Интермеццо Огнеплюя. Интермеццо первое – Непослушный Самбульо	76
Глава 16. Интермеццо второе – Непобедимая Армада	80
Глава 16. Интермеццо третье – дорога в Новый Свет	85
Глава 16. Интермеццо четвёртое – поророка	89
Глава 16. Интермеццо пятое – Чига Шанки; знакомство	91
Глава 16. Интермеццо шестое – Дорога к хижине	94
Глава 16. Интермеццо седьмое – Город, пир и серьёзный выбор	96
Глава 16. Интермеццо восьмое – Сомнения, открытия, игры	101
Глава 16. Интермеццо девятое – страшные пуги-пуги	106
Глава 16. Интермеццо десятое – «Пора, пора – рога трубят!»	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Глава 1.

Три дракончика и рыцарь

Давным-давно жили-были три маленьких дракончика. Только в те времена жили они не на драконьей горе, а внизу, где много-много зелени, цветов и вкусного мяса, которое бегают, плавают и летает. Дракончики жили очень хорошо. Дни напролёт они плескались в озере, играли в огненные шарики, которые сами же и надували, бегали наперегонки, кувыркались, дурачились и ели всё, что могли поймать!

Но вот однажды, из далёкого-далёкого замка, пришёл к ним злой-презлой рыцарь! Он захотел убить маленьких славных дракончиков, ведь страшные злые рыцари всегда так поступают! Дракончики очень испугались рыцаря и стали думать, как им быть?

Первый дракончик влез на дерево, но рыцарь срубил дерево своим мечом и убил бедного дракончика!

Второй дракончик нырнул в озеро, но рыцарь сел на берегу и стал ждать, когда у дракончика кончится воздух. А когда дракончик всплыл на поверхность воды, рыцарь накинул ему на шею верёвку, вытащил на берег и тоже убил его!

А третий дракончик взмахнул своими маленькими крылышками, раз-другой и взлетел на высокую-высокую каменную гору! Рыцарь долго ждал, когда дракончик слезет с горы, но так и не дождался. Тогда он взял свой большой ужасный меч и стал рубить гору, но меч затупился, и его пришлось выбросить.

Но рыцарь был очень злой и никак не хотел оставить маленького дракончика в покое. Он снял свои доспехи и полез на гору, чтобы достать дракончика! Лез-лез, лез-лез, лез-лез! Дракончик увидел, что рыцарь скоро до него доберётся, очень испугался и ка-ак дохнул на него огнём! Тут рыцарь и свалился с горы, и упал в глубокую-преглубокую пропасть! Упал и разбился насмерть!

Тогда дракончик слетел с горы вниз и съел рыцаря, ведь тот был не только мёртвый, но ещё и жареный!

.....

Мик отложил книгу в сторону и потёр заболевший висок. Вот уже третьи сутки он не вылезал из читального зала Архива Конгресса, где изучал материалы, которые подбирал сам, поскольку помогать ему было некому. Ключ к загадке должен был быть где-то здесь, Мик был в этом уверен. Но, как найти этот ключ, если он скрыт под видом безобидной сказки, (так утверждал Дульери), песенки или чего-то в этом роде. К тому же, неизвестно, какой именно сказки.

Вот эта последняя, например не дала конкретной информации, но озадачила новым вопросом – откуда собственно здесь драконья сказка?

Впрочем, если внимательно посмотреть на то, как изменился мир, который он знал, в котором жил, пусть и, пребывая в беспамятстве, то удивляться нечему! Удивляться можно лишь быстроте, с которой произошли все эти потрясающие перемены.

Глава 2. Фенька

А началось всё тогда на острове в неизвестном измерении, когда память вернулась к нему, и это вовсе не было здорово. Скорее напоминало снежный сугроб, который внезапно обрушивается с крыши и хоронит зазевавшегося пешехода.

Память начала возвращаться ещё накануне, когда он проснулся в неглубокой луже наполненной благоуханной целебной травой. В течение последующих суток, богатых странными событиями и удивительными знакомствами, память возвращалась постепенно, зато, когда на утро следующего дня он разлепил веки, память решила сыграть с ним новую шутку.

Несколько секунд он смог провести в блаженном беспомыслии, и только удивлялся той пёстрой компании, которая собралась вокруг него, явно ожидая его пробуждения. Там был, например, изумрудно-зелёный дракон, большой, как соборная колокольня, но с очень славной физиономией в огромных очках. С ним резко контрастировал розовый крыс, тоже в очках и с очень умной мордочкой. Третьим в компании был здоровенный чёрный бык, испанской породы, улыбающийся во весь рот. Четвёртый и пятый персонажи смахивали на людей, хоть явно ими не являлись. Это были два каких-то носатых колобка похожих на гигантские картофелины. Они были словно братья-близнецы, но при всей своей похожести выглядели настолько по-разному, что перепутать их мог бы лишь слепой. Эти двое всё время переругивались шёпотом и сжимали кулаки, как будто собирались драться, но пока держали себя в руках.

Мик сел и огляделся, ничего не помня и ничего не понимая. Поодаль стояла ещё одна колоритная пара – огромный, больше первого, бело-золотистый дракон с двумя парами крыльев и высокий, больше двух метров, атлетически сложенный мужчина с совершенно седыми длинными волосами.

Когда они увидели, что Мик проснулся, то приветливо помахали ему руками, а он машинально помахал им в ответ... И тут это случилось!

Он вспомнил всё и сразу, и это было... больно! Мик схватился за голову и, слабо вскрикнув, повалился обратно. Конечно, к нему сразу бросились, сбили с ног обоих колобков, чуть не затоптали профессора Прыска, а самого Мика едва не разорвали на части. Но, в конце концов, всё обошлось, правда, Фиг и Дуля воспользовались всеобщей суматохой, чтобы вцепиться, друг в друга и укатились в заросли чертополоха, но Бык скоро выгнал их оттуда.

Боль ушла, расшатанные нервы успокоились, а дружеская забота оказалась настолько трогательной, что долго хворать было просто неприлично. К тому же Мик прекрасно понимал, чего от него ждут, но едва начал говорить о деле, как на него замахали руками, копытами, лапами и крыльями, после чего вручили новый кусок жареной акулятины.

Когда Мик покончил с ним, Мегги и профессор Прыск предложили ему прогуляться по берегу, пока остальные занимаются своими делами, (Анджелика и Драгис пошли купаться, а Бык делал внушение жутко злым и красным братьям).

– Многоуважаемый коллега! – начал профессор Прыск, когда они отошли на приличное расстояние от лагеря. – Нас всех волнует вопрос, есть ли выход из той ситуации, в которую мы попали. Я думаю, вы меня понимаете...

– Конечно, уважаемый профессор! – ответил Мик. – Я понимаю, что вы имеете в виду. Кроме того, я был вчера настолько неосторожен, что позволил себе дать некоторую надежду... Видите ли, сеньор Прыск, возвращение в тот мир, из которого мы сюда попали, на самом деле возможно, но для этого необходимо много такого, чем мы сейчас не располагаем. И это только, во-первых, а во-вторых, да, когда-то мне удалось проделать нечто подобное, но тогда мы работали втроём – дон Клеофас, Великий Инквизитор и я, недостойный священнослужитель, оставивший свою паству.

– Но ведь и сейчас нас здесь трое учёных! Даже четверо, ведь Мегги моя лучшая ученица!

– Это так, но дело в том, что сеньора Дульери в расчёт можно не брать. Вы помните его рассказ о единении с третьим братом? Да, при этом он действительно стал человечнее, чем в свою бытность Великим Инквизитором, но кое-что с тех пор утратил, хоть, похоже, и не заметил этого.

– Вы хотите сказать, что он поглупел?

– Можно сказать и так, но правильнее будет предположить, что он утратил не часть своего ума, а целый пласт знаний необходимых для наших целей. Это хорошо видно из его рассказа, ведь если бы это было не так, он смог бы выбраться из любой ситуации. Но нет, ему пришлось приспособливаться!

– Ну и ладно! – вмешалась в разговор Мегги. – Ой, извините! Я только хотела сказать, что мы можем обойтись без него, и отсутствие лаборатории нам тоже не помешает, ведь у нас есть артефакт, который может заменить десяток лабораторий!

– Что вы имеете в виду? – недоумённо спросил Мик.

– Кулон, от которого Анджелика мечтает избавиться. Козлиный рог с нанизанным на него пушечным ядром. Он способен пробить брешь между мирами, но сейчас он запечатан!

– Верно! – профессор Прыск подпрыгнул почти до плеча Мика. – Надо бросить все силы на то, чтобы найти способ распечатать этот артефакт и тогда мы сможем наконец-то помочь всем присутствующим найти то, что они хотят!

– То, что хотят?

– Именно! Посмотрите на наших влюблённых! Да, им хорошо вместе, но так дальше продолжаться не может! Надо либо вернуть человеческий облик принцессе, либо драконий её возлюбленному. Предпочтительнее конечно первый вариант, но там уж как получится! Фиг с Быком спят и видят, как бы им вернуться в Козляндию, где у них остались недоделанные дела. Дульери мечтает снова встать во главе мафии, но тут я думаю, что разумнее было бы отправить его в такое место, где он не наделал бы беды...

– А о чём мечтаете вы, коллега!

Вопрос не застал профессора Прыска врасплох.

– Нам с Мегги всегда хотелось узнать побольше!

– Я так хочу побывать в том мире, откуда родом Анджелика! – воскликнула Мегги и всплеснула крыльями.

На этот раз Мик замолчал надолго. Профессор Прыск и юная драконесса не мешали его размышлениям, а просто тихо шли рядом.

– Хорошо! – вдруг сказал учёный священник, остановившись так резко, что оба его собеседника вздрогнули. – Я возьмусь за это, хоть лично мне здесь нравится гораздо больше, чем в том громадном холодном городе. Однако чтобы проделать все, о чём вы сейчас упомянули, коллега, нам придётся вернуться назад, в этот жестокий город.

– Почему?

– Во-первых, потому, что этот путь ещё, как бы сказать, не остыл. Всегда при переходе кого-либо между мирами, проход закрывается не сразу, и место перехода затягивается медленно, а тут случился не просто переход, а нечто вроде торнадо! Вон, весь остров завален мусором из того мира! Даже если проход уже полностью закрыт, ткань материи-времени в этом месте тоньше, и её легче будет взрезать!

– А, во-вторых?

– Во-вторых, я не знаю ни одного другого мира поблизости, где можно было бы найти библиотеку, а ключ к проходам в другие миры можно найти только там. Конечно, если нам удастся распечатать артефакт, висящий на шее сеньориты Анджелики, то мы можем просто прорубить себе проход в любом месте, но это же варварство! Так можно повредить тому миру, в который собираешься пройти, а ещё надо ведь знать, что проникаешь именно туда куда нужно,

ведь нельзя же ломиться вслепую! В общем, сейчас перед нами стоят две задачи – распечатать артефакт и вернуться обратно, чтобы попасть в Архив Конгресса.

На этом совещание трёх заговорщиков закончилось, а в полдень началось выполнение их плана. Происходило это так – Анджелика с очень несчастным видом лежала на пригорке, зажав уши руками и зажмурившись. Её "кулон" покоился на валуне, поддерживаемый слегка дрожащими руками Фига. Другой валун, размером с бычью голову, держал в руках Драгис, в глазах которого плескалась тревога и недоверие.

– Попробуем ещё разок! – скомандовал Мик.

Драгис вздохнул и с размаху опустил валун на ядро. От этого удара подпрыгнула земля, а валун в руках бывшего викинга раскололся пополам.

– Бесполезно! – воскликнул Драгис, бросая на землю обломки.

– Странно! – задумчиво пробормотал Мик. – Ведь ядро из обычного чугуна, оно же не является частью артефакта!

– А может его расплавить? – подал идею Фиг.

– А меня зажарить! – ответила Анджелика, в голосе которой слышались слёзы. – Спасибо Фигушка!

– Нет, должен быть другой способ! – воскликнул профессор Прыск. – Была бы у нас пила!

– А ещё лучше электрическая пила, чтобы не набивать мозоли! – съязвил Дуля.

На его слова никто не обратил внимание, но он не унимался.

– Читал я как-то давно одну книгу, так в ней два придурка гири пилили, надеясь найти внутри золото!

– Дон Дульери! – не выдержала Мегги. – Если у вас есть идея, как нам распечатать этот артефакт, то может быть, вы поделитесь ею с нами?

Физиономия Дули вдруг стала хитрой и злобной, но в следующее мгновение он принял таинственный вид, пожал плечами и заявил:

– Идея есть и я готов ей поделиться, но у меня имеется несколько условий!

– Он нам ещё условия ставить смеет! – прорычал Фиг, берясь за обломок расколотого валуна.

– Фиг, остынь! – спокойно сказал Драгис. – Изложите ваши условия, дон Дульери, но учтите – они должны быть приемлемыми, а информация качественной.

– Никакого подвоха! – Дуля сейчас напоминал рыночного торговца расхваливающего товар. – Баш на баш! Я говорю вам свои условия, вы их принимаете, тогда я рассказываю, как решить проблему с артефактом и вы следуете моим советам! Всё просто, не так ли? После того, как артефакт будет распечатан, вы, как люди честные, сдержите своё слово и мы будем квиты. Идёт?

– Изложите свои условия.

– Слушайте! Во-первых, вы не бросите меня здесь, а возьмёте с собой! Во-вторых, после прибытия в нужное нам измерение мне будет предоставлена полная свобода, без каких либо ограничений! В-третьих, вы поможете мне снова занять моё законное место в клане, на создание которого ушло столько времени...

– Что-о! – проорал не своим голосом Фиг и запустил в брата осколком валуна.

Дульери ловко увернулся и напустил на себя обиженный вид. Рвущегося в драку Фига почти налету перехватил Драгис и препоручил его заботам Быка, который просто придавил друга к земле каменным копытом.

– Ну, если мои условия настолько неприемлемы... Что ж, можете на всю жизнь оставаться на этом прекрасном острове, а я умываю руки!

– У вас есть еще, какие-нибудь условия, дон Дульери? – всё также спокойно спросил Драгис.

– Ну, ещё я хотел предложить вам союз в борьбе с китайскими конкурентами, но если мои требования вам не подходят...

– А теперь послушайте меня, дон Дульери! – произнёс Драгис тоном, не терпящим возражений. – Я от имени всех присутствующих предлагаю вам следующее: вы помогаете нам с этим артефактом, а мы забираем вас с собой и *не препятствуем* вам в ваших внутриклановых разборках. Также мы обещаем не поддерживать китайцев, если с вашей стороны не будет открытой агрессии. И последнее – когда наши дела в городе закончатся, мы покинем его навсегда, но если услышим о новых безобразиях со стороны вашего клана, то вернёмся, и тогда берегитесь, дон Дульери!

– А если я не соглашусь?

– Тогда мы рано или поздно сами найдём способ распечатать артефакт, но вас оставим здесь в одиночестве. Можете тогда попробовать создать новую мафию из гадюк и лягушек. Итак?

– Я согласен!

Дульери протянул Драгису руку, которую тот пожал, глядя прямо в глаза вчерашнему врагу. Казалось, ещё немного и между ними сверкнёт молния, но этого не случилось. Разомкнув пожатие, оба улыбнулись друг другу с обаянием достойным аллигаторов, и Дуля тут же преступил к изложению своего плана.

– Скажем так, я знаю эту дрянь давно! Не буду вам рассказывать, как она ко мне попала, это отдельная история, но скажу только, что эта штука обладает не только страшной силой, но и какой-то непонятной волей! Иными словами, она служит не всем подряд, а лишь тем, кто ей нравится, что ли? Мне, например, так и не удалось её приручить, зато вашу... гм, гм... принцессу она послушалась сразу, хоть и не раскрыла ей все свои тайны. Ладно, буду краток! Воздействовать на неё с внешней стороны бесполезно, она... то-есть он, рог, воспринимает любую попытку снять ядро или перерезать шнурок, как атаку на себя и защищается! Начинает упираться не хуже среднеазиатского ишака, если кто-нибудь понимает, о чём я говорю. Так вот! Чтобы снять ядро надо воздействовать на него *самим* этим треклятым рогом! Как это сделать? А вот как – шнурок достаточно длинный, не так ли? Мисс Анджелика, это доступно только вам! Возьмите ядро в одну руку, вот так, а когтем другой руки надавите на рог, таким образом, чтобы проткнуть ядро насквозь! Вот видите, получилось! А теперь ухватитесь за кончик рога и подтяните ядро по шнурку к самой шее. Всё, ваш артефакт свободен!

– И что, теперь мне придётся ходить вот так, с чугунным ядром, давящим на горло? – спросила Анджелика не слишком радостным голосом.

– Ха! Вы так и не поняли, что держите в руках? Как сказал этот ваш падре Микаэль, ядро не является частью артефакта, как впрочем, и шнурок на котором он висит. Кстати, это мой шнурок. Я продел его сквозь отверстие в роге, сам уже не помню, сколько лет назад! Но я не претендую на него, как на собственность. Впрочем, если хотите что-либо разрезать – режьте рогом, ему доступны и не такие материи!

Анджелика боязливо взяла рог двумя пальцами и тихонько провела им по поверхности ядра. Ядро распалось на две половинки, словно булка, разрезанная острейшим ножом. Ещё не веря в такую удачу, девушка поддела кончиком рога шнурок, и... он повис у неё на руке, словно был располовинен ножницами.

– Ну вот, а вы не доверяли мне! – воскликнул Дуля. – Теперь осталось только найти нужное место и открыть обратную дорогу в мой любимый город! Итак, свою часть договора я выполнил, теперь дело за вами, господа! Когда будете готовы, дайте мне знать!

С этими словами он повернулся спиной ко всей честной компании и зашагал куда-то вглубь острова. Присутствующие переглянулись между собой, но никто ничего не сказал. Анджелика, ещё не поверившая в свою свободу, так и держала артефакт на раскрытой ладони.

– И что мне теперь с ним делать? – спросила она задумчиво. – Падре Микаэль, может, возьмёте его себе?

– Нет, дитя моё! – ответил Мик после недолгого размышления. – Это существо, которое вы зовёте доном Дульери, а я знавал его в другом обличие и называл Великим Инквизитором, на самом деле знает, о чём говорит. Только вы одна среди нас можете владеть этим предметом, и только вы способны использовать сокрытую в нём силу.

– Но как же я теперь буду его носить? Ведь у меня нет карманов, да и вообще одежды...

– Я, кажется, понял, что можно сделать! – воскликнул Драгис. – Раз теперь мы знаем, как его можно снять...

Он взял рог Рогелло Бодакулы вместе с остатками шнурка, несколько раз обернул шнурок вокруг левого запястья своей возлюбленной и завязал хитрым морским узлом.

– Фенька, – прокомментировала Анджелика, рассматривая новое украшение. – А что? Мне даже нравится!

Глава 3. Горите города, и жители бегите!

*Когда, взметнувшись до небес,
Фонтан огня сжигает лес,
Когда зловещей сенью,
Драконьих крыльев тенью,
Пожар накроет города,
И толпы жителей тогда
Бегут неведомо куда
К далёкому спасенью!*

*О, как тогда я хохочу!
И как стремительно лечу!
Как изрыгаю пламень!
На мелкий слабенький народ,
На их поля, жнивье и скот
Я падаю, как камень!*

*Неумолимый, как чума,
Беда, война и Смерть сама,
На ваши мирные дома
Обрушу гнев и ярость!
Не пожалею я людей,
Сожгу и взрослых, и детей,
И немощую старость!*

*Они вопят, они бегут!
Друг друга давят в страхе!
Ломают кости, мышцы рвут,
Своих, не разбирая, бьют
По заду и мордахе!*

*И даже те, что посмелей
Падут пред силою моей,
Их не спасут доспехи!
Их тучи стрел мне не страшны,
Их нападения смешны!
Давлю их, как орехи!*

.....
Нижний край свитка носил следы огня, текст был не полон. Как знать, может пресловутый ключ находился, как раз на этой сгоревшей части и теперь утрачен навсегда?

Теперь у Мика разболелся другой висок. Нет, так дальше нельзя. Ясно, что если этот ключ на самом деле существует, то найти его быстро не получится, а работой без отдыха можно загнать себя в гроб. Необходимо было отдохнуть.

Он оставил подобранные для изучения тома и свитки на столе, где работал, в полной уверенности, что их никто не возьмёт и вышел из кабинета.

Архив Конгресса располагался в здании, которое напоминало дворец. Хотя почему напоминало? Оно и было дворцом – дворцом науки и хранилищем знаний. Единственным

местом, для которого стоило строить дворец. А ещё, оно оставалось единственным местом в этом городе, которое не было захвачено общим сумасшествием. Почти не было... Наверное, поэтому оно считалось у здешних жителей местом опасным и даже проклятым.

Это выражалось, прежде всего, в том, что они обходили здание Архива стороной, даже старались не проходить по площади перед его фасадом. Но это ещё не всё. Далёко не всё!

Когда Мик услышал впервые об отношении здешних людей к книгам и к чтению вообще, он не поверил собственным ушам. Это случилось практически сразу после их возвращения в город. Впрочем, лучше рассказывать всё по порядку.

Глава 4. Шаг назад

Материя того мира, где находился, приютивший их остров, распалась от лёгкого прикосновения рога, зажатого в пальцах Анджелики, словно только и ждала, чтобы её разрезали. На самом деле они долго искали подходящее место для перехода в мир, откуда вылетели таким необычным способом. Беда была в том, что никто точно не мог сказать, в какой части острова их высыпало из межпространственной двери, словно кукол из коробки.

Бык, например, утверждал, что это, конечно, случилось на том пригорке, где он любил угощаться травой. Правда, он сам признавался, что во время полёта зажмурился с перепугу.

Мегги отгородила себе часть пляжа, причесала песок когтями и долго что-то на нём вычерчивала кончиком крыла. Нечто похожее на схему, покрытую замысловатыми формулами. По её расчётам выходило, что выпасть из того мира в этот, они на острове вообще не могли, а приводнились где-то в лагуне, метрах в ста от берега. Этому конечно никто не поверил, потому что все до единого помнили, что приземление было жёстким, а ушибы от него не прошли до сих пор. К тому же, если они тогда и вымокли, то не от того, что плюхнулись в воду, а от того, что хлестал отчаянный дождь.

Место для возвращения нашлось после наблюдений, которые предприняли совместно Мик и братья-близнецы, заключившие на время перемирие. Наблюдать надо было за воздухом.

– Здесь! – уверенно сказал тогда Дуля, после того, как Мик обнаружил лёгкое марево, дрожащее над небольшой каменной площадкой покрытой пучкам жесткой травы.

– Точно! – подтвердил Фиг. – Я приземлился на эту кочку, а вон ту скалу разбила Анджелика, потому что не смотрела куда падает, а старалась уберечь Драгиса от удара.

– И зачем было так трудиться? – с неприкрытым сарказмом пожал плечами Дуля. – Этот громила и сам бы неплохо снёс скалу. Он же, по сути, дракон, что ему сделается?

В ответ на его слова Фиг зарычал и сжал кулаки, но Мик решительно встал между ними.

– Сеньоры, – сказал он без нажима, но твёрдо, – давайте сосредоточимся на нашей задаче. Искомое место обнаружено, и теперь нам надо разработать план перехода, который желательно совершить без происшествий и потерь.

С ним согласились, хоть оба брата, по обыкновению, бросали друг на друга злобные взгляды.

План перехода был прост – в материи мира проделывается разрез не больше размера дракона; первыми туда проникают Мегги и профессор Прыск, сидящий у неё на плече; если всё в порядке, опасности нет и спастись бегством не надо, они дают сигнал и Анджелика передаёт Мегги сквозь разрез остальных членов команды, одного за другим.

Конечно, не обошлось без споров. Дульери, например, был решительно против того, чтобы оказаться сначала в когтях дракона, а потом и в пасти дракона, ведь Мегги, от природы не имевшая рук, должна была брать тех, кого ей передали, языком.

Его неожиданно поддержал Бык, страдавший от старой фобии – быть съеденным кем бы то ни было, будь то дракон или кто угодно. Этих двоих пришлось уламывать, но, в конце концов, Драгис сказал Быку, что воспримет его недоверие, как личное оскорбление, а потом напомнил Дульери, что не имеет ничего против того, чтобы оставить его здесь на острове.

Итак, разрез был сделан. Он напоминал вертикальную рану, которую требовалось ещё зашить. Эта задача тоже лежала на плечах Анджелики. Правда, наличие восстанавливающих функций у пресловутого рога, подтверждено не было, но попробовать стоило. Никому не хотелось повторения того урагана, который занёс их сюда.

Немаловажной частью плана было также то, что обе драконессы должны были оперативно транспортировать своих друзей и союзников в безопасное место. Ясно ведь, что появление

среди города двух драконов, испанского быка, колобков получеловеческого вида и знаменитого гангстера могло вызвать некоторое непонимание со стороны жителей.

.....
Кто-нибудь, когда-нибудь имел счастье быть свидетелем точного и удачного исполнения подобных планов? Я – нет, а вы?

Мегги бесстрашно, (или доверчиво), шагнула в разрез и вдруг замерла, оставшись на две трети в мире приютившего их острова. Прошло несколько секунд недоумённого ожидания, после чего все переглянулись, а Драся коротко свистнул и позвал её:

– Эй, сестрёнка, ты никого не забыла?

– Пс-ст! – раздалось в ответ и юная драконесса нетерпеливо махнула крылом.

Бывший викинг нахмурился и открыл, было, рот, собираясь требовать объяснений, но тут его сестра скользнула в разрез целиком, и в тот же миг заглянула обратно, сверкнув очками, за которыми были круглые от удивления глаза.

– Давайте все сюда, здесь нет никого, и... вам это надо видеть!

Компании приключенцев ничего не оставалось, как последовать её совету, хоть это и шло вразрез с тем, что они собирались делать. Всё объяснилось практически сразу.

– Та-ак, – пропел Дульери, когда сделал шаг через разрез, – кажись знакомые места!

– Ага, – подтвердил Бык, – та самая ферма. Ферму-то я всегда узнаю!

– Да, и сарай на месте, – озадаченно добавил Фиг, спрыгнув на землю. – Но почему мы за городом?

– Пространственно-временная привязка, характерная для межмировых прободных переходов. – Изрёк падре Микаэль, становясь рядом с ними.

– Что вы хотите этим сказать, коллега? – спросил профессор Прыск, как всегда появляясь неведомо откуда.

– Весьма распространённое явление, – как ни в чем, ни бывало, ответил недавний бомж. – Миры ведут себя, как живые существа и собственно являются живыми существами, правда, не такими, к каким привыкли мы, имея в виду людей или животных. Тем не менее, реакция миров на вторжение, вроде того, какое мы предприняли сейчас, всегда похожа на разумное действие. Но это действие противоположно тому, какое бывает, когда рану получает существо из плоти и крови.

– И в чём это выражается? – вступил в разговор Драгис, помогая Анджелике протиснуться сквозь разрез, который оказался для неё узковат.

– Любая тварь, как разумная, так и нет, – терпеливо пояснил падре Микаэль, – получив болезненное повреждение, сознательно или бессознательно бережёт больное место. Миры же, в противоположность этому, частенько, словно чувствуя угрозу вторжения, поворачиваются к тому, кто ломится в их пределы именно тем самым боком, который уже подвергался прободению. Есть мнение, что таким образом делается попытка сохранить оставшиеся «бока» целыми.

– Но ведь мы уходили отсюда не через ферму! – резонно заметила Анджелика, не слишком изящно перевалившись через грань миров.

– Возможно, тот путь запечатан, – предположил падре Микаэль. – Даже, скорее всего, запечатан. А через этот сеньор Драгис попал сюда после разрыва формуляра возвращения... Смотрите!

Он указал рукой в ту сторону, куда уже давно отчаянно махала крыльями Мегги, пытаясь привлечь общее внимание. И тут все, словно пробудившись от сна, увидели огромный, освещённый множеством огней, горд.

Да, это был тот самый город, который они покинули тогда, вынесенные сквозняком через межпространственную дверь, в то время как у них под ногами разваливался словно карточный домик, гигантский небоскрёб «Пирамида». Это был он, тот самый город... Но он ли это был?

И те, кто прожил в этом городе весьма напряжённые годы своей жизни, и те, кто видел его мельком, сразу почувствовали разницу между тем, что было тогда и тем, что предстало перед ними сейчас. Во-первых, огней в этом городе было больше, чем тогда, когда они его покинули. Не просто больше, а во много раз больше! Раз в десять, а то и в двадцать. Во-вторых, сам город, как будто вырос. Не столько вширь, хоть это тоже имело место, сколько в высоту. Если раньше крыши его небоскрёбов утопали в облаках, то теперь облака исчезли, зато казалось, что наиболее высокие строения способны задеть своими макушками звёзды! И, в-третьих – среди этих циклопических исполинов возвышался во всём своём мрачном великолепии, монстроподобный гигант «Пирамида», целый и невредимый!

– Этого не может быть, – пробормотал профессор Прыск, протирая свои очки, словно это способно было исправить какую-то погрешность в его восприятии реальности.

– Чего именно не может быть, по-вашему? – ехидно заметил Дульери.

– Он же рухнул, в прошлый раз! Ну, когда мы... – ошарашено, проговорил Драся.

– А я-то ещё считал драконов умными существами! – с триумфом в голосе воскликнул мафиозный дон. – Сами давеча распинались по поводу несовпадения времени в разных мирах, а теперь тормозим, когда речь заходит о подобных явлениях? А, между тем, всё просто! Пока мы были там, здесь прошло достаточно времени, чтобы отстроить «Пирамиду» заново. И не только её, как я вижу.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь! – в тон ему произнесла Анджелика, любуясь своим перламутровым маникюром. – Это вовсе не такие уж хороши новости для вас, дон Дульери?

Дуля сначала моргнул пару раз своими круглыми глазами, а потом озадаченно нахмурился.

– Ха! – радостно воскликнул Фиг, указывая на брата пальцем. – Попробуй теперь стать здесь главой мафии! Твоё место давно занято, братец! А может быть здешнее общество теперь настолько совершенно, что вспоминает о мафии, как о чём-то древнем, примитивном, вроде первобытно – общинного строя?

Дульери ничего не ответил на это и только гордо задрал нос, сложив на груди свои маленькие ручки.

– Знаете, господа, – проговорил профессор Прыск с многозначительной задумчивостью, – ваши предположения весьма остроумны, но пока что рано делать какие-либо выводы. Меня больше волнует то, что наш переход в этот мир прошёл слишком гладко!

– Разрез! – воскликнул Мик испуганно. – Мы забыли закрыть его!

Все в ужасе оглянулись.

«Шмяк!» «Шмяк, шмяк!» – раздалось за их спинами и в лучах, опускающегося за горизонт солнца, они увидели вертикальный проход между мирами, на котором возникали горизонтальные клёпки. Ещё миг и видение разреза словно растаяло в воздухе.

– Феноменально! – воскликнул профессор Прыск. – Но всё же я...

Договорить он не успел, внезапно налетевший вихрь, заставил его захлебнуться собственными словами, а затем подхватил, закружил и понёс беспомощное розовое тельце! Драгис рванулся было спасать учёного чудака, но сам был сбит с ног ураганным дыханием, и спасся только благодаря, наступившей на него, Анджелике.

– Что?.. Что это такое?! – выдохнула Мегги, когда всё кончилось.

– Не знаю! – честно признался Мик, вылезая из-под её крыла. – Сам вижу такое впервые.

– Приятно видеть слабость того, кого презираешь! – заявил дон Дульери, появляясь оттуда же.

– Кто-то соскучился по хорошей зуботычине? – процедил сквозь зубы Фиг, но закончить свою мысль не успел.

– Ой, ребята, что это! – вдруг вскрикнула Анджелика, забыв приподнять лапу с полураздавленного возлюбленного. – Что с вами? Посмотрите друг на друга!

– Опя-ать!!! – взревел Бык, вставая на ноги и ощупывая *руками* свою рогатую голову. – Ну почему я снова... Быкович!

– Потому что это твоя фамилия, забыл? – заметил Драгис, вставая и отряхиваясь.

– Нет у меня никакой фамилии! – взревел Бык. – Я это сам придумал, еще, когда жил у Козы. У меня и имени-то нет...

– Ну, имя у тебя, положим, есть... – возразил Фиг, но не договорил, потому что Бык недвусмысленно показал ему кулак.

– И что же это за имя? – поинтересовался Дульери, с удовольствием оглядывая свою фигуру, очеловеченную, но по-прежнему одетую в лохмотья.

– Не твоё дело! – рявкнул Фиг и даже встал между ним и Быком, словно тому требовалась защита.

– Значит всё повторится по новой? – спросил Драся, оглядев преобразившуюся компанию. – "Старые добрые времена" вернулись?

– Нет, – решительно отверг такое предположение падре Микаэль. – Такого не бывает и не может быть в принципе. Никакие «старые добрые времена», никогда не возвращаются. «Злые старые времена», по счастью, тоже. Могут наступить новые добрые или новые злые времена, но не более того.

– Нельзя ли это пояснить несколько более доходчиво? – осведомился Драся.

– Просто взгляните на себя критически, – устало сказал, переставший быть бомжом, падре Микаэль. – Что вы видите?

Все присутствующие снова переглянулись.

Собственно изменения коснулись немногих. Совершенно голый, но не замечающий этого, Быкович, с выражением отчаяния рассматривал свои огромные ноги, руки и всё время ощупывал голову, видимо, чтобы убедиться в том, что рога по-прежнему на месте.

Братья-близнецы – Фигольчик и Дульери, несмотря на плачевное состояние своих костюмов, похоже остались довольными, произошедшей с ними метаморфозой. Оба прибавили в росте, хоть среди людского племени их по-прежнему называли бы коротышками.

Драгис не изменился совершенно, разве что выглядел моложе, в основном потому что с его лица исчезло выражение горечи. Впрочем, эта благоприятная метаморфоза случилась с ним ещё на острове.

Анджелика тоже осталась в том виде, который приобрела в драконьих пещерах. При этом она сама не могла сказать наверняка, нравится ли ей это могучее и, по своему, прекрасное тело – дракона-монстра.

Мегги, соответственно меняться не собиралась. Сейчас она была занята тем, что заглядывала под каждый камень, куст или кочку.

– Господин профессор! – снова и снова звала юная драконесса. – Профессор Прыск, где вы?

Глядя на эти усилия, к ней присоединилась вся прочая компания, исключая дону Дульери, который с видом снисходительного превосходства, водрузился на старую бочку и только презрительно поглядывал на обеспокоенных друзей.

– Долго вы будете ещё страдать этой ерундой, несчастные? – крикнул он, когда добрый час поисков не дал никаких результатов.

– Возможно, Ваше Преосвященство, если бы вы соизволили помочь... – начал падре Микаэль, но бывший Великий Инквизитор тут же перебил его:

– Если бы я был настолько глуп, чтобы принять участие в ваших нелепых занятиях, то и в самом деле был бы достоин того, чтобы меня оставили на том дурацком острове! – изрёк он, победоносно подбоченившись. – Ясно же, что здесь его нет, иначе он давно объявился бы сам. Я не знаю, удалось ли выжить профессору на этот раз, но учитывая живучесть, которую он продемонстрировал за время нашего знакомства, склонен считать, что он жив, хоть

сейчас и находится где-то вне зоны досягаемости. Поэтому лично я считаю, что ваши поиски совершенно бесполезны. Профессор Прыск найдётся сам рано или поздно, и объявится, когда посчитает нужным или даст о себе знать.

Все остановились и в очередной раз переглянулись между собой, понимая, что он прав.

– Но что же нам теперь делать? – спросила Анджелика растеряно.

– А вот это самый главный и самый правильный вопрос, который должен нас с вами сейчас волновать! – сказал Дульери, многозначительно подняв палец. – Что нам делать? Почему-то меня совершенно не удивляет, что вы не имеете об этом никакого представления. А между тем, всё очевидно просто!

– И что тут, по-вашему, такого простого, дон Дульери? – спросил Драгис с изрядной долей нетерпения.

– В другое время послал бы вас ко всем... – злорадно проворчал Дуля. – Но раз уж мы заключили перемирие, так и быть скажу, коли вам своих соображалок не хватает. Ни вы, ни я не знаем, сколько прошло здесь времени. Не знаем мы также, какие именно изменения постигли этот мир, хоть и не сложно догадаться, что изменения эти весьма значительны. Ясно же, что мы должны восполнить этот пробел в информации, которой располагаем, прежде чем предпринять какие либо действия. Для этого следует произвести разведку и побывать в городе.

– Действительно просто! – воскликнула Мегги. – Тогда пошли...

– Стоп, стоп! – остановил её Дуля. – Конечно, мисс, решительности вам не занимать. Неплохо сказано – пошли! Вот только если мы всем табором заявимся в город, не миновать беды. Нет, не пошли. Прежде всего нам следует позаботиться о том, чтобы найти место для базы, где-нибудь в укромном месте, хотя бы для того чтобы укрыть от лишних глаз вас с принцесской. Затем, следует подумать, кто именно из нас пойдёт в город. Конечно, это должны быть те, кто имеет человеческий облик. Но, опять же таки, стоит ли ломиться всей толпой? Лучше будет пойти нам с братом, а остальным подождать, пока мы не разузнаем всё как следует.

– Я не настолько доверяю вам, дон Дульери! – возразил Драгис. – Хотите вы этого или нет, но я буду за вами присматривать, так что придётся вам терпеть мою компанию.

– Я, пожалуй, тоже отправлюсь с вами, – произнёс падре Микаэль. – Как ни приятно мне общество двух мм-м... необыкновенных девушек, но я считаю, что чем раньше мы приступим к поиску интересующей нас информации, тем лучше.

– Ясно, идём вчетвером! – подытожил Фигольчик. – А для связи оставим Быка. Бык, ты не против?

Быкович не возражал. На самом деле город ему никогда особо не нравился. Анджелику и Мегги решили спрятать на заброшенной лесопилке, принадлежащей Дульери. Обмениваться новостями договорились здесь, на ферме, куда Быкович и Драгис должны были приходиться раз в три дня под вечер. Вопросы кормёжки, одежды и жилья надеялись решить, благодаря деньгам, имевшимся у всех, кроме Мика в городских банках.

Глава 5. «Ура!», «Долой!» и прочие развлечения

Мик прошёл мимо дремавшей за своим столиком библиотекариши, которая тут же проснулась и уставилась на него сквозь огромные очки, словно увидела впервые. Так было каждый раз, когда он приходил в читальный зал Архива Конгресса и когда выходил из него.

Сперва он пытался наладить контакт с этой странноватой женщиной – приветливо здоровался, обращался с вопросами, делал попытки завести разговор, но всё было напрасно. Дама в дерюжной юбке, коричневой блузке с узким белым воротничком, в башмаках, сделавших бы честь портовому грузчику, в синих чулках, с традиционным пучком на голове и очках "аля профессор Прыск", то ли, в самом деле, успевала забыть о существовании единственного читателя, то ли успешно делала вид, что безмерно удивлена его появлением.

Однако пользоваться фондами и каталогами Архива она ему не мешала, и стоило Мику миновать её пост, тут же погружалась в записи в огромных пухлых регистрационных журналах. Так что со всеми трудностями поиска в книжных джунглях приходилось справляться самому.

Размышляя о своих нынешних находках, (драконий вариант сказки о трёх поросятах и обрывок зловещей песни нашлись после перелопачивания груды книг и свитков, которую проще было бы выразить в центнерах, чем в единицах хранения), бродячий священнослужитель вышел в холл, смахивающий на бальный зал, немного постоял, задумчиво глядя в сторону буфета, после чего махнул рукой и направился к выходу.

Площадь перед зданием Архива была залита солнцем и безлюдна. Городской гул доносился сюда, как бы издалека и, судя по периодическим взрывам аплодисментов, свисту и крикам "Ура!", на соседних площадях снова шли митинги.

Вообще, площадей в городе было много. Намного больше, чем он помнил из недавней своей жизни. Это объяснялось необычайной любовью граждан к разного рода митингам и собраниям, чего не водилось за ними раньше. Интересно, насчёт чего у них сыр-бор на этот раз?

Мик, не сходя с парадной лестницы Архива, присел на край нагретого солнцем мраморного основания колонны и прислушался. Благодаря тишине и пустоте, царившей вокруг него, можно было неплохо расслышать, что творится аж на четырёх соседних площадях, соединённых с его площадью широкими короткими переходами-проездами, имеющими зачем-то арочные крыши. Мик прислушался к тому, что доносилось из того прохода, что был крайним справа.

– Не отдадим никому!.. – орал кто-то оттуда сорванным голосом. – Не допустим и не позволим!..

– Ууууууууу! – одобрительно вторила ему толпа, подкрепляя свистом своё согласие с мнением оратора.

– Мы не свернём с выбранного пути! – надрывался голос. – Мы приложим все усилия...

Дальше Мик не разобрал, потому что рёв толпы заглушил выступающего с речью, и теперь звуки, доносившиеся с той площади, напоминали шум прибора. Тогда он обратился к противоположному проходу, бывшему крайним слева.

С первых слов, что удалось разобрать, он понял, что там что-то неладно.

– Не позволяйте с собой так обращаться! – почти визжал заполосный женский голос. – Долой геноцид по половому признаку! Долой диктатуру самцов! Даёшь демократические роды!

Ах, вот оно что! Мик уже встречался с теми, кто митинговал там, на площади слева. Да, это были женщины, и они требовали от правительства санкционирования и финансирования научных исследований, целью которых было бы заставить мужчин рожать детей наравне с женщинами.

Насколько он помнил, эти дамы составили целую партию, которая сразу разделилась на несколько фракций.

Крайние радикалы, например, стояли за то, чтобы соответствующие операции были сделаны всем мужчинам без исключения, невзирая на возраст, общественное положение и состояние здоровья. Среди них выделились даже ультрарадикальные активистки, утверждавшие, что необходимо хотя бы на некоторое время, столетий, этак на пять-семь, переложить задачу воспроизводства потомства исключительно на мужское население.

Конечно, там имелись и умеренные, стоявшие за демократический подход к этому вопросу. Они утверждали, что усовершенствование мужского организма должно быть добровольным, что мужчин следует привлекать к этому делу с помощью тщательно продуманной агитации, а также комплекса льгот и привилегий.

И, наконец, были среди них такие, кто был против искусственного вмешательства в дела природы, но и эти представительницы женской реформаторской партии пребывали в уверенности, что она, (природа), в ближайшее время сама наведёт демократический баланс и наделят мужчин способностью вынашивать и рожать детей. При этом никто из них не задавался вопросом, как именно это должно было произойти. "Как-нибудь!" – отвечали добрые женщины, сопровождая свои слова загадочными улыбками.

Самым странным было то, что они нашли немалую поддержку среди мужчин – политиков, всю стараящихся освоить ресурсы новой партии. Особенно когда речь шла о повышении собственного рейтинга и о вопросах финансирования из госбюджета.

Мик не собирался углубляться в эти проблемы, но усвоил для себя, что встреч с реформаторшами на улице следует избегать – они легко увлекаются и имеют склонность переходить всякие границы. Например, могут потребовать у встречного мужчины немедленного согласия на операцию по "усовершенствованию" организма, а в случае отказа избить до полусмерти сумочками и зонтиками.

Радуюсь в душе, что митингующие не выходят сегодня за отведённую им территорию, он обратился было к проходу, ведущему к третьей площади, и тут же понял, что радость его была преждевременной. Через проход на площадь Архива Конгресса шла толпа с флагами и транспарантами. Лица людей были суровы, челюсти плотно сжаты, глаза, устремлённые вдаль, метали молнии. Твёрд и тяжёл был их шаг, который они профессионально печатали по брусчатке мостовой. Ветер лихо полоскал серые полотнища знамён, словно марш происходил не тёплым солнечным днём на мирной пустой площади, а где-нибудь на морском побережье в бурю.

Это ещё кто такие, что так решительно шагают в направлении, избегаемого всеми, Архива?

Недоумение Мика тут же разрешилось, когда он взглянул на лозунги, аккуратно выведенные чёрным на серой и белым на чёрной ткани транспарантов.

"Долой газеты!" – кричал первый, самый маленький.

"Добьёмся полного запрета на печатную продукцию!" – развивал ту же тему второй.

"Книги в огонь!" – вопил третий.

"Поддержим правительство в борьбе с бесполезным образованием! – возвещал четвёртый.

"Не дадим развратить своих детей губительной учёбе!" – призывал шестой.

"Знания – грех!" – проповедовал седьмой.

"За чистоту и невинность умов!" – подытоживал восьмой.

Стройные колонны углубились в пределы площади Архива Конгресса шагов на двадцать и остановились в молчании. У Мика от беспокойства защемило сердце. Что сейчас произойдёт? Неужели они пришли громить главное хранилище знаний цивилизации, центром, которой является этот город?

Демонстранты стояли неподвижно, наверное, секунд десять и вдруг, словно по команде завопили, заверещали и засвистели все разом! В направлении здания Архива Конгресса полетели огрызки, обедки, смятые клочки бумаги, бывшие когда-то газетами и страницами книг. Протестующие по-обезьяньи прыгали, кривлялись, выделяли неприличные жесты, а некоторые, сняв штаны, демонстрировали свои филейные части тел, повернувшись задом в сторону Архива.

Содом продолжался минуты три, после чего митингующие, как по команде прекратили выражение своего протеста, моментально навели порядок в своих рядах и удалились в торжествующем молчании. Мик перевёл дух.

Положительной чертой почти всех безумств охвативших преображённый город, было то, что они редко имели фатальные, катастрофические или хоть сколько-нибудь серьёзные последствия. Чаще всего немислимые страсти, громopodobные речи, зловещие призывы, угрозы и проклятия сотрясали воздух, развлекая толпу, грозившую смести всё на своём пути, но имеющую свойство быстро остывать и переключаться на другой объект внимания.

Мик размышлял с минуту, не стоит ли ему вернуться за метлой и убрать мусор оставленный поборниками "чистоты и невинности умов", но тут он вспомнил, что понятия не имеет, где в здании Архива находятся метлы, а обращаться за этим делом к библиотекарше не хотелось, и, скорее всего, было бы бесполезной тратой времени. Тем более что головная боль его не прошла, а наоборот усилилась видимо из-за всего увиденного и услышанного только что.

И тогда он встал со своего мраморного сидения и направился в сторону прохода ведущего к площади, откуда не раздавалось ни звука. Это была самая тихая и спокойная площадь из всех, что были в городе, несмотря на то, что она же была, наверное, самая большая. Дело в том, что здесь никогда не проводились митинги, а делалось это в знак уважения к личности великого человека, почётного гражданина города о котором среди его жителей, да и за пределами, ходили легенды. Это была... площадь Дульери!

Здесь стоял его памятник – трёхметровая бронзовая статуя на высоком четырёхгранном постаменте, сплошь покрытом высеченными золотом надписями о деяниях великого героя. Сама статуя изображала полного человека в небрежно сидящем костюме, широкополой шляпе и с сигарой в зубах. Дульери стоял, широко расставив ноги, с руками, засунутыми в карманы брюк, безжалостно смяв при этом полы пиджака. Его глаза светились мудрым прищуром, а на открытом широком лице играла обезоруживающая улыбка.

Мик тоже улыбнулся, когда вспомнил какое впечатление произвёл этот монумент на того кому он был поставлен.

Глава 6. Казусы разведки, большие и малые

Это случилось после того, как они четверо беспрепятственно вошли в город, успешно посетили банк, где сняли кругленькую сумму денег и зашли в магазин одежды, чтобы привести в порядок свой гардероб. Вот тут-то и вышла первая заминка.

Хозяин магазина, узнав, что надо его посетителям, искренне огорчился.

– Как, и вы туда же? – спросил он с таким печальным видом, как будто стал свидетелем непристойного поведения того, кто был образцом невинности.

– Что вы имеете в виду? – осведомился Фиг, уже присмотревший себе щегольской серый костюм в тонкую полоску.

– Я имею в виду, что если такие, как вы поддаются общим соблазнам, тогда действительно всё пропало! – ещё более печально произнёс странный торговец и горестно вздохнул.

Путешественники переглянулись.

– Мы по-прежнему не понимаем вас, любезнейший! – вступил в разговор Драгис, повернувшись к хозяину магазина всей своей внушительной фигурой. – Если вас смутил наш внешний вид, то поверьте, мы в состоянии заплатить...

– О, ужас! – возопил, вконец расстроенный негоциант. – Если члены общины "Бедствующих" способны заплатить, что остаётся делать нам, несчастным?! Вы были последними, кто был свободен от стяжательства в этом мире, последними, чьи молитвы могли быть услышаны, ибо произносились они устами, не знающими лжи, лести, зависти! Ваши души были невинны, а карманы пусты, как это завещал вам святой Мик, чьим путём вы шли до сих пор. Вы презирали богатства, и даже достаток, жили под открытым небом, одевались в священные лохмотья и питались объедками. Вы брали на себя все, что недоступно нам, жаждущим денег... Вы молились за нас, утопающих в грехах, за нас, слабых и порочных!..

Патетическая речь бедняги оборвалась, так-как её заглушили рыдания. Он долго ничего не мог сказать и только заламывал руки перед растерянной четвёркой. В конце концов, Мик взял на себя заботу о несчастном, отечески обнял его и принялся негромко наговаривать на ухо что-то успокоительное. Наконец, хозяин магазина справился с собой и сказал следующее:

– Пусть так! Наверное, это правильно. Нельзя требовать от малого числа подвижников, чтобы они отвечали за грехи и пороки целого человечества. Не упрекать я вас должен, а благодарить за то, что вы уже сделали для нашего спасения! И я отблагодарю! Я это сделаю! Вы можете взять в моём магазине всё, что пожелаете и совершенно бесплатно! Всё! Всё! Я настаиваю! Вы хотели одеться прилично? Так оденьтесь роскошно!

И он принялся бегать по своему магазину, выхватывая то один, то другой костюм из висящих на вешалках и швыряя это всё к ногам обалдевших посетителей. Дульери недвусмысленно покрутил пальцем у виска, Драгис направился было к выходу, но Мик остановил его.

– Наш уход сделает этого человека несчастным! – сказал он. – Примем его любезное предложение, а потом придумаем, как отблагодарить его за это.

И они остались. И попали в текстильный рай. Или может быть в ад, смотря с какой точки зрения воспринимать то, что происходило в магазине.

Прошёл наверно час или два, (часов ни у кого из них не было, а спросить время у хозяина, вившегося волчком, было неудобно), а примеркам не было конца. Трудно было сказать, сколько они всего перемерили – десятки или сотни костюмов? Сил едва хватало на то, чтобы отвергать камзолы с кружевами и кафтаны из золотой парчи. Больше всего повезло Мику – хозяин в самом начале заметил, что он похож на священника и через минуту тот был одет в дорожный костюм патера, единственный в магазине. Это дало возможность, вновь обретшему нормальный вид, падре Микаэлю не принимать участие в общем безумии.

Наконец, все члены экспедиции были одеты по-человечески. Драгис получил костюм спортивного кроя, одинаково пригодный для появления в приличном обществе и для игры в крокет, а ещё широкополую шляпу, длинный сильно приталенный плащ, узконосые штиблеты, белоснежную манишку и перчатки.

Костюмы братьев – близнецов отличались лишь по цвету. Дуля вырядился в одежду выдержанную в чёрно-коричневых тонах, Фиг остался верен серому костюму в полоску, выбранному в самом начале.

Взглянув друг на друга, оба фыркнули, но тут хозяин магазина воскликнул, не дав развиться их новым препирательствам:

– Ба! Да вы, ребята, решили примкнуть к дульеристам? Так бы сразу и сказали. Это правильно! Достоянейший и благороднейший выбор, раз вы больше не хотите причислять себя к "Бедствующим".

– Извините, почтенный, – обернулся к нему Драгис, выбиравший клетчатые брюки, широкую куртку и кепку побольше для Быковича, – к кому, по-вашему, мы решили примкнуть?

– К дульеристам! – повторил хозяин. – Неужели вы не слышали? Ах, да! Я должен был догадаться, что вы не здешние. Это же самое сильное общественное движение нашего города! Правда, кое-кто у нас с этим не согласен, так-как чайнианцы более многочисленны, но лично я стою на позициях дульеризма. Ха! Вот вы, например, просто вылитый дон Дульери!

Говоря это, он ткнул пальцем в сторону Фига, только что сунувшего в рот сигару. Тот от неожиданности выронил сигару и закашлялся.

– А что? – не унимался эмоциональный торговец. – Можете сами убедиться. Памятник дону Дульери всего в двух кварталах отсюда. Сходите прямо сейчас, сами всё увидите! Вы ещё не были на площади Дульери?

Так они попали на площадь Дульери и, наверное, минут десять все четверо смотрели, открыв рты, на упомянутый выше памятник. Ну, и, конечно же, самое сногсшибательное впечатление сей монумент произвёл на самого бывшего мафиозного дона.

Дуля смотрел серьёзно и недоверчиво. Казалось, он менее всех здесь был склонен верить в реальность увиденного. Но памятник был реальностью, как и музей Дульери, возвышающийся за его спиной.

Немного оправившись от потрясения вызванного лицезрением памятника, путешественники, не сговариваясь, поспешили в музей.

Да, это был поистине музей великого человека. Здесь были тщательно собраны все возможные сведения о доне Дульери, его личные вещи, фотографии, прочие артефакты, рассказывающие о его жизни и подвигах.

Биография сей знаменитости была прослежена с детства(!). По собранным в музее фактам выходило, что дон Дульери родился в семье бедных, но очень честных фермеров и с детских лет отличался прилежанием, трудолюбием, усидчивостью и порядочностью.

Пока Дуля сосредоточенно переходил от стенда к стенду, читая и тщательно рассматривая всё, что там было представлено, Фиг то кипел возмущением, то норовил расхохотаться. От этого его удерживали Драгис, многозначительно кивающий в сторону охраны, и Мик, указывающий своему другу на таблички с надписью – "Не шуметь!".

А, между тем, они имели счастье лицезреть увеличенные фотографии дома детства маленького Дули, его школу, (под последней фотографией на стене виднелась плохо затёртая надпись – "Долой образование!"), сельскую церковь, которую он посещал, его самого – щекастого мальчика с кротким личиком и глазами, поднятыми к небу. Тут же имелись снимки его родителей – суровых, но очень колоритных и симпатичных трудяг-фермеров, с достоинством смотрящих в объектив, не выпуская при этом из рук лопат и грабель.

Казалось, Фиг сейчас взорвётся! Он покраснел до цвета свёклы и даже как-то раздулся, как иногда бывает с людьми, которых переполняют эмоции. Мик даже хотел предложить ему временно прекратить осмотр музея и выйти освежиться, всерьёз опасаясь, как бы с беднягой не случился удар. Но тут Фиг натолкнулся на сведения о себе.

Оказывается, у будущего великого человека был брат. Почему-то при этом нигде не упоминалось, что они были близнецами. Фотографии Фиглориуса тоже не сохранилось, зато его характеристика была яркой и многоцветной!

В то время, как юный Дуля являлся образцом всяческих добродетелей, Фиглориус был полной его противоположностью. Мальчик оказался ленив, склонен к чтению и непочтителен к старшим. С молодых ногтей он проявлял склонность к вольнодумству, церковь посещал редко, а впоследствии и вовсе перестал там появляться. Зато неоправданно долго задержался в школе. В то время как Дуля закончил всего два класса, после чего, со всем подобающим хорошим мальчикам рвением, стал помогать родителям по хозяйству, его нерадивый брат сидел за партой целых пять лет, погружаясь в не нужные честным людям науки и напиткиваясь вредными знаниями.

Далее в биографии обоих братьев имелся странный провал. Музей не располагал сведениями об их отрочестве, взрослении и превращении в зрелых членов общества, а переходил сразу к деяниям великого Дульери. Фиглориус из этого повествования при том временно исчез.

Итак, появившись в некий счастливый день в городе, энергичный, крепкий, активный и деятельный, но пока никому не известный, Дуля, первым делом сплотил вокруг себя наиболее энергичных, крепких, активных и деятельных сторонников. Как он это сделал, не объяснялось, зато за толстыми музейными стёклами красовались несколько фотографий, подлинность которых Дульери тут же радостно подтвердил.

Эти фотки выглядели старше тех, что были в начале экспозиции. На некоторых дон Дульери сидел в кресле, положив ногу на ногу, на других выглядывал из окна автомобиля, на третьих гордо стоял во главе своего грозного клана, ошетилившегося дробовиками и автоматами. При этом он всегда был в дорогом, но небрежно сидящем чёрно-коричневом костюме, в светлой шляпе и с сигарой в зубах.

Пояснительные надписи под фотографиями рассказывали о том, как дон Дульери и его молодцы наводили порядок в городе, погрязшем в бандитизме, разврате и прочих пороках. А еще, там говорилось, как с помощью решительных мер, (не сказано каких), великий герой искоренил коррупцию в правящих кругах и в полиции, как он бескорыстно помогал бедным, заступался за слабых, восстанавливал справедливость...

– Ещё немного и я сам во всё это поверю! – проговорил Дуля, слегка дрожащим, голосом. – Что они сделали с моей репутацией? Кого из меня слепили? Санта Клауса?

Однако, согласно притче о ложке дёгтя в бочке мёда, где-то на середине "правдивого и познавательного" рассказа в который складывалась информация, подкреплённая экспонатами, (личный обрез-лупара дона Дульери, его старая шляпа, окурок сигары и так далее), появился, временно исчезнувший, непутёвый брат героя – вставший на скользкий путь порока, Фиглориус.

Теперь его звали иначе. Теперь это был беспринципный, кровожадный и бессовестный гангстер по прозвищу – Граната Фигольчик!

Тут случился новый казус – прочтя всё это под полицейским фотороботом вышеозначенного гангстера, (фотографий опять не сохранилось), братья молчали несколько секунд, и вдруг разразились таким хохотом, что буквально попадали на пол. Теперь внимания со стороны охраны было не избежать.

И охрана явилась. Дульери, будучи во главе мафии, рад был бы видеть подле себя таких молодцов. Казалось, что кто-то, шутки ради, вырядил в человеческую одежду двух хряков-рекордсменов, которых к тому же научили ходить на задних ногах. При этом с размером

костюмов всё-таки вышла ошибка и теперь оба "красавца" щеголяли в пиджаках с рукавами по локоть, обнажающими волосатые руки с пудовыми гирями вместо кулаков. При этом разговаривали оба бугая на удивление вежливо.

– Можем ли мы вам чем-нибудь помочь, господа? – прогудел первый, но в его тоне слышалось: "Готовьтесь к смерти, придурки!"

Оба брата замолчали на миг, после чего с ними случился новый приступ смеховой истерики. Охранники переглянулись и грозно нависли над странными посетителями музея.

– Мы вынуждены напомнить вам о необходимости соблюдения тишины в здании музея! – ухнул, как из бочки второй и засучил рукава, собираясь видимо переломать нарушителям все кости.

Но тут между мрачающими на глазах охранниками и утратившими самоконтроль близнецами, встал Драгис Драговски, улыбнувшись своей фирменной улыбкой в шестьдесят четыре зуба, при виде которой, в недавние времена, у самых самоуверенных громил сразу исчезала охота шутить.

– Всё в порядке, ребята! Всё под контролем! – заговорил он самым дружелюбным тоном, на который мог быть способен нильский крокодил. – Я прошу прощения за столь бурное выражение радости со стороны моих пациентов. Они сейчас успокоятся и постараются впредь держать себя в руках.

– Пациентов? – спросил первый охранник, недоверчиво взглянув снизу вверх на Драгиса, который был выше обоих здоровяков на полторы головы.

– Да, пациентов! – подтвердил тот, улыбнувшись ещё шире. – Позвольте объяснить. Я врач-психиатр, специалист по лечению душевнобольных воображающих себя кем-то ещё. Президентом, например или святым Иекадимом, да хоть жареным поросёнком на блюде, и такое, знаете ли, бывает! Так вот, эти двое – весьма достойные и состоятельные граждане, страдают, как раз таким заболеванием. Представьте себе – они воображают себя, один – доном Дульери, а другой – его братом и противником – Гранатой Фигольчиком!

– А ведь точно! – воскликнул второй охранник, уставившись на всё ещё давящихся смехом близнецов, словно только что их увидел. – Они действительно похожи! Вот этот, так просто вылитый Дульери!

При этом он указал на Фига.

– Но что вы делаете в музее с вашими, э-э, пациентами? – вновь спросил первый охранник, бывший видимо поумнее.

– Дело в том, – мягко ответил Драгис, доверительно взяв бдительного секьюрити за локоть, – что мой метод лечения отличается от традиционных, принятых в обычной медицине. Вместо того чтобы разубеждать пациентов, опровергать их притязания на то, чтобы быть теми кем они себя ощущают, я всячески поощряю эти заблуждения, стараясь довести их до абсурда. Смысл такой терапии заключается в том, что больной сам осознаёт всю нелепость своих утверждений и выздоравливает! Эти двое, как раз находятся на пути к выздоровлению. Их смех был вызван тем, что они поняли, насколько на самом деле они далеки от тех, кем считали себя до сих пор.

– Я бы не сказал, что они очень далеки! – почесал в затылке второй секьюрити. – Им бы в кино сниматься, так они похожи на...

– В кино! – воскликнул Драгис, словно его озарила внезапная идея. – Как же я сразу не догадался? Спасибо вам! Спасибо!

И он принялся энергично трясти руки сначала одного охранника, а затем и второго.

– За что это вы нас благодарите? – спросил первый охранник, сумев, наконец, высвободить руку, в то время, как второй, со съехавшимися к переносице глазами, проверял целостность своей кисти.

– Вы натолкнули меня на счастливую мысль! – крикнул Драгис. – Надо для закрепления эффекта снять их в фильме про дона Дульери! Это же великолепно! Слушайте, здесь же можно убить даже не двух, а трёх зайцев одним выстрелом! Во-первых, счастливое избавление обоих пациентов от недуга, во-вторых, можно будет снять шикарный фильм и заработать кучу денег, а в-третьих – я буду первым, кто применит такой приём в излечении маниакальных синдромов и первым, кто опишет его в медицине! А ведь это слава, признание, авторитет, премии и новые богатенькие пациенты! Ребята, с меня причитается! Я добьюсь, чтобы вас упомянули в титрах. Когда здесь закончим, сразу же приступим к выполнению нового плана, а пока разрешите нам продолжить сеанс терапии, пока достигнутый эффект не потерялся из-за перерыва.

Охранники сердечно пожелали "пациентам" скорейшего выздоровления и удалились.

Дальнейший осмотр экспозиции уже не произвёл такого сногшибательного впечатления. Рассказывалось о противостоянии "Общества чести" дона Дульери и банды Гранаты Фигольчика, к которой, в один прекрасный день, присоединился совершенно жуткий тип по имени Драгис Драговски. Стенды пестрели подлинными и фальшивыми газетными вырезками, фотографиями и воспоминаниями свидетелей подобранными таким образом, что деятельность клана Дульери выглядела едва ли не священной войной, а его оппоненты выставлялись воплощением зла, сеющими хаос и разрушение в силу своей чудовищной природы.

Ко всему этому путешественники были уже готовы и все, кроме любознательного падре Микаэля, почти зевали, глядя на галиматью, выдаваемую за подлинную историю. Но вот они подошли к финалу.

Зал, посвящённый безвременной гибели героя, был отделан драгоценным чёрным мрамором и убран тяжелыми траурными занавесями, красивыми складками ниспадающими тут и там. Экспонатов в этом зале было мало. Так, какие-то камни, кирпичи, несколько странных металлических лепешек, в которых посетители с удивлением узнавали расплавленные автомамы Томпсона.

Тут же были фотографии небоскрёба "Пирамида", до и после разрушения, огромный портрет Дульери, кисти некоего художника Мылова, (никогда, правда, не видевшего самого героя вживую), на котором прославленный дон был изображён с лицом одухотворённым и даже поэтичным.

Но самым удивительным здесь было несколько подлинных и очень нечётких снимков, сделанных случайно, на которых были изображены моменты падения гигантского здания, на вершине которого борцы за справедливость под командованием дона Дульери, наконец-то зажали в угол банду изувера Фигольчика.

Устроители экспозиции честно признавались, что на самом деле никто не знает, что именно произошло тогда на верхушке башни небоскрёба. Возможно, крыша была заминирована, слетевшими с катушек бандитами, а может быть произошёл какой-то природный катаклизм, уничтоживший одним ударом обе группировки и самое высокое здание в городе.

Учёные, исследовавшие место катастрофы, сходились во мнениях, что в небоскрёб ударила сверхмощная молния, а запечатлённые на полусмазанных фотографиях контуры драконов, есть не что иное, как случайная игра теней.

Как бы там ни было, дон Дульери трагически погиб вместе с лучшими представителями своего клана, унеся с собой злодея Фигольчика и его банду, чем оказал городу последнюю неопенимую услугу.

Четверо путешественников вышли из траурного зала музея слегка ошарашенными. Олимпийское спокойствие сохранял только Мик. Фиг был задумчив, Драся кривил рот в презрительной улыбке, Дуля злобно ворчал что-то себе под нос.

– Вы чем-то недовольны, почтенный дон? – спросил знаменитый гангстер Драговски у своего недавнего врага.

– Ты ещё спрашиваешь? – огрызнулся Дульери. – Оно мне надо?!

– Что именно?

– Дутая слава, фальшивая биография, лживая история! Кого они из меня сделали? Что за посмешище? Когда это я был добреньким дядюшкой? Что за клоун такой, этот *их* дон Дульери? Да будь я на самом деле таким кретином, как здесь показано, мне не продержаться в этом городе даже неделю!..

– Я вижу, вы остались недовольны увиденным, молодой человек? – раздался вдруг незнакомый, старчески скрипучий голос.

Все обернулись и увидели согбенного старичка, такого маленького и согнутого, что он был похож на сгоревшую спичку.

– Вы совершенно правы, – продолжал старичок, ничуть не смущаясь под изумлёнными взглядами четырёх путешественников. – Всё, что здесь показано и рассказано – совершеннейшая чушь! Я лично знал дону Дульери и был с ним до самого конца. Мой вам совет: хотите знать, как всё было на самом деле – идите к чайникам.

– Простите, к кому идти? – недоумённо спросил Мик.

– К чайнианцам, в Чайнатаун, – ответил старичок. – Они от Дульери натерпелись в своё время и сказки сочинять не будут. Чай у них, кстати, отменный, так что рекомендую!

Проговорив это, старичок исчез за ближайшей дверью.

– А ведь это же... – начал Дуля, и вдруг бросился догонять старичка, но вскоре вернулся раздосадованный.

– Ты чего так за этим стариканом сорвался? – спросил Фиг брата ставшего ещё более хмурым.

– Ты что, так его и не узнал? – с презрительной насмешкой фыркнул Дуля. – Это же Мышкевич, мой личный советник и разработчик самых злоковарных планов. Он, оказывается, выжил. Без него я бы вряд ли вас так легко вычислил и сцапал тогда.

– Ну, положим, это было не так уж и легко! – со сталью в голосе, заметил Драгис.

– Сеньоры! – в очередной раз встал между ними падре Микаэль. – Давайте не будем затевать беспредметный спор, который никому из нас не нужен. Этот... Мышкевич сказал, что мы можем раздобыть информацию у чай... в Чайнатауне. Давайте сейчас туда пойдём. Мне как раз очень хотелось бы выпить чашечку хорошего чая!

Глава 7. Чайна-таун, мой Чайна-таун!

Мик и сейчас не отказался бы от чашечки чая, но пересекая площадь Дульери, он не смог удержаться от того, чтобы ещё раз взглянуть на памятник. Здесь его ждал забавный сюрприз – у монумента сегодня стояли на посту юные дульеринцы!

Несмотря на то, что на памятник до сих пор никто не покушался, городская Дульеристическая организация решила взять на себя его охрану. Теперь каждые два часа здесь происходила торжественная смена почётного караула, представлявшая собой сложную церемонию. Мик на это мероприятие сегодня опоздал, но всё равно подошёл посмотреть на двух замерших юных дульеринцев.

Им было лет по двенадцать. Серьёзные, строгие лица. Белоснежные рубашки с безупречными чёрными галстуками. Шорты до колен, (или это юбки?), странно, нет, по крайней мере, на одном точно – шорты. На ногах гольфы и чешки. На головах широкополые шляпы, надетые слегка набекрень. В руках игрушечные автоматы Томпсона.

Самой смешной деталью были косички-баранки, торчавшие из-под шляпы одного из дульеринцев. Да, это была девочка. Эх, жаль Дуля не видит!

.....

Дульери так и завис в Чайна-тауне после их тогдашнего его посещения. Когда они шли "к чайникам", то ожидали увидеть тесные захламлинные улицы, освещаемые тусклыми разноцветными фонариками, гирлянды сохнувшего белья, натянутые между домами настолько густо и часто, что не видно неба, мелкие лавочки на каждом шагу, от которых пестрит в глазах, жуткую грязь, и кругом китайцы, китайцы, китайцы...

А увидели небоскрёбы, сияющие стеклом и сталью, вычищенные до блеска улицы, широкие витрины магазинов, выполненные в самых разных стилях, красивые фасады домов, сочетающие старинные и современные черты. И кругом китайцы, китайцы, китайцы...

Только вот китайцы эти были какие-то другие. Непривычные были китайцы! Редко кто из них был одет в национальную одежду былых времён. На мужчинах преобладали деловые костюмы безупречного вида, женщины предпочитали лёгкие платья светлых расцветок, весьма открытые, изящные и провоцирующие.

Через несколько шагов Фиг в буквальном смысле вывихнул себе шею, и Драгису пришлось её вправлять. Всё дело было в том, что женщины Чайна-тауна были потрясающе красивы. Куколки, а не женщины! И двигались они во время ходьбы раскованно, свободно, с грацией и достоинством королей! Никакой семенящей походки, никаких опущенных в землю глаз. На этих улицах они были главными – вот, что говорил их внешний вид и манера себя держать.

– Я что-то никак не соображу, но что-то здесь не так! – задумчиво проговорил Драгис. – Ну, хорошо, Чайна-таун изменился к лучшему. Я этому рад. Но... Скажите – почему мне кажется, что здесь всё светится?

– Возможно, потому что жители здесь так молоды? – предположил падре Микаэль.

– А ведь верно! – воскликнул Фиг. – Вокруг одна молодёжь и ни одного старика. Куда они стариков-то дели?

– Сдали в утиль! – проворчал Дульери. – А может, сожрали – китайцы всеядны.

– Не судите по себе, старина! – осадил его Драгис. – Я немало времени провёл в старом Чайнатауне, и могу сказать со всей ответственностью – местные жители относятся к своим старикам с трогательной заботой и уважением. Проще предположить, что старшее поколение сидит по домам, наслаждаясь отдыхом, в то время как молодёжь работает.

– Господа! – вдруг крикнул им в лицо, невесть откуда появившийся молодой человек, невысокого роста и с улыбкой от уха до уха. – Я вижу вы прибыли издалека и конечно устали с дороги. Позвольте пригласить вас на чашечку чая в ресторан дедушки Ли Сунь Ханя...

– Как! Старина Ли Сунь Хань жив ещё? – едва ли не заорал Фиг, но тут же смолк под изумлённым взглядом приветливого юноши.

– О! Я вижу, слава нашего чайного ресторана доходит до самых отдалённых мест, – сказал он, справившись со своим удивлением. – Если вы знаете имя знаменитого чайного мастера Ли Сунь Ханя, то позвольте высказать вам своё особое почтение! Что же касается того жив ли сам мэтр, то увы, должен огорчить вас, господа. Ли Сунь Хань скончался в тот же год, когда исчезла банда проклятого Дульери и пропали без вести несколько великих героев, долгое время противостоявших этим мерзавцам. Сейчас рестораном руководит правнук мастера Ли Сунь Ханя – почтенный Ли Чай Пей. Он будет рад приветствовать тех, кто помнит его именитого предка...

– Слушай, парень! – перебил его Дульери. – Каких ещё там «великих героев» ты там помянул?

– Э-э... Я имел в виду защитника всех слабых и угнетённых, бесстрашного Гранату Фигольчика и его друзей... – пролепетал ресторанный зазывала, смущённый внезапным натиском и хмурым видом, задавшего ему вопрос коротышки. – У нас в главном зале, по правую руку от портрета основателя ресторана, мастера Ли Сунь Ханя, висит портрет этого храбреца и победителя злодеев. А ещё есть стенд, где можно увидеть вырезки из старых газет и фотографии на которых запечатлены дедушка Ли Сунь Хань и Граната Фигольчик, а так же великан Драгис Драговски и этот, как его?

– Быкович, по прозвищу – Малютка Телёнок, – закончил за него Драгис.

Парень согласно кивнул и вдруг уставился на путешественников, будто увидел привидение.

– Не бойся! – рассмеялся Драгис. – Мы не призраки. Мы артисты, играем в фильме о событиях, времён твоего мастера Ли Сунь Ханя. Фильм задуман, как реалистичная картина ушедшего мира. Наш режиссёр не желает становиться, на чью либо сторону в противостоянии партий, и всякое такое... В общем, потому мы и здесь, чтобы выяснить истинное положение дел, вникнуть, так сказать в суть произошедших тогда событий.

– А вы действительно похожи! – проговорил парень, слегка оправляясь от шока. – Вот вы, например – вылитый Граната Фигольчик!

Он ткнул пальцем в Дульери, а Мик второй раз за сегодня подумал, что отставного мафиозного дона хватит удар. Дульери застыл, словно увидел голову Медузы Горгоны.

– Ты попал в точку, приятель! – воскликнул Драгис, дружески обнимая паренька за плечи. – Именно он и будет играть знаменитого Гранату Фигольчика. А я, как ты наверно понял, буду – Драгис Драговски. А теперь, будь другом, подскажи, как нам встретиться с чайнианцами?

И тут случился ещё один из казусов, которых немало уже накопилось за день – юный китаец вдруг побледнел, и глаза его остекленели, словно кто-то приставил ему нож к горлу.

– Никогда о таких не слышал! – проговорил он сдавленным голосом. – А наш ресторан... вон он, напротив...

И тут он ловко вывернулся из руки Драгиса и исчез в толпе, словно растворился.

Глава 8. Собор Святого Мика

Мик решил навестить сегодня Дульери в Чайна-тауне. Какой бы мрачной фигурой не был отставной мафиозный дон, (не говоря уже о его истинной сущности), странствующий священник причислял его к своей маленькой пастве, в которой были прихожане и почуднее.

Падре Микаэля ничуть не смущало то, что среди его подопечных нет ни одного, кого можно было бы назвать полноценным человеком. Близнецы с чудными, даже невозможными именами имели лишь внешнее сходство с людьми, а на деле являлись жителями тонкого мира, который согласно вере самого священника, человеку постичь было не дано.

Драгиса можно было считать человеком, ибо он являлся таковым снаружи, изнутри и духовно, но от рождения он был драконом, что проявлялось в нём периодически.

Человеком от рождения была Анджелика, и человеком по духу она осталась, но сейчас пребывала в облике дракона-монстра, который даже с драконьей точки зрения был чудовищем.

Дальше – больше! Мегги – сестра Драгиса, была драконом чистокровным, и от прочих драконов её отличала лишь любовь к наукам и необходимость носить очки.

Быкович, будучи, по сути, быком, (правда, очень добрым быком, вопреки устоявшемуся мнению о быках испанской породы), внешне был похож на человека, но не в полной мере, так как рога у него на голове присутствовали даже в человеческом образе.

Драгису так и не удалось найти для него подходящую кепку, чтобы скрыть это украшение, и теперь, появляясь на людях, бывший гангстер по прозвищу Малютка Телёнок, щеголял в широченной соломенной шляпе, что придавало ему простоватый деревенский вид. Впрочем, Быка, который всегда любил деревню, это вполне устраивало.

Потерявшийся, в настоящее время, профессор Прыск, был вообще непонятно кем. Внешне он напоминал собой крысу размером с кошку или даже поболее. Вёл себя, как человек. Правда во время сильного эмоционального возбуждения начинал бегать и пищать, как крыса. Он обладал глубочайшими познаниями по всему спектру наук, что было немудрено, ведь срок его жизни был скорее драконьим, чем крысиным или человеческим. К забавным странностям этого существа можно было прибавить также ношение очков и телесно-розовый цвет его короткой шерсти.

Интересно, вернётся ли этот симпатичный чудик? Мик успел привязаться к нему за период непродолжительного знакомства, начавшегося на острове, и теперь скучал по их познавательным беседам и по общению с фантазмогоричным интеллектуалом, называвшем его почему-то коллегой.

К сожалению, ближайший путь к Чайна-тауну, расположенному в другом конце города, проходил мимо места, которое падре Микаэль посещать не любил. А местом этим был... Собор Святого Мика.

Священник до сих пор не мог забыть шок, который испытал в тот день, когда он радостно вошёл под своды величественного храма и с ужасом обнаружил, что храм этот посвящён... ему! Причём не ему, как таковому, (конечно он не считал себя, ни в настоящее, ни в прошлое время достойным того, чтобы быть причисленным к лику святых), а тому «ему», который бомжевал в этом городе когда-то.

Собором владела секта Святого Мика, грозившая в ближайшее время превратиться в отдельную постхристианскую церковь, так-как число её сторонников увеличивалось день ото дня.

– Я же говорил, что ты еретик! – злорадно сказал тогда Дульери, бывший Великий Инквизитор.

Впрочем, сказал он это скорее по привычке. Дульери в последнее время основательно изменился, но Мик не мог с уверенностью предположить, к лучшему ли это.

Секта Святого Мика проповедовала нестяжательство, миролюбие, непритязательность, бедность и кротость. Как это часто бывает, эти идеи, выглядевшие со стороны привлекательно, на деле доводились здесь до абсурда – наиболее рьяные последователи учения ходили в лохмотьях, питались отбросами и даже специально разводили на себе блох для пушного умерщвления плоти. В лохмотьях ходили также и священнослужители секты, правда никто и никогда не видел, чтобы они питались отбросами.

Конечно, далеко не все прихожане храма святого Мика жили в бедности. Среди них было немало людей состоятельных и даже весьма богатых. В рубище такие адепты облачались только во время самых торжественных богослужений и празднеств. При этом они на словах всячески превозносили тех членов общины, что действительно пребывали в нищете, искренне верили, что попадут в рай благодаря их молитвам, и конечно не жалели для них объедков со своего стола.

Положительной чертой последователей нового учения, был периодически посещавший их дух альтруизма, как это случилось тогда с хозяином магазина одежды. Отрицательной – изрядная доля лицемерия, которая, увы, уродует любое благое начинание и, к сожалению, присутствует во всех конфессиях, трубящих о своей праведности и непогрешимости.

И всё же Мик отправился в Чайна-таун дорогой ведущей мимо собора. Сделал он это не потому, что идти кружным путём было слишком далеко. И не потому, что плохо переносил городской транспорт. Точнее, совсем не переносил.

Просто самая архиглупейшая глупость, это поворачиваться спиной к тому, что противоречит твоим убеждениям. Такие явления надо встречать открытым лицом, а не делать вид, что их не существует. Потому он решил не только пройти мимо Собора Святого Мика, но и заглянуть в сам собор.

Сегодня не было службы, и огромное помещение встретило посетителя гулкой, наполненной шорохами тишиной и спокойным полумраком, не скрывающим деталей внутреннего убранства, а лишь набросившим на них лёгкую вуаль.

Падре Микаэль привычно перекрестился, коснувшись пальцами купели со святой водой, (слава Богу, эти люди не отошли от христианства, а лишь выделили на первый план святого, которого сами себе выдумали), и тут же опустил от стыда голову. Справа от входа в основной предел собора в нише стояла статуя святого Мика, благословляющего коленопреклонённого основателя секты, одетого в полицейскую форму, при оружии, но с обнажённой головой.

Основателем секты Святого Мика был тот самый полицейский, попавший под трамвай, после того, как выселил самого Мика из его любимого лежбища – промежутка между киоском и стеной большого каменного дома. Среди людей, знавших Мика и бывших свидетелями того происшествия, ходили слухи, что полицейский пострадал из-за проклятия наложенного на него благочестивым бомжом. В конце концов, полицейский якобы сам уверовал в это. Крепко уверовал.

Падре Микаэль постоял несколько секунд, глядя в пол, потом всё же справился с собой, поднял голову и в упор взглянул на скульптурную композицию, которая так бессовестно лгала про его прошлую жизнь.

Двухметровый, белоснежно-мраморный, Мик, был одет в живописные лохмотья, но благообразен и светел. Он не глядел на стоящего на коленях полицейского, на голове которого покоилась его левая рука. Правую руку святой прижимал к груди, лицо его было обращено к небу, глаза возведены горе. Выражение лица молитвенное, отрешённое от мирских забот.

Падре Микаэль вздохнул, вспомнив, что реальный Мик, которым он был в то время, как раз тогда основательно налегал на виски, и, хоть Бога не забывал, но благочестия в нём было не больше чем в одном, знакомом ему бродячем кобеле, с которым он то дружил, не разлей вода, но частенько дрался с ним из-за объедков, так-как всю милостыню тратил на выпивку.

О том, как проклял полицейского, (теперь-то он знал, кто это был такой!), он помнил хорошо, хоть и не верил, что именно его проклятие отправило чрезмерно въедливого копа под трамвай. А вот история с благословением того же служителя порядка и наставлением его в учении проповедующим бедность и всё такое прочее, была чистой выдумкой. Мик не видел того копа после несчастного случая и даже не знал до недавнего времени, что тот остался жив.

– Вы желаете присоединиться к нашей общине?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что падре Микаэль вздрогнул. На миг ему показалось, что с ним заговорила мраморная статуя. Однако в следующее мгновение он понял, что это был один из здешних священнослужителей, неслышно подошедший сзади.

– Я вижу вас здесь уже не в первый раз, – сказал этот, наряженный в чистенькие, пахнущие свежестью, лохмотья, толстячок с добродушной, благообразной физиономией. – К нам нечасто заходят служители старых конфессий. Чаще всего дело ограничивается бранью из-за ограды. Мы-де совращаем людей с пути истинного и обрекаем их на проклятие. На деле же речь идёт о том, что значительная часть их паствы перешла к нам, желая приобщиться учению Святого Мика, и, как следствие, доходы приходов снизились. О, но может быть, я оскорбил ваши чувства? Простите великодушно! Я просто стараюсь следовать наставлениям святого Мика и излагаю свои взгляды прямо, не пряча их за ширмой лжи.

– Нет, нет, что вы! – поспешил заверить его падре Микаэль. – Вы вовсе не задели моих чувств. Правдой нельзя оскорбить, даже если она звучит для кого-то нелицеприятно, ибо ложь – порождение врага рода человеческого, а значит, правда угодна Богу, какой бы она ни была. Что же касается вступления в вашу общину, то я искренне благодарен за приглашение, но предпочту остаться в лоне своей Матери Церкви, служению которой посвятил себя уже давно. Однако позвольте выразить вам своё почтение, ведь, по сути, мы все служим Создателю, который един для всех нас!

Они церемонно поклонились друг другу. Мик почувствовал, что его лицо заливают краска стыда, но это был уже стыд совсем другого рода. Беда заключалась в том, что, говоря очевидную истину, он лицемерил! Согласно требованиям Церкви, которой он служил совершенно искренне и добровольно, он должен был сейчас обличать и обвинять во всех смертных грехах этого лжепопа, и делать это даже в том случае, если его будут насильно выгаливать из еретического храма, даже если будут убивать...

Но он понимал, что не сделает ничего подобного. Возможно, Великий Инквизитор прав, и он самый настоящий еретик и отступник. А что ещё можно сказать о священнике, среди прихожан которого есть драконы, быки-оборотни и ещё Бог знает кто? Что ж, пусть так. Он всё равно не отречётся ни от одного из них, и не будет кричать о ереси в чужом храме.

У еретиков тоже есть чему поучиться. Например, адепты Святого Мика веротерпимы и никого не тащат к себе за уши, не ведут под дулом автомата, не проклинают за принадлежность к другой конфессии или религии.

Но они же не сидят на пухлых задах и не дожидаются, пока прихожане сами пожалуют в их храмы. Город буквально наполнен активистами общины. Они вежливо, но настойчиво пристаёт к прохожим, предлагают им прийти на собрание общины, послушать проповедь. Суют в руки людям листовки и брошюры с изложением основных догматов своей веры. Такие же листовки, порой с наивными и даже смешными призывами, жители города нередко находят в своих почтовых ящиках или приклеенными к собственным дверям липкой лентой.

Может быть, падре Микаэль и не разделял их убеждений, изначально основанных на выдумке, но усердие, с которым они эти убеждения отстаивали, вызывало вполне заслуженное уважение.

Покидая Собор Святого Мика, священник вдруг понял, что здесь ему даже нравится! Нет, не тем нравится, что в качестве предмета поклонения выступал как бы он сам, а просто

– нравится. Надо будет посетить это место ещё раз или два и внимательно послушать, что они там говорят.

В конце концов, в появлении секты Святого Мика есть и его вина. Не раз и не два в свою бытность бомжом, побирающимся на улицах города, он разговаривал с прохожими, если только они не шарахались от него при встрече сразу. Не раз и не два излагал он любопытным слушателям свои взгляды на жизнь, веру и мироздание, а иногда даже растолковывал непонимающим значение христианских догматов. Теперь он точно припомнил, что среди присутствующих при этом, частенько бывал и тот полицейский. Оказывается, он тоже слушал...

Глава 9. Умиротворённый дон

Среди выцветших ковров и потёртых циновок, маленький полный человечек, одетый в цветастый халат и странную шапочку, был почти незаметен. Если пристально не всматриваться, его вполне можно было принять за рисунок на старом ковре. Рисунок, изображающий маленького полного человечка, умиротворённого и погружённого в размышления.

– А, это ты! – буркнул Дульери и подвинулся, приглашая вошедшего сесть рядом. – Будешь?

Он предложил Мику раскуренную китайскую трубку, которую тот, конечно же, отверг, тревожно приняв себя к голубовато-сизому дыму, живописно истекающему из узенького набивного отверстия. Нет, это был не опиум. Падре Микаэль облегчённо вздохнул и опустился на циновку, неловко скрестив ноги.

– Ну, что, нарыл что-нибудь? – спросил Дульери, с наслаждением затягиваясь ароматной отравой.

– Драконью сказку и драконью песню. Неполную, – честно ответил Мик.

– И?

– Ничего похожего на ключ. Правда само их присутствие указывает на то, что он где-то рядом.

– Рой дальше, он где-то там. Если не сам ключ, то намёк или прямое указание на то место, где его искать.

Дульери многозначительно замолчал и снова затянулся трубкой. Мик исподтишка оглядел его с головы до ног. Если бы не трубка и шапочка, ни дать, ни взять – Будда, размышляющий о природе Мироздания.

– М-м, как там Фигольчик? – спросил Мик, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

– Почём я знаю? – пожал плечами буддоподобный дон, не выказав, правда, при этом обычного раздражения. – Он ко мне не заходит, а мне недосуг соваться в его дела. Кстати, он мог бы тебе помочь. Он ведь, хоть и придурок, но знает не меньше моего, и мозги у него не из ваты, не то, что у его дружка, Драговски.

Падре Микаэль сдержался, чтобы не вступить в полемику по поводу этой вопиющей несправедливости, тем более что такой оппонент, как Дульери, мог запросто его провоцировать, хотя бы забавы ради.

– Но вы ведь и сами могли бы мне помочь...

Мик чуть было не прибавил по привычке – «Ваше Преосвященство», но вовремя остановился, сообразив, что это не только вызовет град насмешек, но может увести разговор в совершенно не нужное русло.

– Ха! – хакнул Дульери с деланным пафосом. – Забыл, с кем имеешь дело? Люди прозвали меня бесом и причисляют к Ангелам Тьмы, хоть я и не имею к ним никакого отношения. Какой мне смысл вам сейчас помогать? У нас был договор, обе стороны его худо-бедно выполнили. Так чего же вам ещё надо? Задаром работать я не собираюсь, а предложить вам мне сейчас нечего. Меня здесь всё устраивает и баста!

– Но ведь вы же не добились своего, – мягко возразил Мик.

– То-есть не восстановил свой статус дона в клане? – поднял брови Дульери, что сделало его похожим на неулыбчивого клоуна. – Но моего клана больше нет. Потомки моих громил, совсем другие люди, я навёл справки. Чудно, но большинство из них служат в армии или в полиции. Кто бы подумал, а? Конечно, можно создать новую банду и собрать другой клан из других людей. Кандидаты найдутся, они всегда находятся, но зачем? Такое у меня уже было, а потом это не тот мир, который я знал, будучи доном в клане. Здесь иные условия и много есть чего такого над чем стоит подумать. Вот я сижу и думаю. И уж поверь, я додумаюсь до чего-

нибудь поинтереснее старой доброй мафии, хоть в душе всё ещё ощущаю себя её главой! И даже если снова соберу клан, то это будет не цель, а средство для достижения более высокой цели.

Падре Микаэль поёжился. Слава Дульери не были пустой бравадой, и ему стало страшно за этот мир. Если такой хладнокровный злодей, и при этом превосходный организатор здесь адаптируется и начнёт куролесить, то это может вылиться во что угодно.

– И всё же признайтесь, вы желаете успеха нашим поискам, – вдруг неожиданно для себя проговорил Мик, – иначе не советовали бы мне дальше «рыть» в библиотеке и не спрашивали бы об успехах.

Дульери повернулся к нему всем корпусом и посмотрел в упор, словно хотел разглядеть получше.

– Скажем так, – ответил он, – мне интересно, как вы выкрутитесь. Это интерес футбольного болельщика, и в этом смысле я на вашей стороне, тем более что мне самому будет спокойнее, когда вы покинете пределы этого мира. Но я не собираюсь гнать для вас мяч через всё поле.

– А крикнуть – «Шайбу! Шайбу!»? – спросил Мик, усвоивший уже немало особенностей культуры разных миров.

– Или – «Судью на мыло!» – пошутил Дульери, и сам расхохотался в одиночестве. – Ладно, так и быть, дам вам ещё одну подсказку, раз вы такие тугодумы, что не в состоянии воспользоваться тем, что есть у вас в руках. Короче – чем перелопачивать горы пыльных книг и прочей макулатуры, не проще ли обратиться к Библиотекарю?

– Пробовали, – сокрушённо сказал Мик. – Он не отзывается. Среди нас только сеньорита Анджелика имеет влияние на этого... этот...

– А кто пробовал?

– Все. Сначала сеньор Фигольчик, потом сеньор Драгис, а затем и я, недостойный.

Дульери снова расхохотался, да так, что закашлялся и долго не мог остановиться.

– Дра... Дра-а-гис! – давился он словами, хватая ртом воздух, как рыба. – Ещё бы Быкович попробовал! Жаль, что с вами не было Быковича!

– Но сеньор Драгис уже имел опыт общения с Библиотекарем, – откровенно обиделся за друга Мик.

– Так ведь он был тогда драконом! – парировал Дульери. – Плохоньким, маленьким, но всё же драконом. Конечно, ему по силам было ухватить Библиотекаря за шкуру. Но с тех пор, (ха-ха!), «сеньор Драгис» многое потерял, а у Библиотекаря, между прочим, память хорошая, и больше он ему просто так не дастся. Он и на вашу принцесску теперь дуется, как мышь на крупу, но долго дуться он не сможет, так что пусть она с ним и разговаривает.

– Но как же нам?..

– Как вы доставите многотонную девицу в драконьей шкуре в читальный зал Архива Конгресса? Ну, это уже ваше дело! Думайте! Эх, ладно. Вот вам последняя подсказка – если гора не идёт к Магомеду, то Магомед идёт к горе. А теперь всё! Больше ни слова!

Выйдя из затерянного в недрах Чайна-тауна старого дома, где предавался размышлениям и набирался мудрости Дульери, падре Микаэль понял, что сейчас ему требуется не чашка, а ведро чая, чтобы решить проблему – каким таким сверхъестественным способом можно доставить здание Архива Конгресса на лесопилку, где прятались Анджелика, Мегги и Быкович?

Глава 10. Тайна имени

– Я родился на ферме. Наверное, многие быки родились на ферме, однако не все могут рассказать про себя такую историю. Когда я родился, мама корова облизала меня шершавым языком и сказала задумчиво – «НА МЯСО!»

Я рос, как говорили, как на дрожжах, ел только самое вкусное, то есть мамино молоко и, то, что найдётся в маминой кормушке. И думал, то есть не думал, а был уверен, что мир хорош, нет, просто великолепен, раз есть на свете мама и странные добрые существа, которые ходят на двух ногах, подсыпают в кормушку вкусного корма и ласково гладят тебя по спине, приговаривая при этом: «НА МЯСО!»

Особенно мил был старый, добрый фермер, который всегда приносил

вкуснящий кусочек хлеба, посыпанный солью, ласково трепал мою голову, аккуратно обходя прорезающиеся рожки, и тоже приговаривал при этом: «НА МЯСО!»

Так я жил примерно год, хотя я не знал в то время, что такое год, да и вообще не задумывался о времени. Пока не встретил... собаку!

Это был великолепный пёс! По крайней мере, он сам про себя так рассказывал. Бесстрашный охотник, который сопровождал своего хозяина, (того самого фермера), в разных приключениях, спасал его от смертельной опасности, (он имел в виду кошек), много-много раз и всегда удостаивался высшей похвалы – трепанию рукой по голове, от которого уши завязываются узлом, а мозги проваливаются куда то в живот и там вскипают, раздуваются так что приходится переворачиваться кверху брюхом и дрыгать лапами, и стонать от наслаждения, и скулить, и выть, и визжать!..

В общем, он меня убедил. Когда в следующий раз старый добрый фермер пришёл к нам с мамой в хлев, насыпал в кормушку чего-то хрустящего и обалденно пахнущего, (вообщем того чего всегда так хочется быку, даже если ему нет ещё и года от роду), я почувствовал, как мои внутренности завязались узлом, мозги вскипели, ноги взбрыкнули, (потом оказалось, они пришились по подбородку, животу и коленям фермера), я радостно перевернулся на спину и задрыгал в воздухе копытами.

Однако старый добрый фермер почему-то остался недоволен. Он выбрался из кормушки, отряхнулся, сказал несколько непонятных сердитых слов, от которых покраснели в хлеву все, даже мама корова, потёр ушибленный подбородок и прочие места, а потом протянул ко мне свою добрую, мозолистую руку, схватил мой рог, и сказал мне, дыша табаком прямо в нос: «Точно – НА МЯСО!»

Странно, но после этого старый добрый фермер не приносил ничего вкусного, только обычный корм, и при этом поглядывал на меня с опаской, ворча что-то себе под нос.

Так продолжалось довольно долго. Не знаю точно сколько, но с тех пор я всё чаще и чаще слышал от фермера и его друзей своё имя, (как я тогда считал) – «НА МЯСО!»

Да! Я думал, что меня так зовут! А вы бы что подумали, когда каждый двуногий суёт тебе в нос яблоко, кусочек сахара или горбушку с солью и приговаривает при этом – «НА МЯСО!» В общем, я был уверен, что это моё имя.

Собственно говоря, глаза мне раскрыл тот самый пёс. До сих пор помню этот честный, бескорыстный взгляд, который проникал, казалось в самую глубь моего естества, (как он сам говорил – ливер); этот сочувственный взгляд, который сразу же сменялся взглядом восторга, когда он плавно перетекал на мои ляжки...

Да! Сладки мгновенья славы, когда герой сам не знает, чем восхищаются его поклонники! Но как горьки минуты разочарования...

Однажды фермер насыпал мне в кормушку чего-то особенно хрустящего и вкусного, и, оглядев меня с головы до ног, произнёс что-то длинное и непонятное, которое оканчивалось моим именем – «НА МЯСО!»

На ту беду, мне совершенно не хотелось есть, но я не мог обидеть старого доброго фермера, и, поэтому издал благодарственный клич всех быков, который звучал примерно так – МММУУУУУУ-УУУУ-УУУУУУУУУ-УУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ! При этом я пару раз подпрыгнул передними копытами и несколько раз изящно взбрыкнул задними.

Какого же было моё удивление, когда мой дорогой и любимый фермер вдруг присел, прижал к голове свою шляпу и испуганным голосом несколько раз повторил: «На мясо! Скорей на мясо!»

После этого он уронил-таки свою шляпу, быстро выбежал из хлева и ...

больше я не видел своего старого доброго фермера. Да, кстати мамы коровы я к тому времени тоже не видел уже несколько дней. Фермер что-то говорил о молоке, о новых телках на мясо, (я тогда ещё думал, что речь идёт обо мне), но, потом он начинал говорить какие-то непонятные слова, значения которых я не понимал, но запомнил их и спросил у моего знакомого пса, что всё это значит.

Какие только "прелести" он мне не расписал! Оказывается моё тело это само совершенство! Какие слюни он пускал при слове ОКОРОК; а при слове ГРУДИНКА закатывал глаза и готов был упасть в обморок. Когда он говорил о ГОЛЯЖКЕ, его глаза загорались, а зубы начинали лязгать; то же случалось, когда речь заходила вообще о КОСТЯХ, (тут он начинал сходить с ума, носиться, как пчелой укушенный, скулить и обнюхивать мои ноги, подвывая и облизываясь).

Из всего этого я сделал вывод, что в качестве еды и фермер, и пёс рассматривают именно меня! Некоторое время, (примерно на одну жвачку), я размышлял над этим вопросом, но всё сводилось к тому насколько я вкусный. И тогда я решил себя попробовать.

Согласитесь, что это в своём роде подвиг со стороны быка, (бычка около года от роду). Ну, кто ещё додумается куснуть себя за ногу, как будто это обычная трава?

Я додумался. И куснул. И откровенно говоря, ничего особенного не почувствовал. Тогда я припомнил, что кто-то говорил, (может быть, сам добрый фермер или его пёс), что вкуснее всего то, что там, в ляжках. Я дотянулся до своей ляжки и куснул изо всей силы...

С этого момента я плоховато помню, что происходило вокруг. Помню только ветер, свистящий в ушах, половинку ворот, на рогах болтающуюся и затихающие крики фермера: «На мясо!, На мя... На со... мя – а, сооо...» И тишину, впервые влившуюся в мои уши тишину, наполненную стрекотанием кузнечиков, запахами трав, мирным шелестом далёкой дороги, шёпотом звёзд и ветром, ни с чем несравнимым ветром свободы, берущим вас за ноздри железной ласковой рукой и ведущим... куда? Навстречу судьбе, конечно же!

.....

Бык замолчал и поправил на углях ветки с пекущимися яблоками. Обе девушки слушали его, широко распахнув свои огромные глаза, а Мегги к тому же открыла рот от удивления, вызванного такой необычной историей. Скосив украдкой глаза на её великолепные клыки, Бык подумал, что не так давно сбежал бы в ужасе от такого страшного зрелища. Но теперь всё воспринималось им по-другому. Частенько он вообще забывал, что имеет дело с драконессами. Они не вели себя, как драконы и вообще, как хищники. Хотя, именно здесь крылась их главная проблема – еда.

Обе скучали по мясу. Анджелика заявляла правда, что может без него обходиться, но он понимал, что это не так. Мегги несколько раз заявляла свои права на овец, пасущихся неподалёку, и её пришлось уговаривать, не поступать опрометчиво, ведь дракона нападающего на отару, трудно не заметить. Пока они сидели на фруктах и овощах, которые Бык покупал у местных фермеров, якобы для отправки в город на рынок, который он хорошо знал.

Но так долго продолжаться не могло – обе его подопечные начали худеть и выглядели уныло. Пока выход не был найден, (Драгис уверял, что они с Фигом обязательно что-нибудь придумают), он кормил девиц историями, до которых они были весьма охочи, ведь других развлечений у них не было.

.....
– А что случилось дальше? – спросила Мегги, ёрзая от нетерпения. – Ты отправился странствовать?

– Нет, меня поймали, – вздохнул Бык. – Моя свобода длилась меньше суток. Если бы такое случилось несколько позже, всё было бы по-другому, но тогда я был всего лишь несмышлёным годовалым бычком. Я ничего не знал о жизни, не понимал ни сути, ни природы вещей. Как у нас говорят – не видел ничего дальше мамкиного вымени.

Моё бегство было случайным, я ведь вовсе не собирался убежать, не умел прятаться и цели такой не преследовал. Тогда я заблудился в кустах, которыми зарос небольшой овраг, сравнительно недалеко от фермы. Работники нашли меня по мычанию. Конечно, ветер свободы запал в душу, но я испугался, поцарапался и проголодался, (кусты оказались невкусными), а потому очень хотел домой.

Когда меня вытащили, то перво-наперво угостили палкой. Это был мой первый жизненный урок, который я хорошо запомнил, хоть подлинное значение усвоенной информации открылось намного позже.

Когда вернулись на ферму, старший скотник, конечно, обрадовался, но я уже тогда начал догадываться, что он рад не мне собственно, а чему-то ещё. И то, что он всё время повторял – «На мясо! На мясо!», уже не смахивало на то, что меня зовут по имени. Истина открылась мне спустя годы, а тогда я был полон сомнений и подозрений, которые в силу своей неопытности никак не мог разрешить.

Меня посадили отдельно от остальных обитателей хлева, в маленький загончик, заложённый прочными жердями, которые было не сломать. Мне там совсем не нравилось, но моего мнения никто не спрашивал. По крайней мере, мне задали корм и оставили в покое.

Единственно кто меня навестил это мой друг – пёс. Он-то и принёс новости, которые заставили меня призадуматься. Во-первых, он сообщил, что хозяин сильно мною недоволен, а именно – считает меня буйным и непредсказуемым. А потому, меня решено отправить на мясо раньше намеченного срока. Во-вторых, оказывается, старый добрый фермер изначально приберегал меня для собственного стола, но теперь он изменил решение, и меня продадут мяснику, так-как хозяин убеждён, что есть мясо буйных бычков вредно.

Последним обстоятельством мой друг был особенно огорчён и много скулил по поводу того, что ему не достанется от меня ни косточки.

Эти разговоры только усилили тревогу в моей душе, но тогда я ещё не осознавал в полной мере нависшей надо мной опасности. Просто я не знал ещё, что такое смерть. Правда, благодаря эксперименту, который я тогда над собой поставил, я уже знал, что когда меня начнут есть, то это будет больно, а потому нет ничего хорошего в перспективе быть съеденным.

Но, поделаться я тогда ничего не мог – загон, где я стоял, выдержал бы натиск взрослого быка, не то, что телёнка. Меня спасло то, что мясник, которому меня собрался продать фермер, куда-то уехал. Я простоял в том загоне в совершенном неведении целых два дня, и единственно, что мог себе позволить в качестве развлечения, это чесать рога о жерди. А на третий день на ферму заехал скупщик скота, и они договорились с хозяином о сделке.

Меня загнали в чужое, незнакомое стадо, где все относились друг к другу скверно, за порядком никто не следил, так-как не было быка – вожака, и действовал первобытный принцип – кто сильный, тот и прав. Как назло, я был среди бычков самым младшим, да и среди коров тоже, не считая одной очень симпатичной телочки, наверное, моей ровесницы или даже помладше.

Будучи товарищами по несчастью, мы быстро подружились. Скупщик приобрёл её на отдалённой ферме, где она жила в полном неведении об окружающем мире, как и я, до недавнего времени. Правда, в отличие от меня, у неё было своё настоящее имя – Сметанка.

Так её называли из-за большого белого пятна на лбу, окружённого несколькими маленькими, будто ей на голову и впрямь уронили целый половник сметаны. А ещё у неё была белая грудка и белые чулочки. Всё это досталось её от бабушки – белой коровы какой-то заграничной породы и выглядело на фоне блестящей каурой масти очень красиво.

Сметанка, от природы весёлая и беззаботная, выглядела теперь запуганной и забитой. Дело в том, что её угораздило в первый же день, по неопытности, сунуться к чужому вымени. Конечно, в своём родном стаде это было делом обычным. Какая из родных или двоюродных сестёр матери, не покормит племянницу? Здесь же расклад был иным. Незнакомые коровы, нервные, а потому злые, даже без видимого повода норовили боднуть в бок, а тут уж вовсе озверели. Так что досталось бедной Сметанке, как говорят – по первое число!

Побитая впервые в жизни, перепуганная, она метнулась было к быкам, но те оказались не лучше – едва не затоптали до смерти. Она ведь не вошла ещё в возраст и коровой не считалась, а потому не могла рассчитывать на то, что они будут вести себя с ней, как подобает кабальеро. В общем, было от чего забиться в хвост стада, но тут на неё налетела собака и стала загонять обратно, а когда Сметанка заартачилась, куснула за ляжку. Так прошли для неё несколько кошмарных дней, пока не появился я.

Нет, я не стал для неё защитой, опорой и гарантией безопасности. Годовалый бычок не соперник двухлетку, а таких там было большинство. С коровами я померить её тоже не мог, но мог подставить свой бок, чтобы принять удар, предназначавшийся моей новой подруге. Правда, мне удалось договориться с пастушьим псом, который сильно удивился, что я его понимаю, но ведь у меня уже был опыт общения с собакой. Я смог объяснить ему, что мы вовсе не отстаём от стада, а идём на небольшом удалении, чтобы не провоцировать конфликты. Он всё понял и больше не кусался.

Мы со Сметанкой запросто нашли общий язык, и вскоре путешествие нам стало даже нравиться. Днём нас гнали по дороге, а поскольку там нечего было есть, мы болтали обо всём подряд, то-есть ни о чём, но всё равно было интересно. Ночью отъедались на каком-нибудь поле, куда нас загоняли, как раз с этой целью.

Сначала нам попадалось по дороге довольно много небольших деревень, а пару раз мы прошли через города, показавшиеся мне тогда огромными, а на деле бывшие крохотными, мало отличавшимися от деревни. Наше стадо пополнялось новыми бычками и коровами, но случалось и так, что скупщик продавал кого-нибудь, если это ему было выгодно.

Но вот, человеческие поселения стали попадаться всё реже, и, наконец, совсем исчезли. Место, по которому мы шли тоже весьма изменилось. Вместо долин и холмов нас теперь окружали горы, и хоть дорога оставалась наезженной, всё вокруг казалось диким.

Скупщик и двое его погонщиков, чего-то опасались и старались пройти опасное место, как можно скорее. Чем оно было опасно, выяснилось на второй день, точнее на вторую ночь нашего пребывания в горах.

Как мы ни торопились, останавливаться на ночь было необходимо. Здесь было не то, что в долинах – пастбища тощие, истоптанные, водопои тесные. Нам со Сметанкой доставались лишь редкие былинки, случайно не съеденные кем-то другим, а попить из страшно холодного ручья можно было только тогда, когда напьются все остальные.

Надо ли говорить, что все в стаде приуныли, а мы, так, тем более! Надежда была лишь на то, что весь переход должен был занять менее трёх суток, и карабкаться по кручам не требовалось – горы в этом месте были невысокие, дорога хоть и сузилась, оставалась ровной и вилась между ними, огибая практически все труднопроходимые места. Собственно мы пересекали лишь край горной системы, основной массив которой возвышался в стороне.

Накануне нашей последней ночёвки, вечером, мне довелось услышать разговор между скупщиком и его работниками. Они сетовали на то, что не могут продолжать путь в темноте, так-как значительный участок дороги идёт по краю ущелья, где можно запросто потерять половину стада, да и самому шею свернуть недолго.

Ещё, они жаловались, что Его Величество король, слишком редко посылает своих альг-василов контролировать дороги, на которых «пошаливают», а мы как раз находились в таком месте. Правда, если удастся пережить эту ночь, то завтра к полудню мы покинем горы, а при хорошем шаге ещё до вечера достигнем населённых мест.

Я, конечно, совсем немного понял из услышанного, но главным, по моему мнению, было то, что завтра мы сможем, как следует поесть. Обрадовав этой новостью Сметанку, я прижался к её тёплому боку, и мы с ней задремали, грезя о сочной траве, которую будем щипать на следующий день.

Наше пробуждение было странным и пугающим. Тихая, спокойная ночь вдруг взорвалась криками, хлопками и непонятными вспышками слепящих огней! Первым поднял шум пёс, разразившийся таким яростным лаем, какого я не слышал ещё в жизни. Потом раздался грохот, как будто кто-то со всей дури шарахнул доской о деревянный настил! Пёс коротко взвизгнул и смолк, зато в тот же миг закричали люди. Потом снова грохнуло, потом ещё и ещё!

Скупщик и погонщики больше не кричали, но вокруг раздавались другие голоса, незнакомые. Новоприбывшие зажгли факелы от крохотного костерка, оставленного на ночь, и тогда ночь превратилась в день.

Собак у этих людей не было, поэтому волнующееся стадо успокоили палками, причём сделали это так умело, что даже самые рьяные быки сразу поняли, что лучше не брыкаться.

Я всё силился понять, что же такое произошло, и вскоре мне представилась возможность узнать это. Когда нас сгуртовали и куда-то повели, то мы прошли мимо того места, где ночевали скупщик и погонщики. Костёр кто-то залил, но в свете факелов я увидел четыре распростёртые на земле тела. Это были наши недавние хозяева – скупщик, два погонщика и их пёс. Они лежали неподвижно, в странных неестественных позах, а под ними растекалась лужа чего-то красного, дурно пахнущего.

Этот запах был не резкий, но отталкивающий. Он смущал и немного пьянил, заставлял думать о чём-то тягостном и плохом... До этого я никогда не видел крови, и не чувствовал её запаха, а потому не знал, что это один из цветов и ароматов смерти.

Нас вели весьма долго, наверное, всю ночь. Когда мы остановились, над горами ещё висели звёзды, а внизу темнота была, хоть глаз коли. Но с одной стороны небо уже превратилось из чёрного в прозрачно-тёмно-синее, а это означало, что рассвет недалёк.

Люди, которые пригнали стадо в новое место, на мой взгляд, ничем не отличающиеся от старого, (ровная площадка без травы, и кругом скалы), повели себя точно также, как те, кто привёл нас из родных земель в горы. Они позаботились о том, чтобы стадо не разбежалось, перегородив выход из каменного загона загородкой из прочных жердей, больше смахивающих на брёвна, а потом развели в стороне костёр.

Кажется, их было пятеро или шестеро – считать я тогда не умел. Разбив нехитрый лагерь, эти новые люди о чём-то коротко посоветовались, после чего двое из них вернулись к стаду, сделали беглый осмотр, отделили нас со Сметанкой и повели к костру.

Повторюсь – ни она, ни я, мы ничего тогда не знали о жизни. Мы привыкли, что нас куда-то ведут, потому что водили нас до сих пор из хлева на пастбище и обратно. Даже это путешествие, во время которого с нами обращались порой грубо, не заставило нас перестать доверять людям. Раз тебя куда-то ведут, значит так оно и надо!

– Ну, чо, атаман, выбирай! – развязно проговорил один из них. – По мне, так телок упитанней. Его значит и чкх-х!

Он издал какой-то странный звук, значения которого я не понял. Человек небольшого роста, но важный, что твой фермер в воскресном подпитии, поднялся со своего места и подошёл к нам. Внимательно осмотрев нас обоих, он покачал головой и сказал:

– Не. Тёлка слишком приметная. Будем продавать – засыплемся. Так что, давай её!

Остальные одобрительно закивали головами. Потом меня отвели в сторону и привязали к толстому колу, загнанному меж камней. Я пока ещё ничего не понимал.

Всё произошло очень быстро. У меня на глазах Сметанку ввели в круг света, один из разбойников крепко ухватил её за рожки и вдруг ловким движением сбил с ног, навалившись всем телом, лишая возможности встать. Другой достал из-за пояса здоровенный складной нож, под названием «наваха», что означает – бритва, раскрыл его и... молниеносным взмахом перерезал тёлочке горло...

Тело Сметанки задёргалось, забилося в судорогах, раздался хрип, бульканье... На какой-то миг мне показалось, что она сейчас сбросит повисшего на ней человека и убежит, но этого не случилось.

.....

Бык замолчал, потому что Анджелика негромко, жалобно вскрикнула. Девушку била мелкая дрожь, из ноздрей вырвались две тонкие струйки дыма, а внутренность пасти осветилась знакомым голубоватым сиянием.

Бык подумал было, что дело плохо, но ничего страшного не случилось. Юная драконесса отвернулась, тяжело дыша, видимо стараясь скрыть выступившие на глазах слёзы. Но вскоре она справилась с собой и даже пришла на помощь Мегги, которая откровенно рыдала, закрыв голову крыльями. Когда они обе немного успокоились, она взглянула на Быка, покрасневшими, но уже сухими глазами и приказала глухим голосом:

– Дальше! Рассказывай.

– Может не надо? – засомневался их товарищ, и с тревогой посмотрел на всё ещё всхлипывающую Мегги.

– Нет, пожалуйста, Быкусь, продолжай! – попросила она. – Нам нужно знать всё.

Бык пожал плечами и продолжил:

.....

– Вскоре движения Сметанки замедлились, дрожь прекратилась, а под её телом возникло и стало расплываться огромное красное пятно. Я заморожено смотрел на это... красное, оно растекалось всё шире, пачкая её белоснежные чулочки и окрашивая серые камни в цвет смерти...

Понимание случившегося ещё не вошло в мой мозг, который вообще отказывался соображать. Я смотрел, и всё вокруг меня заливало это красное. Красное! Проклятое красное!!!

Не знаю, в какой момент я стал биться. Это не было сознательным действием, тело металось само, мускулы конвульсивно напрягались, копыта били наугад! Кол, который не под силу было сломать и взрослому быку, разлетелся в щепки! В какой-то момент одному из разбойников удалось ухватиться за верёвку, обмотанную вокруг моей шеи, но я тут же мотнул головой и угодил левым рогом ему под рёбра. Человек истошно заорал, а мне в глаза плеснуло что-то тёплое липкое, красное! Красное!!!

И вот тут меня заколотило по-настоящему! Я рванулся вперёд, ничего не видя и не разбирая, но продолжая бить копытами и рогами наугад. Кто-то ещё попал под мои удары, но кто и как, не помню.

Я до сих пор не знаю, убил ли я там кого-нибудь или только покалечил? Пока был молод, тешил себя мыслью, что, скорее всего, убил – в памяти остались вопли адской боли, треск разрываемой плоти, хруст костей... Теперь я по-другому отношусь ко всему этому.

А тогда я метался по бандитскому лагерю, сея вокруг себя разрушение. Не знаю, как мне посчастливилось вырваться? Выскочил ли я тем же путём, которым нас туда привели или, что,

скорее всего, нашёл случайно иную лазейку. Не помню. Помню только, что нёсся, не разбирая дороги в темноте среди скал, оставив позади вопящих разбойников и заполошно мычащее стадо.

Мне повезло, потому что ничем иным, кроме везения нельзя назвать то, что я не врезался с размаха в скалу и не слетел с обрыва в какую-нибудь пропасть. Но всё-таки слететь мне довелось, но не с обрыва, а с берега, и не в пропасть, а в реку. И опять же ничем кроме везенья нельзя объяснить то, что я не утонул, ведь я тогда совершенно не умел плавать, и даже не купался ещё в своей жизни ни разу.

Не знаю, сколько времени меня мотало волнами, но наверно достаточно долго, потому что когда я, совершенно обессиленный выбрался на берег, горы были уже далеко позади, а река несла свои воды спокойно и размеренно. Помню, что отлёживался в камышах, потом перебрался на незнакомое пастбище, но, несмотря на страшный голод, долго ещё не мог есть – картины, одна кошмарней другой вставали перед глазами. Наши убитые погонщики и их пёс... Сметанка, в луже собственной крови... Бандиты, вопящие под моими ударами... И всё красное, красное, красное...

Я долго ещё не мог отделаться от безумного бешенства, вызываемого видом чего-то красного, будь то плащ тореадора или просто спелое яблоко.

.....
– Ты и сейчас не выносишь красный цвет? – спросила Анджелика.

– Нет, – ответил Бык, улыбнувшись, – сейчас я отношусь к нему спокойно. Видите – меня же не смущают эти яблоки!

С этими словами он встал и протянул каждой девушке по длинной ветке с нанизанными на неё свежеиспечёнными яблоками. Они с благодарностью приняли угощение, причём Мегги разжевала яблоки вместе с веткой.

– Хорошо, что ты избавился от фобии, – сказала Анджелика задумчиво, размышляя о чём-то своём. – Я вот до сих пор тараканов боюсь.

– А я сказок про странствующих рыцарей! – поддакнула Мегги и покраснела. – Надо мной даже Драся смеялся, пока был маленький.

– Это меня Фиг подлечил, – сказал Бык, проглотив последнее яблоко. – Люди, которые меня тогда нашли, быстро заметили моё отношение к красному цвету и продали тем, кто выращивал быков для корриды. Нда. Недолгой была бы моя жизнь, если бы не выкупил меня у очередного хозяина странствующий фокусник Фиглорио Фиголини, который мечтал о славе тореадора, но ненавидел кровопролитие.

– Ой, расскажи, Быкусь, расскажи! – воскликнула Мегги и, забыв про слёзы, даже запрыгала на месте, захлопав крыльями, как в ладоши.

– Ну, нет, девчонки, в следующий раз, а сейчас спать пора! – рассмеялся Бык. – Мою жизнь рассказывать, обычной ночи не хватит. Полярная нужна! А мы и так засиделись.

Мегги разочарованно опустила крылья, вздохнула, но, пожелав всем спокойной ночи, отправилась к куче брёвен, в которые во время сна зарывалась с головой. По неизвестной причине она слушалась Быка беспрекословно. Анджелика чуть помедлила.

– Послушай, – несколько неуверенно спросила она, – я знаю, что Фиг многое что умеет, но неужели он ещё и врач?

– Когда нужно он может во многом помочь, – ответил Бык. – Не знаю, можно ли ему довериться по любому медицинскому вопросу, но он мне действительно тогда помог, иначе наши выступления были бы невозможны. Ты ведь видела, какого рода эти трюки! Правда, хоть красный цвет и не вызывал у меня больше ненависть, но долго ещё оставался отвратительным. Окончательно от этой фобии меня избавили уже в Козляндии. Там сильные психотерапевты – обморочных коз и тех на копыта ставят.

– Ясненько! – улыбнулась девушка. – Ну, тогда, спокойной ночи!

Она ушла в свой личный грот, который сама вырыла в склоне холма и прикрыла вход плоским обломком скалы, смахивающим на дверь, но размером с двухэтажный дом.

– Спокойной ночи! – ответил Бык, провожая её глазами.

Он устроился, как обычно – возле костра, на куче старых опилок покрытых брезентом. Пока ночи были тёплыми, а погода не грозила дождём, его вполне устраивало такое ложе. Однако скоро придётся натягивать палатку, а если их проблема не разрешится до зимы, то понадобится жилище понадежнее. Человеческое тело такое слабое и хрупкое! Впрочем, в теле быка он тоже не любил мёрзнуть.

Интересно, зачем Анджелике понадобилась психотерапия? Хотя о чём это он! Девочке достались на долю немалые испытания, которые всё никак не закончатся. Она и теперь в подвешенном состоянии со своим драконьим обликом и с человеческой душой. Эх, эх...

Бык вдруг затосковал, сам не понимая почему. Наверное, рассказ о жестоких приключениях его юности вызвал в нём эту грусть. Прошло ведь немало времени, и он научился вспоминать о тех событиях без душевной боли и горечи, испытывая лишь светлую печаль.

Ну, вот, теперь к нему сон не идёт! Бык перевернулся с боку на бок. Сам виноват. Надо бы девчонкам в следующий раз что-нибудь весёленькое рассказать, а то вон – обрыдались! И себе разбередил старые раны, а теперь уснуть не может! Куда это годится?

Тогда он лёг на спину и стал смотреть в звёздное небо, думая, что возможно, где-то там, на небесной ферме, куда попадают все страдавшие и невинные души, вот так же смотрит сейчас в небо, вечно юная тёлочка Сметанка. Может быть, она и сейчас видит его? Может, наблюдая его жизнь, вместе с ним печалится и радуется...

Глава 11. Неожиданная проблема

– Ты что-нибудь понимаешь?

Вопрос был задан спокойным, будничным тоном, несмотря на то, что ситуацию нельзя было назвать спокойной или будничной.

– Только то, что нам и здесь не рады.

Фиг, попытавшийся приладить на место оторванный рукав пиджака, бросил эту затею и с чувством швырнул пиджак в открытый контейнер для мусора.

– Не рады, не то слово! – воскликнул он и скривился от боли – удар каблуком в челюсть не прошёл даром, хоть и пришёлся вскользь. – Ну не хотят иметь с нами дело, так объяснили бы хоть почему?

– Мы вызываем у них подозрение, а люди не доверяют тем, кто подозрителен, – ответил Драгис, разглядывая содранные костяшки пальцев.

Их снова подкарауливали на улице, чтобы избить или убить, а может просто напугать. Последнее предположение было наиболее вероятным, так-как нападавшие, после того как получили отпор, быстро отступили и растворились в лабиринте портовых складов.

В чём-то этот город совсем не изменился. По крайней мере, в методах устранения неудобных. Вот только если раньше благородные гангстеры Драгис Драговски и Граната Фигольчик знали тех, с кем сражаются, то теперь это была тайна покрытая мраком.

Нападавших было пятеро. А налетели они на друзей, когда те пришли на очередную встречу, для заключения, совершенно безобидной, на первый взгляд, сделки.

.....

Всё началось ещё в злополучном чайном ресторане, в который они пришли тогда вчетвером. Сперва всё шло вполне нормально. Едва они переступили порог, как к ним поспешил низенький толстенький человечек, одетый с кричащей средневековой вычурностью Востока. Он был чрезвычайно мил и приветлив – сплошные улыбки и поклоны. Создавалось впечатление, что путешественников здесь ждали давно, ждали с нетерпением, как дорогих гостей, близких друзей и едва ли не любимых родственников.

Не переставая кланяться и рассыпаться в комплиментах, человечек проводил их к лучшему, (а других в ресторане не было), чайному столику, усадил, осведомился о заказе, и удалился, пятясь чтобы не поворачиваться тылом к этим царственным особам.

Пока поспевал их заказ, друзья, (или союзники, если учитывать присутствие Дульери), огляделись. Здесь всё было так, как рассказывал уличный зазывала. Великолепная, изысканная обстановка, подобранная с исключительным вкусом, лишённым излишеств и никчёмной пышности. Задумчивая и нежнейшая музыка, струящаяся непонятно откуда. Портреты основателя ресторана и его близкого друга и защитника, великого воина – Гранаты Фигольчика, на почётных местах. Был и упомянутый стенд с подлинными фотографиями и пожелтевшими от времени газетными вырезками со статьями, повествующими о подвигах борцов за справедливость под руководством того же Фигольчика.

Подробно ознакомиться с содержанием этого стенда решили потом – всем хотелось пить, а заодно отведать местных деликатесов. Ожидание заказа проходило за разговором. Они обменивались впечатлениями, касавшимися прежде всего тех отличий, которые были между чайной старого Ли и тем, что было перед ними сейчас, когда Дульери, принимавший пассивное участие в разговоре, вдруг заметил с ехидной иронией:

– Не ждите многого от этого места!

Все посмотрели на него с удивлением, но бывший дон скрестил на груди руки и прикрыл глаза, выражая, таким образом, готовность ждать осуществления своего не слишком радужного

прогноза. Долгое время не происходило ничего примечательного, разве что их заказ странно задерживался, несмотря на то, что в нём не было ничего сложного.

Между тем, несмотря на обеденное время, ресторан был пуст. Точнее он опустел за время их пребывания здесь. Если бы не замечание Дульери, никто не обратил бы на это внимание, но теперь, обведя глазами зал из которого, боязливо оглядываясь, спешила отбыть молодая пара, Фигольчик насторожился и сделал знак Драгису.

Увидев это, падре Микаэль погрузился и стал читать про себя молитву. Из опыта прошлой жизни, точнее того её отрезка, который прошёл в этом городе, он знал, что это весьма неблагоприятные симптомы. Их мирное посещение ресторана может обернуться скверно. Ожидать от такой ситуации следовало чего угодно – от словесной перебранки до поножовщины.

Однако всё вышло не столь драматично, как представлялось разыгравшемуся воображению. С огромным опозданием заказ четвёрки исследователей всё-таки прибыл. Его принесли две вычурно одетые девушки с каменными неприветливыми лицами. Не глядя посетителям в глаза, они выставили на стол миниатюрные чашки и ещё какие-то приборы, и удалились с видом достоинства оскорблённого тем, что приходится дышать одним воздухом с этими ничтожествами, по ошибке попавшими в приличное место.

– Не советую даже пробовать, – процедил Дульери сквозь зубы, когда падре Микаэль потянулся к своей чашке.

Священник всё же взял чашку, но тут же понял, что совет бывшего мафиози не был праздным – чашка оказалась чуть тёплой, содержащаяся в ней жидкость по цвету и запаху напоминала воду, в которой начерно помыли гору грязной посуды. На чай это не было похоже.

– И что же теперь делать? – робко спросил он, вдруг почувствовав, как неприятно зачесалось между лопатками, словно кто-то сверлил его спину взглядом или наводил на неё ствол.

– Уходим! – в тон брату ответил Фигольчик и поднялся со своего места.

– Расплатиться не забудь! – хохотнул невесело Дульери.

– А почему я? – вдруг запетушился Фиг. – И вообще, зачем платить, если мы не прикасались к их бурде?

– Потому что это твои друзья, а не мои, – пожал плечами премудрый злодей. – Что же касается бурды, то пятеро молодцов вон за той дверью и столько же вот за этой, наглядно докажут тебе, что в чашках был самый лучший чай в мире.

Фигольчик покраснел от гнева и открыл, было, рот, чтобы ответить какой-нибудь резкостью, но тут ему на плечо легла широкая ладонь. Драгис выразительно посмотрел на друга и подтолкнул его к выходу, а другой рукой бросил на стол несколько бумажек, стоимостью куда больше чем требовалось для оплаты их заказа.

Когда они оказались на улице, оба бывших гангстера с облегчением перевели дух, а экс дон самодовольно потёр руки.

– Но, что всё это значит, друзья мои? – с недоумением спросил священник. – Что случилось?

– Случилось то, что китайцы вам больше не друзья! – почти пропел Дульери и скорчил рожу толстенькому распорядителю, который с чрезвычайно надутым видом вешал на двери чайного ресторана табличку с надписью – «Закрито».

– Но всё-таки, что же произошло? – недоумевал падре Микаэль, но его вопрос остался без ответа.

– Как ты узнал? – надвинулся на брата Фигольчик, так что Дульери пришлось отступить на шаг.

– Эй, полегче! – набычился он, пытаясь замаскировать промелькнувшую в глазах тревогу, так как за спиной Фигольчика стоял настроенный отнюдь не мирным образом Драгис. – Просто, пока вы предавались воспоминаниям, я наблюдал за обстановкой и видел, как вот к

этому расфуфыренному мопсу, подбежал пацан из местных и нашептал ему что-то на ухо, всё время кивая в нашу сторону. Так вот у этого индюка сразу сползла улыбка с лица и рожу он скорчил бульдожью не просто так, а в наш адрес. А потом и громилы за дверьми встали наизготовку. Двери-то приоткрыты, а они всё на нас поглядывали, серьёзно так, оценивающе. В руках у них блестело что-то, кажется сковородки и молотки для отбивки мяса. Впрочем, не знаю, что там случилось, но на вашем месте я бы на поддержку китайцев больше не рассчитывал.

Драгис и Фигольчик переглянулись. Они понимали, что Дульери прав, но принять то, что вчерашние союзники их не узнают и ведут себя крайне недружелюбно, было непросто.

– Ладно, ребята! – фамильярно заговорил Дульери, почувствовав их неуверенность. – Не принимайте всё так близко к сердцу. Времена меняются, а выигрывает тот, кто умеет меняться вместе с ними. Вчера друзья, сегодня – враги, и наоборот. Как вам?

– Пошёл ты... – тихо сказал Фигольчик.

– Неплохая мысль, – согласился Дульери, ничуть не обидевшись. – Мне в вашей компании делать больше нечего, так что, желаю здравствовать!

– Вы действительно думаете вот так уйти от нас, дон Дульери? – без видимой угрозы, но с нажимом проговорил Драгис.

– А что, вы против, мистер «Железные руки – чугунная голова»? – вдруг оставил свой игривый тон мафиози. – Добро, но что вы в таком случае намерены предпринять? За шкуру меня схватите? Попробуете переломать руки-ноги? Не советую!

Проговорив это, Дульери чуть сдвинул в сторону полу пиджака и продемонстрировал рукоять пистолета, торчавшего у него за поясом.

– Вот что, господа-приятели, – заговорил он без угрозы, но тоном деловым и серьёзным, – начиная с этого момента, предлагаю считать условия нашего договора выполненными. Теперь вы сами по себе, я сам по себе. Не пытайтесь куда-нибудь меня тащить или заставлять делать что-либо против моей воли. Впрочем, никому не запрещаю идти за мною следом, если будет такое у вас желание. А сейчас я хочу расслабиться и начну, пожалуй, с этого!

С этими словами он повернулся спиной к своим бывшим компаньонам и зашагал по направлению к зданию, в котором, судя по вывеске, находился массажный салон.

– Откуда у него оружие? – спросил Драгис, очнувшись первым.

– Взял там, где его уже нет! – пожал плечами Фигольчик.

– Друзья мои! – вдруг воскликнул падре Микаэль. – Я, кажется, понял или думаю, что понял, где кроется разгадка странной перемены отношения к вам... то-есть к нам, со стороны служащих этого ресторана.

Двое друзей уставились на него, мигом забыв о Дульери.

– Помните того молодого человека, который сперва так настойчиво рекомендовал нам посетить чайный ресторан дедушки Ли Сунь Ханя, а потом внезапно исчез? Мне показалось, что он поспешил уйти, когда узнал, что мы хотим поговорить с чайнианцами.

Драгис помрачнел, Фигольчик сдвинул шляпу на лоб и почесал в затылке.

– Похоже на то, – сказал Драговски нерадостно. – Видимо у них тут что-то не так с этими... чайниками. Надо будет разяснить этот вопрос, но чуть позднее.

– А сейчас что? – спросил Фиг.

– Сейчас лично мне так жрать хочется, что я боюсь забыть ту заповедь Ветхого Завета, которая запрещает людоедство. Простите, падре Микаэль!

Странствующий священнослужитель поморщился при этих словах, но промолчал. Шутки у Драгиса, конечно драконьи, но это всего лишь шутки.

– В двух кварталах отсюда была небольшая забегаловка, – припомнил Фигольчик.

– Ты имеешь в виду «Хрустикс», с ограбления которого ты начал свою карьеру? – насмешливо спросил Драгис.

– Ну, карьеру гангстера я, положим, начал чуть раньше, с ограбления Центрального городского банка, куда Бык зашвырнул меня в качестве гранаты. Что же касается «Хрустикса», то, да, его я ограбил в первый раз сознательно и по доброй воле. Каюсь, каюсь! Но, это дело прошлое, и я не против заплатить сейчас за порцию куриных крылышек съеденную тогда.

– Главное, что это заведение стоит за пределами Чайна-тауна, и нас не накормят там жареными перьями вместо курятины, – заключил Драгис. – Поедим, а потом займёмся делом.

– Простите, – уточнил падре Микаэль уже на ходу. – Каким именно делом вы намерены заняться, сеньор Драгис? Налаживанием контактов с чайнианцами или поисками ключа?

– Сначала надо будет придумать, чем девчонок накормить, – улыбнулся Драгис. – Драконы могут долго обходиться без еды, но злоупотреблять этим не следует – голодный дракон непредсказуем. Да и Быкович в своём нынешнем виде, долго на подножном корму не протянет.

.....
Кто ж знал, что с этим, несложным, казалось бы, делом, возникнут такие проблемы? Очень скоро выяснилось, что монополию на торговлю продуктами здесь держат воротилы из Чайна-тауна. Все магазины, торгующие в городе съестным, принадлежали китайцам. Рестораны, большие и малые, а также всех видов кафе, пиццерии и прочее, должны были покупать продукты только у этих улыбчивых и оборотистых торговцев.

Но это всех устраивало, так-как качество продукции при этом было высокое, а цены умеренные или приемлемые. Но вместе с тем имелись ограничения, странные на первый взгляд. Например, перепродавать полуфабрикаты и сырые продукты запрещалось законами государства и это поставило в тупик намерения друзей закупиться в городе мясом.

Кормить двух драконесс готовыми ресторанными блюдами было не по карману – всех средств имеющихся в их распоряжении, (Дульери не в счёт, они и так были ему обязаны за предоставление лесопилки в качестве убежища), хватило бы на пару недель такой кормёжки, в то время как, покупая свинину и баранину, (говядину и козлятину исключили по этическим соображениям), можно было перекантоваться не меньше года.

Оставалось идти на поклон всё в тот же Чайна-таун, но тут нашла коса на камень – дурная слава «чужаков», опережала их появление. Их везде встречал отказ! Мало того. Ледяной приём, который оказывали им все большие и малые жители Чайна-тауна, уже дважды перерастал в снежные лавины. Иными словами имели место попытки физической расправы.

– У меня есть солидное искушение напустить на этот квартал Мегги, – признался как-то Драгис после очередной их неудачи. – Она не так безобидна, как кажется. Нет, я не буду это делать. И сестрёнка сама всегда была против таких методов, но всё же... Будь с нами Огнеплюй, над этим городом уже была бы спета Песнь Гнева.

Привлечь к подобному делу Анджелику, ему не приходило в голову. Он не знал ещё, насколько недооценивал свою возлюбленную!

А пока что с помощью Быка им удалось приобрести у местных фермеров лишь небольшую партию яблок. Выяснилось, что фермеры тоже связаны законами, предписывающими им продавать плоды своих трудов только чайна-таунским коммерсантам. Фактически весь скот у них был уже выкуплен заранее, хоть и по-прежнему нагуливал бока на родных пастбищах. Учтены были даже куры.

Яблоки, оголодавшие девушки, приняли на ура! Анджелика тут же стала распространяться по поводу того, что такое питание очень полезно, прежде всего, для сохранения фигуры. Однако все, даже Бык, понимали, что так долго продолжаться не может.

.....
Сегодня бывшие гангстеры Драгис Драговски и Граната Фигольчик предприняли очередную попытку приобрести партию мороженой селёдки на складе расположенном в порту далеко от Чайна-тауна.

Ходили слухи, что хозяин товара, (не китаец), в чём-то не сошёлся со своими обычными покупателями, а потому груз застрял на складе-холодильнике в порту. На встречу пришли, как всегда вдвоём – падре Микаэль был давно отставлен от их мытарств и командирован на поиски ключа в Архив Конгресса. Но вместо хозяина груза, близ склада их ожидало пятеро головорезов совершенно особого толка.

Друзья и раньше сталкивались со специалистами боевых искусств Востока, но прежде это были союзники, а теперь, из-за нелепого недоразумения, они оказались по разные стороны баррикады. И это было скверно для обеих сторон.

Они напали, молча, отделившись от тени, словно были её частью. Пять тонких, гибких фигур, обманчиво хрупких и вместе с тем стремительных и бесстрашных, как осы. У них не было никакого оружия, и это заставило двух опытных бойцов опрометчиво подумать, что в намерения нападающих не входит убийство.

Первый же пропущенный Драгисом удар, (по счастью, он же был последним), едва не стоил ему нескольких рёбер. Только прочнейшая броня мускулов спасла его от, более чем, серьёзной травмы, а может от увечия грозящего жизни. Даже в те времена, когда ему доводилось получать удары бейсбольной битой или обрезком водопроводной трубы, это не чувствовалось так глубоко и жёстко. Его, словно бы, лягнул... дракон!

Самым трудным делом было уследить за молниеносными движениями нападавших. Затянутые в чёрные трико, полностью скрывавшее тело, кроме выбеленных гримом лиц, они появлялись то тут, то там, не давая противнику сосредоточиться, чтобы дать отпор.

И всё же Фигольчик ухитрился уже при первом натиске перехватить руку противника, но закрепить успех не вышло – нападавший извернулся ужом и ответил ударом ногой в лицо!

Ничем кроме везения нельзя объяснить, что удар этот пришёлся вскользь, но и этого хватило, чтобы ослепнуть и оглохнуть от боли на несколько драгоценных мгновений.

Драгис, в это время, отбивался, напоминая медведя, атакованного пантерами. Нельзя сказать, что его могучие удары не достигали цели. Бывший викинг, корсар и гангстер, мог похвастаться не только силой, но и быстротой. Однако у него сразу сложилось впечатление, что атакующие их головорезы, сделаны из резины.

Эти тела были жёсткими, упругими и гибкими одновременно. Когда пудовые кулаки Драгиса попадали по цели, сопротивление было не таким, какое бывает от человеческой плоти. Впечатление складывалось, что он лупит автомобильную крышку! Получив удар, гуттаперчевые люди отскакивали на некоторое расстояние без криков и стонов, и тут же нападали снова.

Наконец, ему удалось схватить сразу двух «резиновых» китайцев за горла и они тут же обвились вокруг его рук на кошачий манер. Но тут Драгис, что было сил, шарахнул их друг о друга головами в чёрных блестящих шапочках с кисточками на макушке и два тела обмякли.

Вот тут-то он и получил удар по ребрам, от которого потемнело в глазах.

Пришёл в себя знаменитый великан Драгис Драговски, достаточно быстро. Но прошедшего времени хватило, чтобы напавшие на друзей бойцы исчезли так же загадочно и бесшумно, как и появились.

Драгис огляделся, проверяя при этом целостность своих рёбер, и увидел Фигольчика, который сидел на тротуарной бровке и ощупывал свою челюсть. Драгис присел рядом и некоторое время они молчали. Потом обменялись репликами, с которых начинается эта глава. Потом помолчали ещё.

– Ну что, объявишь девушкам, что они могут поохотиться сами? – спросил Фиг после того, как они намолчались вдоволь.

– Напомни мне, друг, как тебя называли в этом городе? – спросил в ответ Драгис.

– Граната Фигольчик, – был ответ.

– А меня?

– Драгис Драговски. Но что ты хочешь...

– А ещё у нас есть Малютка Телёнок, который засиделся без дела.

Фиг посмотрел на товарища с подозрением.

– Дрась, ты задумал ограбление?

– Именно.

– И... цель?

– Что-нибудь большое, ёмкое, наполненное провизией и принадлежащее Чайнатаунской торговой компании.

– Продовольственный склад?

– Нет, это должно быть мобильным, чтобы увести с собой.

– Ты меня интригуешь. Грузовик с мясом?

– Маловато будет.

– Тогда... не знаю.

– Туда взгляни.

Фигольчик обернулся в том направлении, куда указывал его друг и увидел несколько транспортов-сухогрузов, стоящих в порту.

– Дрась, – сказал он мягко, словно говорил с ребёнком, – когда мы будем это проворачивать, пожалуйста, не забудь, что они могли добить нас сегодня, но не сделали этого.

Глава 12. Вред и польза нервного срыва

Кто-то должен ответить за всё!

Золотистые крылья рассекли облачную хмарь и ледяной воздух застонал под ударами могучих перепонок. Она знала, что так нельзя, что переохлаждение губительно, но ничего не могла с собой поделать! Хотелось выше, ещё и ещё! Туда, где не летают птицы, где душевный жар можно хоть немного остудить, купаясь в ледяном ветре.

Они заплатят!

Теперь камнем вниз. Облачная мембрана пробита с хлопком похожим на тот, какой бывает от удара ладонью о воду, и в лёгкие вновь врывается тёплый воздух нижних слоёв атмосферы. Но теперь это хорошо! Духота и смрад земли злят! А она как раз хотела набраться злости.

В город? Нет, рано. Сначала к океану – там как раз шторм. Ветер такой сильный, что крылья едва справляются, но она не устаёт, а бросается навстречу стихии снова и снова! Стрелой летит на водяные горы, пронзает их, разбивает крыльями, рвёт когтями... Мало!

Снова вверх! Надо набрать высоту, но теперь достаточно взлететь под облака, а там можно перейти в горизонтальный полёт, поймав крыльями ветер. Зачем? Затем, что так легче разглядеть внизу цель для убийства!..

Стадо китов. Острый спазм в желудке. Мясо у китов странное на вкус, но сочное и питательное. Она помнит... Мегги приносила.

Вдруг представилось, как заревёт и закричит этот гигант в драконьих когтях, как он будет биться и плакать... Киты плачут, она это знала. Они умные и чувственные, как люди или даже больше чем люди. Киты умеют любить и ненавидеть, они способны мечтать, страдать, жалеть и плакать.

Нет. Убивать китов она не будет, но кто-то ведь должен заплатить?!

.....

Анджелика почувствовала себя скверно ещё там, на острове в неизвестном мире, куда их занесло после обрушения «Пирамиды». Это случилось, когда они закончили рассказывать свои истории и приступили к поиску места для возвращения в этот мир.

Казалось бы, всё шло нормально, Драся был рядом, а впереди у них хоть и была неизвестность, но эта неизвестность казалась пустяковой, ведь они шли в неё вместе.

И вдруг душевная тоска. Камень на сердце. Почему? Возможно потому, что они снова стали разными? Только теперь человек – он, а она – драконесса. Но ведь так было и раньше, но это не мешало им любить друг друга и быть счастливыми. Нет, не то.

Припоминая рассказ Драси о его жизни без неё, Анджелика пыталась прислушаться к себе, понять свои переживания, которые периодически захлёстывали её настолько, что она несколько раз во время этого рассказа не сдержалась и выдала свои чувства внезапными вспышками гнева и ревности.

Судьбе было угодно познакомить её возлюбленного с некоторыми из её пращуров. Более того, он был свидетелем и участником переломных драматических и даже фантастических событий в истории её семьи. Ей самой когда-то довелось стать наблюдательницей и пассивной участницей жизни своих предков, простояв на комоду в качестве фарфоровой статуэтки сто лет.

Она-то просто стояла, смотрела и слушала. И ей хватило! Ох, как хватило! А Драся... Он жил среди тех людей, трудился, сражался, терял тех, к кому успел привязаться. И всё время любил её и тосковал по ней... Ему-то такое за что?

Она старалась не подавать вида, но чувство, что её любимый страдал по её вине, жгло изнутри, скручивало все внутренности покруче голода. Потом она немножко привыкла, и сча-

стве от того, что они были вместе, заглушило боль, которую причиняло чувство вины. И вот теперь это снова вернулось.

Наверное, сказало их сидение на этой лесопилке. Хорошо ещё, что ей не пришлось ждать здесь одной. Мегги была отличной компаньонкой, вот только Анджелика быстро сообразила, насколько она сама слабо развита по сравнению с зелёной драконессой. Дело было конечно не в физической силе и размерах. Как раз здесь она могла сейчас поспорить даже с мамой Драси и Мегги, считавшейся самым сильным из ныне живущих драконов. Но Мегги была образованней и умнее её во много раз.

Ещё бы! Драконы живут несравнимо дольше людей. Даже совсем молоденькому, по драконьим меркам, Драсе было чуть меньше тысячи лет. Значит его старшей сестре где-то полторы тысячи. Учитывая её любовь к наукам, усидчивость и превосходную память, нетрудно было понять, что Мегги ходячий, (и летающий), кладёзь премудрости.

Анджелике, едва закончившей школу и только недавно поступившей в «универ», было с Мегги интересно, но и неловко одновременно. Когда они разговаривали, то Мегги предпочтала не сыпать знаниями, а расспрашивать Анджелику про мир людей, такой, каким та знала его изнутри, про быт, нравы, взгляды на жизнь и все возможные ситуации, какие придут ей на ум. Разговоров о науке, технике, прогрессе, истории старались избегать, потому что девушка, рождённая, как человек, оказывается, очень мало знала о человеческой цивилизации.

Бык был настоящим другом, это Анджелика знала уже давно. Удивительное сочетание душевной доброты, теплоты и одновременно с тем физической и духовной мощи! При этом он вовсе не был безобиден. Город, зарево от огней которого, ежевечерне заливало горизонт, до сих пор помнил Малютку Телёнка. Он не терпел несправедливости и готов был заступиться за слабого, не взирая на то, сколько перед ним врагов и как они сильны. Но дело не в этом.

Бык, по сути, был честен и бескорыстен. В гангстеры его загнала нелёгкая судьба, частью которой была она – Анджелика. Это тоже усугубляло чувство вины, пустившее глубокие корни в измученном сознании девушки. Правда, когда она заикнулась об этом, Бык замахал на неё руками, (ведь здесь он был Быкович – почти человек), и даже сделал вид, что обиделся. А что ещё от него ждать?

Если бы не эти двое, Анджелике было бы совсем плохо. А всё из-за того, что Драся пропал в этом треклятом городе. Положа руку на сердце, она предпочла бы остаться с ним на том острове. Пусть даже в таком виде, как сейчас, но лишь бы вдвоём, лишь бы вместе. Но это было невозможно.

Во-первых, они там были не одни, во-вторых, следовало учитывать интересы и нужды всех, а не только свои собственные, и, в-третьих – оставалась ещё надежда на лучший исход. Ведь стал же Драся человеком на её глазах и при непосредственном участии. А его брат – Огнеплюй, вообще ухитрился превратиться в попугая! И сама она... Эх...

Правда, в первом случае всей работой руководил дон Клеофас, как потом выяснилось её предок из века семнадцатого. Точнее дух предка, заключённый в старую метлу. Но не это было главным, а то, что он был великолепным алхимиком. Если бы только Анджелика догадалась тогда записать все его рецепты и сам процесс поэтапно! Но тогда ей даже не пришло в голову, что придётся ещё раз проделать то же самое, только над собой.

Старший драсин брат – грозный и хулиганистый Огнеплюй, тоже оказался отменным алхимиком. Возможно даже поболее чем дон Клеофас. Интересно было бы с ним познакомиться. Но Огнеплюй затерялся где-то в глубине веков. Дуля встретился с ним во время войны во Фландрии, а это был шестнадцатый век, где он сопровождал одного из Самбульо воевавшего с гёзами. А вот на плече дона Клеофаса, ни в его человеческом, ни в метельном виде, Огнеплюя уже не было. Сейчас можно было только гадать, куда он делся за столетие прошедшее между одним и другим Самбульо. Они с Драсей собирались заняться его поисками, когда решат собственные проблемы.

Её саму превратил в дракона-монстра сэр Арахнус – учёный паук размером с упитанного кота. Вообще-то, он взялся излечить Анджелику от странной хвори, внезапно поразившей её после того, как их с Драсей раскидало по разным мирам. Но в качестве побочного эффекта случилось так, что человеческая сущность девушки изменилась, и её тело приобрело одновременно драконьи и паучьи черты, сохранив минимум человеческих признаков. Теперь она была драконом высотой с пожарную каланчу, обладавшем восемью конечностями – пара драконьих лап, пара почти человеческих рук и две пары крыльев.

Кроме того, пламя, которое она изрыгала, было синим и вдвое – втрое более жарким чем то, которое обычно бывает у дракона. Драся находил её великолепной. Мегги, не умевшая врать, призналась, что хоть с драконьей точки зрения Анджелика очень красива, но, если бы взрослые драконы увидели её, то врядли оставили бы в живых.

Драконы не любят драконов-монстров. Двух – трёхголовых или обладающих другими отклонениями, вроде лишних лап и крыльев, либо сами съедают, либо отдают на растерзание рыцарям.

В общем, удружил ей сэр Арахнус. Конечно, может она и не пережила бы ту хворь, но за то недолгое время, что ей довелось быть драконессой, она уже раз двадцать, (или двести!), пожелала ему оказаться поближе к жвалам его супруги – паучихе по имени Унга.

Если не считать лап, Унга была размером с микроавтобус. Когда Анджелика очутилась совершенно внезапно рядом с этим чудовищем, то чуть не рехнулась от страха, но паучиха была с ней удивительно добра и дружелюбна. А ещё, Унга спасла её из челюстей драсиного отца. Как не пожелать ей хорошей закуски?

Последней каплей, опрокинувшей чашу, стал сегодняшний приезд Драси и Фига к ним на лесопилку. Как они с Мегги обрадовались, услышав характерный стук мотора небольшого грузовичка, который эти двое недавно купили для поездок за город! Конечно, дело было не в том, что девушки ждали, когда им привезут еду. Есть действительно хотелось, но они вполне могли бы ещё потерпеть, тем более что печёные яблоки, приготовленные Быком, помогали на некоторое время забыть о голоде. Просто они соскучились.

Понятное дело, ребята явились не с пустыми руками. Каждая из девушек получила по двадцать порций утки по-пекински! Вкуснота, ничего не скажешь! Правда, насытиться этим было невозможно, однако лакомство оказалось выше всяких похвал. Вот только Драся как-то странно ойкнул и вздрогнул, когда поднимал коробку с этими утками. А потом ещё раз вздрогнул, когда утки были съедены, и Анджелика в порыве благодарности прижала его к себе.

Конечно, она спросила его, в чём дело? Драся принялся отшучиваться, но тут она увидела физиономию Фига и всё поняла.

Бравый гангстер Граната Фигольчик, с левой стороны оказался раскрашен, как клоун. Весьма унылый клоун. Он, конечно, старался улыбаться, но улыбка вышла кривая и болезненная. И тогда Анджелика снова повернулась к Драсе, но теперь это была уже совсем другая Анджелика. Не милая, любящая и приветливая, а гневная и обвиняющая.

Они во второй раз в жизни поругались. Первый такой случай был на острове и, как и тогда, она оказалась не в силах сдержаться. Теперь Анджелика называла себя распоследними словами и с радостью вытянула бы сама себя по заду телеграфным столбом, если бы такой подвернулся сейчас под руку. Но тогда она орала на своего возлюбленного, как ошалелая шавка из-за забора. Вопила, обзывала и говорила всякие гадости. Ему, тому, кто с ног сбился, жизнью рисковал, чтобы её накормить! Уток этих привёз, чтобы её порадовать...

Анджелика не ожидала от себя такого. Где-то в глубине души, она же, испуганная, шокированная и любящая по-прежнему, сжималась от ужаса от своих собственных слов, но она не управляла уже собой! Произнеся какую-то ахинею о том, что Драся любит, видимо побои, раз по всякому поводу нарывается на драку, и, только и мечтает оставить её одну, она чтобы пока-

зять, что оплеухи можно получать, не отходя слишком далеко, размахнулась и вклепила своему любимому пощёчину! Ударила рукой способной дробить камни и раздвигать границы миров...

Наверное, она не попала, иначе дело кончилось бы плохо. Удар пришёлся вскользь, но Драся покачнулась, едва устояв на ногах, а она уже летела прочь, обливаясь слезами и разрываясь между желанием отхватить острыми зубами провинившуюся руку и трудно преодолимым искушением спикировать из-под облаков на острые скалы!

Она не сделала ни того, ни другого. Нет, Анджелика не простила себя, но теперь ей пришлось в голову, что сделать что-нибудь над собой она ещё успеет, но прежде поквитается с теми, кто поднял святотатственную руку на её возлюбленного. При этом можно себя не беречь. Драся ее, конечно же, не простит, а значит терять нечего!

Лететь в город и сжечь к чертям драконьим этот самый Чайнатаун! Или вообще город спалить? Драся, как-то напел ей вполголоса «Песнь Гнева». Бр-р! Мурашки по коже.

Нет, жечь весь город это как-то слишком. Погибнет много ни в чём неповинных людей...

Анджелика вдруг с ужасом почувствовала, что гнев её проходит. Ну, уж нет! Так просто не отделаетесь! Ещё немного и она решит, что в Чайнатауне тоже есть невинные люди. Ну, да, так и есть! Там полным полно тех, кто совершенно непричастен к преследованию её возлюбленного и друзей. Даже если в этом безобразии участвовали бы все здешние взрослые, то, конечно же, там есть множество детей, которые может быть, даже не слышали ни о каких чужаках, а если и слышали, то никак не могли делать им гадости. А если и могли, то они же дети! Самое распоследнее дело воевать с детьми, даже если они попугайничают за дураками-родителями. А значит...

Да что же это такое?! Она уже практически простила тех, кто напал на него в тёмных переулках, тех, кто желал его боли, его смерти! Ну, уж нет, так легко они не отделаются. Они заплатят! Сейчас она наберётся гнева!..

Жаль, что она не может попросту рухнуть на этот город и взорваться, как пилот-камикадзе на самолёте без шасси, начинённом взрывчаткой. Чтобы сжигать толпы огнём из пасти, нужно набраться отчаянной злости! Зря она пожалела китов...

.....

Анджелика оглядела океан под собой. Суши нигде не было видно, шторм остался позади. Несмотря на великолепное драконье зрение, больше она не видела нигде обитателей пучины крупнее селёдки. Селёдка, правда, радостно резвилась огромными косяками, которые неопытный глаз мог перепутать с фантастическими чудовищами. Ну не нападать же на селёдку?

Вдруг ей в голову пришла неожиданная мысль – а почему бы нет? Девушка-драконесса выбрала себе косяк покрупнее и спикировала на него из-под облаков. Всё-таки уроки Мегги не прошли даром! Над самой водой ей удалось перейти в бреющий полет, и она тут же выпустила конус синего пламени, испарывая зелёную поверхность океана. Теперь разворот, открываем пасть и стараемся не зарыться головой в воду!

Охотница сделала три таких захода, после чего решила, что суп уже остыл. Неплохо! Чуток пресновато, несмотря на солёную воду, а ещё, не хватало картошечки и морковки, а так, уха, как уха. Правда, вместе с вареной селёдкой она проглотила не меньше центнера живой рыбы, но это ничего – крепкий драконий желудок выдержит что угодно.

Настроение сразу стало лучше, умирать расхотелось и даже уничтожение Чайна-тауна перестало казаться обязательным. Может быть, на первый раз их стоит, как следует напугать? Ладно, она решит этот вопрос потом, а сейчас надо возвращаться назад и просить у Драси прощения.

Он простит. Как она могла подумать, что он не простит? Простит, конечно же, но она всё равно попросит его взять самую крепкую палку или лучше суковатую дубину и отхавозить её, что есть силы! Как следует отхавозить! Чтобы почувствовала. Наверное, ему это будет непросто сделать, но если он откажется, она попросит о той же услуге Быка. Так ей будет легче.

Анджелика снова набрала высоту. У неё не возникало сомнения по поводу того куда следует лететь. Драконы, совершенные существа и чувство направления в полёте для них также естественно, как чувство равновесия для человека, идущего по твёрдой земле. Оставалось только развернуться и лететь в обратном направлении.

Вдруг, прямо по курсу на горизонте замаячило что-то серовато-белое. Узенькая такая полоска. Что это, земля? Несмотря на то, что следовало лететь во все крылья назад, Анджелику разобрало любопытство. Две пары крыльев давали то преимущество, что можно было, не торопясь лететь с помощью одной пары, пока другая отдыхала. Главное, чтобы хватило энергии, а так можно вообще не садиться, пока не захочется спать. После закусона из варёной селёдки, энергии у неё хватало, так что можно позволить себе маленькую экскурсию.

Она снова поймала ветер парусами крыльев и перешла в комбинированный полёт, помогающий экономить силы, не слишком снижая скорость. При этом одна пара крыльев оставалась неподвижной, раскинутой во весь размах, а другая работала, придавая телу поступательное движение.

Белая полоска на горизонте потихоньку приближалась. Девушка уже догадалась, что это льды и снег. Ничего себе она залетела! Ну, в прямом смысле этого слова.

Снежный берег был скалист и пустынен. Никаких тебе тюленых или моржовых лежбищ, никаких белых медведей. Даже птиц не было видно. Странное, гиблое место. И всё же интересно побывать там!

Сколько хватало глаз, перед ней расстилалась белая равнина. Сверху она выглядела обманчиво ровной, но у Анджелики были драконьи глаза, и она хорошо видела внизу сплошные торосы. Значит, садиться здесь не стоит, да и зачем? Ничего примечательного, всё белое, хотя...

Это было на расстоянии метров двухсот от берега. Чудно и непонятно, как такое возможно, поскольку *это* – корабль! Наверное, она бы не заметила его, если бы ветер не сорвал часть снежного покрова с корпуса. Корабль был сравнительно небольшим, деревянным и очень старым.

Анджелика поверхностно разбиралась в таких вещах, но в памяти сразу всплыли картинки с изображениями старинных примитивных кораблей похожих на помесь большой лодки и бочки. Такие корабли выглядели почти круглыми, отличались высоко задранными носом и кормой, и простым парусом на одинокой мачте.

Сейчас мачты у него не было совсем. Вместо неё торчал косо срезанный обломок. Корабль при этом сохранял удивительно прямое положение и гордо возвышался посреди снежного поля. Ах, вот оно что! Он застрял между двух скал, распоровших ему днище. И как только его занесло сюда, так далеко от берега?

Возможно, это случилось в те времена, когда берег был ближе. То ли впоследствии поднялось материковое основание, то ли вырос слой льда, но корабль, который когда-то сел на береговые или прибрежные рифы, теперь оказался на суше.

Анджелика подлетела поближе, выбрала себе место для посадки и приземлилась, раздробив лапами несколько ледяных торосов. Всё-таки драконье тело было очень крепким, и это было удобно.

Ух, холодно! Но ничего, она побудет здесь совсем недолго. Вот только посмотрит немного и полетит в обратный путь.

Девушка аккуратно сложила крылья, (перепонки всё же стоило беречь), и приблизилась к кораблю. Он действительно был старый. Дерево потемнело до черноты, и выглядело так, словно готово было рассыпаться при прикосновении. Такелаж отсутствовал. Видимо ветер за эти годы измочалил и сорвал все верёвки, парусину и мелкие детали из дерева.

На корпусе ближе к носу было что-то написано. Исследовательница приблизилась и провела по корпусу рукой, чтобы счистить снег и обнажить надпись. Несколько секунд она хлопала глазами, не веря тому, что видит, и не в силах принять увиденное, как реальность.

На носу старинного корабля литыми бронзовыми буквами было выложено: «Анхелика».

Этого не могло быть! У Анджелики даже голова заболела от мыслей взметнувшихся беспорядочным вихрем. С досады она стукнула кулаком по корпусу корабля и от этого удара несколько букв отвалилось. Теперь здесь было написано – «Анхе»...

Нет, в самом деле, как попало сюда это судно? Но может быть это не оно? Ведь здесь другой мир, а события, о которых упоминал Драся, а потом и дон Дульери, где говорилось о старинном корабле под названием «Анхелика», происходили на Земле. То-есть на той Земле, в её мире, откуда она родом, но в весьма отдалённом прошлом. А теперь этот корабль здесь перед ней, там, где его не должно быть. Но ведь и её здесь не должно быть...

Анджелика помотала головой. Может быть совпадение? Нет. Слишком уж много в последнее время было таких «совпадений». Конечно, это был именно тот корабль. И неспроста она нашла его здесь, там, где её не должно было быть.

Она ещё раз оглядела находку со всех сторон. Вот здесь и здесь, на корме и на носу были когда-то башенки для арбалетчиков. Одну из них Драся разнёс из своей пушки, другую дон Самбульо – авантюрист и пират эпохи викингов, ликвидировал, чтобы облегчить корабль и сделать его более быстроходным и манёвренным, поскольку больше рассчитывал на боевые навыки своих свирров, чем на стрельбу.

А вот его потомки отдавали должное артиллерии – на палубе до сих пор были закреплены четыре пушки. Корабль не имел пушечных портов, да и сами пушки были совсем ещё примитивные, сваренные из стальных полос, короткоствольные, большого калибра, пригодные только для стрельбы в упор. Такие могли проделывать целые окна в бортах вражеского судна или сметать картечью команду с палубы, но только если встать с противником борт-о-борт.

Анджелика протянула руку и потрогала одну из пушек. Холодная. Холоднее льда. А какая она ещё может быть? Здесь всё холодное и мёртвое. И делать здесь ей больше нечего...

Вдруг, каким-то, наверное, шестым чувством, девушка ощутила тепло. Впрочем, какое там тепло! Всего лишь искра. Правда, незатухающая искра, хоть и еле заметная. Что это? Чья-то жизнь?

Анджелика снова не поверила в реальность происходящего. Жизнь? Здесь? Но ведь здесь нет даже вездесущих морских птиц! Откуда?..

Искра стала чуть ярче. Удивительно, но ведь она даже не видела эту искру, а ощущала её почти мистически. Где же это? А, вот оно! В кормовой каюте. Но как туда добраться?

Некоторое время Анджелика размышляла над тем, как бы ей влезть на палубу. Дело было не в трудности этой задачи, а в том, что старое дерево не выдержало бы её вес. Так можно и лапы переломать.

Ко всему прочему, даже отсюда было видно, что эта каюта забита снегом. Видимо дверцы сорвало ещё в те времена, когда корабль застрял в этих скалах, и снег набирался сюда годами, веками. Но неужели там внутри может быть что-то живое? Есть только один способ проверить.

Анджелика поколебалась пару секунд, (жалко всё-таки, ведь этой находке место в музее!), потом отступила на шаг, несильно размахнулась и отхватила когтями с четверть кормы, открыв широкий пролом, достаточный, чтобы просунуть в каюту обе руки. Но пока это сделать было невозможно – каюта действительно была забита снегом, причём снег этот за долгое время слежался до твёрдости камня.

Ну, это не проблема! Ещё немного расширив пролом, (в конце концов, этот корабль был её собственностью по праву наследования, а то, что светилось внутри снежной глыбы, было важнее старого дерева), Анджелика потихонечку подула на снег самым слабым дуновением

своего пламени, на которое была способна. Такое пламя обладало целительной силой, и не могло повредить живому существу, заключённому в снежном плену.

Теперь она воочию видела, как под слоями снега словно трепещет язычок огня. Чудеса! Впрочем, ей доводилось за последнее время быть свидетельницей куда более чудесных явлений.

Этот огонёк явно чувствовал её, тянулся к ней, но пока ещё неясно было, что это такое. С расколотой кормы корабля на землю сначала падали одиночные капли, потом капля стала похожей на апрельскую, и, наконец, полило, как из ведра! Ком снега уменьшался, обнажая внутренность каюты, где когда-то Драся оставил спящую Анжелику, положив рядом с ней в качестве последнего подарка вагрский акинак.

Сейчас здесь всё было мокрым, неприглядным и Анжелику интересовало только то, что медленно, но верно проступало сквозь снег. Что-то небольшое, тёплое, красное с зеленью...

Не может быть!..

Вот теперь глаза у девушки окончательно вылезли на лоб. Она снова не могла поверить своим глазам, и разволновалась настолько, что ей вдруг стало жарко. Дрожащими руками Анжелика извлекла из каюты неровный снежный шар размером с большой арбуз и стала осторожно перекатывать его в ладонях, равномерно отогревая со всех сторон.

Вот показались огненно-красные перья, мокрые и смятые. Жёлтые лапы с когтями, которых не устыдился бы орёл. Крепкий, лихо загнутый клюв...

– Магда, спасай дону Мигеля! – прохрипел Огнеплой, у которого глаза были затянuty плёнкой. – Проход закрывается! Не думай обо мне...

Попугай закашлялся, потом открыл глаза и посмотрел на Анжелику.

– Анхе? – спросил он, слегка приподняв голову. – Ты жива? Или это я умер?..

Глава 13. Съеденная книга и учёный тандем

Злорд: Не будьте здоровы, душа моя!

Зледи: Но ведь я же не чихала!
(чихает)

Злорд: Вот видите! За это я вас и люблю. Вы всегда оправдываете мои ожидания.

Зледи: Всегда рада услужить вам, милорд! Кстати, вы сегодня с утра принимали противоядие?

Злорд: Нет, а что?

Зледи: О, ничего особенного! Просто вы тоже всегда оправдываете мои ожидания.

.....
Если бы эта сумасшедшая пьеска попалась Мику неделей раньше, он не обратил бы на неё внимание. Но сейчас он смеялся!

Произведение было, как бы вывернуто наизнанку. Здесь даже сюжета не было. Герои: высокопоставленная супружеская пара – Злорд и Зледи, а также их слуги: дворецкий Злырь, лакеи – дядя и племянник Злюк и Зляк, горничная Злинда и повариха Злуша, вели бесконечные диалоги, в которых, либо подкалывали друг друга, либо отпускали шутки в лучших традициях чёрного юмора, а иногда проговаривались и ставили в нелепое и смешное положение самих себя. Бывало и гротескно тупили.

Иногда их шутки были плоскими, иногда весьма остроумными. Случалось и так, что в этих диалогах сквозила некая специфическая житейская мудрость.

.....
Зледи: Вы не видели мою злобачку, милейший?

Злырь: Нет, мадам, не видел. Но я чувствую, как с кухни доносится запах восхитительного жаркого!

Зледи: А, в таком случае она там! Злу-Злу никогда не упустит шанс посетить кухню пока обед готовится.

Злырь: Совершенно верно, мадам! А наша Злуша никогда не упустит шанс приготовить своё фирменное жаркое, если мясо само является на кухню.

.....
Собачку было жаль, но Мик опять рассмеялся. Пожалуй, не стоит убирать эту пьесу далеко. Она поднимает настроение. Ключа здесь конечно нет, но небольшие развлечения позволять себе надо, иначе работа пойдёт ещё туже, чем было до сих пор.

А дело шло туго, чего греха таить. Намёк Дульери на то, что раз Анджелику нельзя привести в Архив Конгресса, то следует сделать наоборот, был непонятен. Доставить Архив на лесопилку было невозможно. Правда Дульери не говорил напрямую, что следует поступить

именно таким образом, но он же отказался разъяснить, что именно требуется сделать. В конце концов, отставной мафиозный дон мог просто пошутить.

.....
Злюк: Ты ружжо взял?

Зляк: Взял.

Злюк: А заряды взял?

Зляк: Не-а!

Злюк: И шо мы будем делать, когда Злох нападёт на хозяйскую карету?

Зляк: То же шо и всегда – хватаем хозяйские чемоданы и тикаем в лес.

Злюк: Правильно мыслишь, парень, моя школа!

Зляк: Дядька Злюк, а шо ежели Злох хозяев совсем прибрьёт? Он в прошлый раз так и сказал: "Без барахла поедете – прибрью!"

Злюк: Не боись! Злорд ему ружжо отдаст, он и отстанет.

Зляк: Дык оно ж без зарядов!

Злюк: Дык в том-то и фишка, шо без зарядов! Потому и не прибрьёт шо ружжо без зарядов. Было бы с зарядами, как раз тогда и прибил бы, а без зарядов не прибрьёт!

Зляк: Ай, не обмануться бы...

Злюк: Э, брат! Не сечёшь ты великого ума нашего Злорда. В прошлый раз он ему шо отдал?

Зляк: Пистоль без курка.

Злюк: А в позапрошлый?

Зляк: Шпагу сломанную – клинка нет.

Злюк: А раньше ишшо?

Зляк: Кинжал без рукоятки.

Злюк: То-то! Теперь сечёшь?

Зляк: Не-а.

Злюк: Ну, племяш, учить тебя ишшо и учить! Кинжал без рукоятки в руку не взять. Шпагой без клинка никого не заколешь, как не

старайся. Пистоль без курка не стреляет, ружжо без зарядов тоже, вот Злох потому никого и не прибьёт. Теперь сечёшь?

Зляк: Ага, теперь секу! Только шо ежели Злох рукоятку от шпаги к кинжалу приделает, а заряд из пистоля выковырит и в ружжо засунет?

Злюк: Шо ты! Шо ты! Молчи, окаянный! Ну, удружил братан племянничком! Ну, пошла нынче молодёжь! От горшка два вершка, а туда же – горазд умничать. Нет, племяш, ты это брось, а то, чего не того накликаешь. Хозяева вона, не умничают и Злох не умничают. И все с того живы и здоровы. Сечёшь?

Зляк: Секу, дядька Злюк! Ну, я пошёл.

Злюк: Куды это ишшо пошёл-то?

Зляк: Пойду, поломаю замковую пушку, чтобы было чем от Злоха в следующий раз откупиться.

(уходит)

Злюк (один): Вот это дело! Злорд, как раз на войну собирается. Точно, как на войну поедет, так от Злоха пушкой и откупится! А племяш-то молодец! Пожалуй, из парня ещё выйдет толк ежели умничать не будет.

.....
Так, хватит! На эти приколы можно подсесть, как на хороший виски. Один стаканчик не повредит, наоборот – улучшит настроение. Второй, проветрит ум и усилит работоспособность. Третий – одурманит и заставит думать о чём угодно, только не о деле. Четвёртый и пятый, окончательно выведут из строя и сделают работу невозможной.

Мик отодвинул пьесу и потянул к себе толстенный фолиант в потёртой, засаленной обложке. Взяв книгу в руки, он собрался было открыть её, но вдруг замер от неожиданности!

И было от чего – посреди почтенного издания, обещающего познакомить читателей с секретами приготовления блюд принятых на банкетах в высшем свете, зияла огромная дыра, в которую без труда мог бы пролезть кулак Драгиса Драговски!

Но не это заставило падре Микаэля онеметь от неожиданности, а то, что рядом со стопкой книг, приготовленных для изучения, восседал здоровенный розовый крыс и, смущённо поглядывал на священника, протирая очки.

– Простите, не удержался! – проговорил профессор Прыск, протягивая Мику лапку для приветствия. – Очень уж вкусно пахло! Этой книгой долгое время пользовались на королевской кухне, отчего она сохранила ароматы лучших сыров и великолепного прованского масла. Жаль, конечно, но это не такое уж редкое издание, хотя Библиотекарь меня всё равно убьёт, если поймает. Однако здравствуйте, коллега!

Мик осторожно пожал двумя пальцами розовую кисть с острыми коготками, подавив при этом непроизвольное желание прибить её обладателя останками погибшей книги. Падре Микаэль любил книги и всегда выступал против их уничтожения, даже если они относились к еретическим или содержали заведомо ошибочную информацию. Тем не менее, он был рад видеть необыкновенного учёного живым и здоровым. Особенно после того, что услышал только что.

– Вы сказали – Библиотекарь? – спросил Мик взволнованно. – Вы знакомы с этим... то-есть, с ним, с Библиотекарем?

– Ещё бы! – рассмеялся розовый крыс. – Мы с ним старые знакомцы. Он пытается поймать меня с тех пор, как кто-то погрыз папирусы старины Имхотепа. Но это был не я, честное слово! Так нет же! На меня сначала натравили сыновей и дочерей богини Бастет, а потом они на пару с Имхотепом напридумывали всяческих инженерно-технических сооружений, предназначенных, как для поимки живьём представителей моего вида, так и для их жестокого убийства! Показательно, что люди практически сразу стали применять эти изобретения против своих сородичей. Прежде всего, для защиты пирамид, а впоследствии царских гробниц и прочих богатых усыпальниц. Впрочем, как и в первом случае, так и во втором, все эти усилия показали весьма жалкие результаты, совершенно не оправдывающие затраты на их создание. Я хочу сказать, что мои единоплеменники достаточно умны, чтобы обходить крысоловки и даже съесть из них приманку. Конечно, время от времени кто-нибудь попадает, но это не наносит серьёзный ущерб крысиному народу. Даже наоборот – отсеивая дураков, люди помогают нашей египетке, благодаря чему крысы считаются одними из самых умных млекопитающих! Что же касается упомянутых мной гробниц, то они на девяносто девять процентов разграблены, несмотря на все ухищрения Библиотекаря, Имхотепа и их последователей.

Мик едва не заплодировал, когда профессор закончил своё пространное разъяснение. Но всё же этот ответ не удовлетворил его.

– Очень жаль, что ваши отношения с Библиотекарем носят такой враждебный характер, – сказал священник. – Я надеялся на вашу помощь...

– Вот как? Всегда рад помочь, коллега! Так в чём же эта помощь может заключаться?

Мик объяснил. Предположение о том, что с помощью Библиотекаря им будет проще разыскать ключ, вызвало горячее одобрение со стороны профессора Прыска. Высказывание Дульери о том, что раз Анджелику нельзя доставить в Архив Конгресса, то следует поступить наоборот, заставило призадуматься.

– Конечно, Дуля имел в виду не то, что следует доставить поближе к нашей принцессе здание или фонды Архива, – сказал учёный крыс, после некоторого размышления. Возможно, он намекал на то, чтобы вы, то-есть мы, доставили на лесопилку самого Библиотекаря.

– Подождите, – нахмурился Мик. – Получается замкнутый круг. Нам необходимо переговорить с Библиотекарем, но для этого требуется посредничество сеньориты Анджелики, которую мы не можем доставить в Архив. Без её приказа он просто не появится перед нами и даже не станет ни с кем разговаривать. Но для того, чтобы она могла вступить с ним в переговоры, нам нужно доставить Библиотекаря в её нынешнее убежище. Но доставить мы его без помощи принцессы не в силах. Круг замыкается, мы остаёмся на месте!

– Это так, – согласился профессор Прыск. – Но вам не кажется, что это ещё и смахивает на задачу, которая видится неразрешимой, а на самом деле может иметь простое решение, если нам удастся вычислить один или два неизвестных? По крайней мере, решить её реальнее, чем перенести здание Архива Конгресса за пятьдесят миль от его нынешнего местоположения. Вот и давайте попробуем сделать это её вместе!

Глава 14. Громадьё преступных планов

– Что значит нельзя купить оружие?

– А то и значит, что нельзя.

Дульери затаился из трубки с видом высочайшего наслаждения, после чего выпустил облако дыма, совершенно скрывшее его на несколько секунд. Сидевший ближе всего к нему Фигольчик, демонстративно зажал нос. Драговски, потянувшийся было за сигарой, передумал и убрал её обратно в коробку, а Быкович, ненавидящий табак, совсем никак не отреагировал на внезапное задымление, даже не фыркнул.

– Здесь что полностью покончено с преступностью? – спросил Драгис.

– А такое возможно? – ответил Дульери вопросом на вопрос, появляясь из дыма, как популярный артист во время шоу. – Наверное, возможно, но не в обществе, где по-прежнему есть резкое разделение на богатых и бедных, где бюрократическая система даёт превосходную почву для коррупции, а государство экономит на содержании полиции, армии и прочих подобных структур. Разве по вашим физиономиям не видно, насколько здесь обстоят дела с преступностью?

Фиг и Драгис переглянулись. Оба сейчас расхаживали по улице в больших тёмных очках и давно вышедших из моды широкополых шляпах. Конечно в помещении, перед знакомыми, которых незачем было стесняться, вся эта маскировка снималась. И тогда обнаруживалась явная диспропорция и синюшно-жёлтая раскраска их лиц.

Граната Фигольчик был разукрашен таким образом с левой стороны, и его синяк уже начал выцветать. Драгис Драговски щеголял свежим лиловым кровоподтёком, разлившимся по его лицу справа. На скулу при этом были наложены две клёпки. Дону Дульери незачем было знать, что это украшение он получил не в бою, а во время свидания со своей милой и нежной возлюбленной.

– Хорошо, но ведь людям нужна защита, – попытался прояснить ситуацию бывший викинг. – Неужели полиция обеспечивает безопасность настолько, что необходимости в самообороне нет?

– Не заставляйте меня думать о вашей сообразительности ещё хуже, мистер Пудовые кулаки! – язвительно сказал Дульери. – Помнится, вы проявляли достаточно изобретательности и остроумия, чтобы доставлять мне кучу неприятностей и сводить на нет усилия целого клана! Так что включайте мозги. Видел я полицию самых разных видов и эпох, но ни разу не видел, чтобы ей где-то удалось не то, что покончить с преступностью, но хотя бы немного уменьшить её активность! Рост преступности уменьшается, когда из-под неё выбивают экономическую почву. Но это касается крупной преступности – воровства и грабежа на высшем уровне. Что же до уличных бандитов, то их становится значительно меньше там, где решена проблема с безработицей, и где заработки трудящихся не похожи на милостыню по копейке, которую тут же отбирают квартирные хозяева и то же государство в виде налогов, оставляя людям несовместимый с жизнью минимум. Но даже там, где всё благополучно, всегда найдётся либо дурак не способный к труду, либо патологический лентяй, либо упырь с маниакальной жаждой крови, которые будут убивать и грабить, несмотря на то, что можно втрое больше заработать простым и честным трудом. Часть таких господ, действительно отслеживается и отсеивается полицией, но только лишь часть. Да и то уже после того, как преступление совершено, а несчастная жертва ограблена, убита, изнасилована и растерзана! Дураку ясно, что ни о какой защите населения от преступности при таких условиях даже речь не идёт. Чтобы полностью исключить случаи террора населения со стороны уличных грабителей силами полиции, необходимо сопровождение каждого, (без исключения каждого, включая новорожденных детей и маразматических старцев), гражданина полицейским нарядом, включающим не менее

двух человек. Такое возможно? Нет. Так что преступность здесь процветает. В прошлое ушли, разве что, лихие налёты на банки со стрельбой и прочими удовольствиями. Не мне вам рассказывать об этом...

– Благодарим вас, дон Дульери! – прервал его, потерявший терпение Фиг. – Однако вы рассказываете очевидные вещи, но именно это положение должно подвигнуть население к организации самообороны, которую успешнее всего осуществлять с помощью оружия. Если правительство по каким-либо причинам не может позаботиться о сохранении жизни и имущества законопослушных граждан, то с его стороны логично поощрять этих граждан заботиться о себе.

– Ты как всегда прав, о, мудрый брат мой! – издевательски поклонился Дульери. – Но это справедливо лишь в том случае, если верховная власть *действительно* заботиться о сохранении жизни *всех* граждан. Но это опять же таки невозможно. Да, в интересах власти сохранить работоспособную массу народа живой и относительно здоровой. Что же касается единичных жизней, то они постоянно пополняются, чего о них беспокоиться? Часть вполне можно скоротать бандитерии для острастки основной массы. Ведь это стадо должно быть, ко всему прочему, ещё и покорным! На шее непокорного, свободолюбивого народа, никакая власть долго не удержится. А как этого достичь? Приёмов много. И один из них – лишение защищённости. Государственная монополия на борьбу с преступностью, запрет на владение оружием, показательные процессы над теми, кто посмел защитить свою жизнь, семью и имущество от нападения бандитов, привлечение к пропаганде от противодействия преступности всех доступных средств – от журналистских подтасовок, до шизофреников из секты Святого Мика, включая выпячивание мнения пустоголовых домохозяек и постоянный показ всевозможных кинокасок о героических подвигах доблестных полицейских! Вы не хотите спросить, зачем всё это нужно? Предположения есть?

– Может быть, правительство и полиция боятся, что народ, разделавшись с бандитами, возьмётся за богачей и власть имущих? – не слишком уверенно предположил Быкович.

– Это за спинами-то, до зубов вооружённой, охраны, армейских и полицейских частей им бояться беспорядочной толпы обывателей с охотничьими ружьями и карманными пукалками? Не смешите меня, Малютка Телёнок!

– Дон Дульери, не томите! – устало произнёс Драгис. – Нам необходимо разобраться в сложившейся здесь ситуации, и ваше мнение, поверьте, очень ценно.

Это было сказано совершенно серьёзно. Дульери на секунду замер и у него в глазах что-то блеснуло, какая-то искра, ибо трудно себе представить, что бывший дон был до того растроган, что прослезился.

– Всё очень просто, – заговорил он без прежней иронии. – Народ, лишённый защиты, прав на защиту, гордости и чести, проще простого превратить в бессловесный скот. Такой народишко вообще сопротивляться не будет и дело не только в профилактике вооружённых выступлений. Быдло стерпит что угодно – и воровство сверху, и бандитизм снизу, и нищенские зарплаты, и полицейский произвол с откровенным мародёрством. Например, безропотно пойдут они на «демократические» выборы, где им будет предложен такой набор кандидатов, из которых откровенно выбрать некого. Там они проголосуют за того, за кого надо, ибо за остальных голосовать можно только спьяну или сдуру. А если результаты выборов потребуется подтасовать или вообще сочинить, то проглотят и это. И не только на одних выборах при этом свет клином сошёлся!..

– Но разве это шутки не в твоём стиле, а, Бес? – спросил Фигольчик, впервые прилюдно называя брата его подлинным именем.

– Пожалуй, – признался Дуля. – Вот только я здесь не причём. Здешние сами до всего додумались, без моей помощи. И меня это бесит! Я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

– Ещё бы! – улыбнулся Фиг. – Ученики превзошли учителя. Сочувствую! Вот только нам-то что делать?

– Это зависит от того, что вы хотите, – резонно сказал Дульери. – Оставим в стороне разговоры о проблемах самообороны граждан в это странное время. Если баранов устраивает, что их растят для заклания и отдадут при этом толику волкам, то это их дело. Может так для них действительно лучше. Перейдём к практическим вопросам. Если бы вы затеяли налёт на банк, а банки сейчас охраняются лучше, чем раньше, можно было бы прикупить стволы у армейских. Так делает вся преступность современности и никогда не имеет недостатка в пушках. Но подобная сделка связана с большим риском. Вы можете крепко нарваться при покупке этого товара. Местные бандюги вас не знают. В лучшем случае вас примут за опасных конкурентов и постараются убрать. В худшем – решат, что вы агенты полиции и тоже уберут, либо откажутся иметь с вами дело. Могут просто сдать в полицию, ведь правительство одним глазком всегда присматривает за теневым бизнесом. Следит, понимаете, чтобы нелегальная торговля не переходила установленные границы. Короче, от чужаков избавятся в первую очередь, пощады не ждите. Как я понимаю, речь идёт о том, чтобы тиснуть пароход с мясом для кормления двух драконесс? Не надо делать такие удивлённые лица. Да, ваши проблемы мне известны. Вы же бегаєте по всему Чайна-тауну и за его пределами и пугаете местных попытками заключить подозрительную сделку. Почему подозрительную? Да потому что здесь все решили, что мясо вам нужно для кормления чайнианской повстанческой армии! Ну и что, что этой армии никто в глаза не видел? Ну и что, что это миф, выдуманный много лет назад, чтобы озадачить и одурачить партию дуль... Тьфу! Дульеристов. Сам не могу привыкнуть к идиотскому названию. Но это было давно, когда требовалось насолить противнику и поддержать бойцовый дух в своих рядах, а сейчас жителям Чайнатауна выгодно жить мирной жизнью и теперь они только тешат своё воображение и завлекают туристов рассказами о героях вроде, (хе-хе!), Гранаты Фигольчика и его друзей. А поддерживать какую-то армию чайнианцев, реальную или мифическую им совершенно не по нутру.

– Так может, попытаться рассказать им, что произошло недоразумение? – предположил Быкович.

– Не поверят, – отрезал Дульери. – Вы уже «засветились» с этим делом дальше некуда. Теперь местные уверены, что вы явились в образе народных героев, специально для того, чтобы втереться к ним в доверие. Но даже если вам удастся что-то кому-то доказать, то в вас будут видеть либо сумасшедших, либо чужаков стремящихся разрушить выгодную всем монополию.

– У меня лично имеется труднопреодолимое желание её всё-таки разрушить, – скрипнул зубами Драгис, сжимая кулаки.

– А я, что, против? – усмехнулся Дульери. – Ваш план с кораблём хорош, но для этого не требуется палить из томпсонов. Эти сухогрузы слабо охраняются, так что взять их будет несложно. Вам понадобится приватир – моторная лодка или катер. Необходимо обезвредить команду, но для этого их достаточно хорошенько пугнуть и обездвижить. Связать то-есть. Никто не будет сражаться и умирать за хозяйский груз, который к тому же застрахован. Но самое главное, это то, как вы собираетесь доставить трофеи на лесопилку. Лично мне не приходится в голову ничего путного, а вам?

– Можно взять три грузовика, загнать корабль в дикую бухту... – начал Быкович, но Дульери только скривился.

– Трёх грузовиков вашим дамам хватит на три дня кормёжки. Многорейсовую перевозку устроить, хм-м, это значит раскрыть убежище. Проще отогнать захваченное призовое судно подальше от судоходных путей и поставить на якорь, после чего, как-нибудь ночью пригласить леди-драконесс к столу прямо в океане.

– А команда? – уточнил гуманист Фигольчик.

– Посадить в шлюпку с завязанными глазами, припугнуть, как следует и оставить ждать своей участи на тихой воде. Когда им надоест, вас уже след простынет, и тогда они – профессиональные моряки, без проблем доберутся до берега.

– Это может сработать, – после недолгого молчания сказал Фигольчик. – Но всё же стрёмно идти на дело без единой волены.

– Купите пугачи в магазине игрушек, – посоветовал Дульери. – Смело берите фраеров на понт – здесь от такого отвыкли, это не прохожих по тёмным углам гопстопить, так что всё выгорит. Из всей команды пушка найдётся разве что у капитана, да и то, скорее всего, будет лежать в его каюте, в рундуке или ещё где-нибудь. В общем, ни пуха! Привет от меня девушкам!

Троица бывалых гангстеров поблагодарила своего вчерашнего врага, который сейчас улыбался и желал им удачи, после чего откланялась и ушла в темноту переулков старого Чайнтауна. Дульери некоторое время сидел неподвижно, потом повернулся к ковру на стене и бросил:

– Выходи уже, ушли они.

Ковёр зашевелился, потом откинулся в сторону, и за ним обнаружилась квадратная дыра, чуть больше той, какая обычно бывает в собачьей будке. Оттуда кряхтя, вылез тщедушный старичок в потёртом костюме и с остренькой мышинной мордочкой.

– Они купились, босс! – проскрипел старичок, ухмыляясь злорадно и гаденько.

– Да, купились, – согласился Дульери. – Ты всё хорошо слышал? Устрани все препятствия на их пути, сделай так, чтобы у них всё получилось с этим налётом. Ловушку захлопнем в последний момент, когда они будут праздновать победу, а пока пусть считают меня за своего союзника и дорогого друга.

Дульери презрительно сплюнул.

– Ты нащупал связь с Барбарусом и ведьмами? – спросил он.

– Нет ещё, босс, – ответил мышиный старичок, заметно побледнев при этом. – Этой связью много лет не пользовались, и она несколько... истёрлась.

– Добудь мне их любой ценой, хоть младенцев в жертву приноси! А ещё мне нужен ключ, который ищут этот полоумный святоша и тот крыс розовый в очках.

– Это несложно, босс! – заверил его старичок. – Как только они его добудут, мы тут же изымем ключик в свою пользу.

Дульери одобрительно кивнул и в очередной раз окутался густым дымным облаком.

Глава 15. Тайна Архива Конгресса

Злох: О, звезда моих очей!

Злинда: Но-но, сударь, полегче!

Злох: Но почему же?

Злинда: Потому, что я вам не верю, старый ловелас!

Злох: Не такой уж старый... Так чем же я заслужил недоверие с вашей стороны, моя сказочная принцесса?

Злинда: Тем, что вчера звездой ваших очей была Злуша, которую вы называли, между прочим, королевой!

Злох: Ах, вот оно в чём дело! Ну что ж, я могу всё объяснить. Дело в том, что у меня, как вы, должно быть, заметили, два ока. Что же такого, что звездой, скажем, левого является Злуша, которая и в самом деле королева у себя на кухне? Вы же – принцесса горниц и прочих покоев, и в то же самое время, звезда моего правого ока!

Злинда: Ах, так? Ну, тогда, получите!
(даёт ему в глаз)

Злох: Ай! Что вы делаете, коза вы этакая?!

Злинда: Так я теперь коза! Пусть так, зато я могу показать одному козлу, вообразившему себя астрономом, какая я звезда на самом деле. А прозвище "козы" для меня не оскорбительно!

Злох: Строптивая козочка! Но такой ты мне больше нравишься. Иди же ко мне, о, коза моих лугов!

Злинда: Вот это другое дело! Только какие луга вы имеете в виду, сэръ разбойник?

Злох: Луга... луга... Там, где много чего растёт... Ну, хотя бы вот эти!
(распахивает рубаху, под которой видна его густо заросшая грудь)

Злинда: О, какие заросли! В таких я не прочь погастись. А как же Злуша? Она, что тоже коза ваших лугов?

Злох: Злуша? Зачем о ней сейчас-то говорить? Другое дело завтра... Нет, хватит с меня одной козы. Она пусть будет овца моих холмов, но это завтра!

Злинда: Так значит! В таком случае получите ещё, баран вы этакий!
(даёт ему в другой глаз и убегает)

Злох (один): Да что же это такое? И то ей не так, и это! Злушу, вон, как ни назови, ей всё нравится. Вчера сказал, что она блинчик моей сковородки – растаяла! А эта...

Злуша (за сценой): Ау-у! Мой сковородничек, ты где?

Злох: Я здесь, о, овца моих очей!

Злуша (входит): Что, что? Как ты меня назвал?

Злох: Ой, что я несу? Не слушай, блинчик моих лугов, это всё та коза меня запутала!

Злуша: Какая ещё коза?

Злох: Да горничная ваша! Я с ней по-доброму, а она...

Злуша: Горничная? Вот оно что! Ах, ты, горшок дырявый! Ах, ты, веник облезлый! Я ему там кашку варю с изюмчиком, а он тут Злинду окучивает! Так получи же!

(Надевает ему на голову котелок с горячей кашей и в гневе уходит, размахивая руками. Злох бежит по сцене, натыкаясь на разные предметы и безуспешно пытается сорвать с головы застрявший котелок. Входят Злорд и Злырь.)

Злорд: Послушайте, любезный! Извольте объяснить, что это такое носится по заднему двору моего замка?

Злырь: Я не берусь судить об этом категорично, сэ, но могу предположить, что это дух вашего отдалённого предка Злорика Медная Голова.

Злорд: Что ж, я рад, что это всего лишь призрак, а то я уже подумал, что это Злох снова явился соблазнять моих служанок.

Злырь: Но почему вы так подумали, милорд?

Злорд: На нём сапоги без шпор, которыми я откупился от Злоха прошлой осенью, когда он напал на меня на охоте.

Злырь: Возможно, сэ, что ваш призрачный предок тоже носит такие сапоги, ведь привидениям не нужны шпоры. Или Злох оставил их во время предыдущего посещения служанок, а призрак присвоил.

Злорд: Возможно, возможно. Но довольно об этом. Я хочу знать, где

сейчас Злинда? Мне нужно, э-э, задать ей несколько хозяйственных вопросов.

Злырь: Вы найдёте её вон в том флигеле, сэр! Она, несомненно, там, я только что видел, как в дверях мелькнула её ножка. А мне, если я больше вам не нужен, разрешите откланяться.

Злорд: Куда же вы собрались, милейший? Я думал, что вы зайдёте к Злуше.

Злырь: Я намерен навестить вашу супругу, сэр. Зледи сказала, что пока вы будете задавать свои вопросы Злинде, она хотела бы обсудить несколько хозяйственных проблем с вашим покорным слугой, милорд!

.....

Злоримор (*разливает по рюжкам коньяк*): Ну что, брат Злырь, вздрогнем?

Злырь: Вздрогнем, брат Злоримор!

(они выпивают и закусывают, сопровождая свои действия междометиями и вздохами означающими удовольствие)

Злоримор: И каково тебе у этих хозяев, брат Злырь? Вижу ты и брюшко отрастил, и костюмчик справил новенький!

Злырь: Не жалуясь, брат Злоримор. Хозяева у меня хоть куда – злобные, но отходчивые. Злорд жалуется на меня своим доверием, теперь я при нём вроде наперсника, а Зледи, та вообще ни в чём не отказывает.

Злоримор: Повезло тебе, брат Злырь, а вот мой хозяин совсем поплохел. Скуп!

Злырь: Разве не его коньяк мы сейчас пьём? Плесни-ка ещё.

Злоримор (*наливая ещё по рюжке*): То-то, что его! Чего-чего, а коньяку у нас, хоть залейся. А есть нечего!

Злырь: Вот оно как! Так что же, сэр Злоскервиль всё на выпивку спускает? Вздрогнем!

(Они снова выпивают и закусывают, сопровождая этот процесс тем же ритуалом.)

Злоримор: Нет, брат Злырь, даже ему столько не выпить, чтобы все свои денежки спустить. Просто хозяин не видит в жизни радости ни в чём, кроме выпивки, вот и не ест ничего, а через то всю прислугу голодом морит.

Злырь: Так-таки совсем не ест?

Злоримор: Ну, ест, конечно, да только всё овсянку на воде. Раньше он её на дух не переносил, а как случилась с ним несчастная любовь, так кроме неё, да коньяка, ничего в рот не берёт.

Злырь: Скверно это! Вот у Злоха барин запил, а через время малое, видишь – ни барина, ни дома, ни поместья, а бедолага Злох в разбойниках ходит, в лесу живёт!

Злоримор: Видать и мне в разбойники дорога.

Злырь: Ну, нет, хватит с нас одного Злоха. Ещё не хватает! То Злох в одиночку Злорда и Зледи грабил, а теперь что же, вдвоём что ли грабить будете? Так на вас двоих добра не напасёшься! Один разбойник – дело святое, по штату положено, значит, пускай будет. Но два это уже перебор!

Злоримор: И что мне делать прикажешь? И так с голодухи помираю, вон, обносился весь. А коли барин сгинет, тогда что?

Злырь: Не бойся, не сгинет твой барин. Не дадим.

Злоримор: Злырюшка! Отец родной! Да как ты это сделаешь?

Злырь: А так и сделаю. Надо твоего барина по новой влюбить. Влюбится, почувствует вкус к жизни, и пойдут у вас балы да банкеты, охоты да приёмы! Вот увидишь!

Злоримор: А через то и слугам на житие перепадёт! Ну, Злырь, ну голова!
(лихорадочно наливает коньяк)
Вздоргнем!

Злырь: Вздоргнем, брат Злоримор!

(Сцена с распитием коньяка снова повторяется.)

Злоримор: Только вот скажи, брат Злырь, а в кого его влюбить-то? Уединённо очень живём, нет вокруг барышень, а то он глядишь уже и сам бы справился.

Злырь: Ну, это не проблема. Есть у меня племянница...

Злоримор: Э, погоди, брат Злырь! Так она же не господского корня!

Злырь: Как не господского? Прежний мой барин к сестре захаживал? Захаживал. Не от Святого же Духа у неё дитя народилось? А ты говоришь не господского! Самого, что ни на есть господского.

Это ж дело обычное – слуга от господина родится, а господин, бывает, от конюха!

Злоримор: Мудрый ты человек, брат Злырь. И как же их столкнуть-то, чтоб влюбились?

Злырь: А вот это уже обдумать надо. Племянницу я к себе, хоть завтра выпишу. Зледи, как раз, новую девушку-служанку для себя искала, а то Злинда больше господина Злорда обслуживает. Что же до всего остального – придумаем, как дело сделать, не боись! Да ты наливай, больно хорош коньячок у твоего господина.

(Очередное повторение сцены с распитием коньяка.)

.....

Злорд: Как зовут тебя, дитя?

Злося: Злося, сударь!
(делает книксен)

Злорд: А сколько тебе лет, маленькая, миленькая Злося?
(ходит вокруг неё, как кот)

Злося: Осьмнадцать, ваше сиятельство!

Злорд: Что это ещё такое? Никогда не понимал этого архаизма. Это семнадцать или восемнадцать?

Злося: Осьмнадцать, сударь!

Злорд: Нда. Ладно, оставим этот вопрос. А знаешь, Злося, ты очень, очень ничего!

Злося: Ничего, сударь?

Злорд: Это значит – очень миленькая!

Злося: Благодарю вас, сударь! Вы очень добры.

Злорд *(снова ходит вокруг):* Конечно, я добр! Ты даже не можешь представить насколько... Но это тоже потом. А скажи мне, красавица Злося, любишь ли ты гулять?

Злося: Смотря где, сударь.

Злорд: Например, в парке.

Злося: Смотря с кем, сударь.

Злорд: Хотя бы со своей госпожой.

Злося: Да, сударь!

Злорд: А с господином?

(Из-за портьеры выглядывает Злырь и показывает девушке кулак. Злося бросает в его сторону хитренький взгляд, но тут же её лицо принимает нейтрально-вежливое выражение.)

Злося: Да, сударь! Это честь для меня.

Злорд (радостно): Ой, как хорошо! То есть я хочу сказать, что ты умная и воспитанная девушка, а значит, далеко пойдёшь в деле служения и достигнешь больших высот... Потом узнаешь каких.

Злося: Да, сударь!

Злорд: Вот и умница! А теперь ступай. Только не рассказывай госпоже о том, о чём мы здесь говорили.

Злося: Почему, сударь?

Злорд: Я хочу сделать ей сюрприз, так что разговор о прогулках пусть будет пока между нами.

Злося: Да, сударь!

Злорд: Иди!

(Злося делает книксен и удаляется.)

Злорд (один): Свеженький, миленький, вкусенький ягнёночек!
До чего же я люблю нетронутое розовое мяско! Иди, юная Злося, иди к своей госпоже, да хорошенько прислуживай ей. Мы с тобой ещё погуляем, ох как погуляем!
(уходит)

Злырь (выбирается из-за портьеры): Ну, девчонка! Ну, кошка! Мелкая, а туда же! Вся в мать. Оно бы ничего, дело молодое, да не затем я тебя сюда притащил-то, дурочка! Не ровён час сорвёшь весь план. Ну, держись, малявка! Черту перейдёшь – лично заголю зад и...

Злося (неожиданно появляется с другой стороны): Не перейду, дядечка Злырь, не бойся! Но подразнить его подразню, как следует. Имею право! А если получу что с этого старого индюка, то всё моё!

Злырь: Ух, напугала! Вот девка! Ладно, хочешь озорничать – озорничай, да меру знай! А то получишь такое сокровище, что через девять

месяцев на белый свет вылезает, да жрать требует.

Злося: Вот тебе его, дядька Злырь, тогда и кормить!
(показывает ему язык и убегает)

Злырь (*один*): Вот же дурак я, что с такой бедой связался! А всё из-за доброты моей, будь она неладна. Что мне до Злоримора и его барина? Коньяк у них такой особенный, что ли? На добрые дела толкает, себе в убыток... А племяшка тоже хороша! Ну, как натворит беды, тогда что? И себя сгубит, и меня, старого олуха. Пропал ты, Злырь, как есть пропал! А может, нет? Не бывать такому, чтоб молоденькая гусочка старого гусака обскакала! Я ещё головой-то покумекаю, а ты у меня попляшешь, плутовка! Всё сделаешь, как скажу, всё!

.....
Пьеса изменилась. Если раньше она воспринималась просто, как набор шуток, то сейчас в ней наметился какой-то сюжет и интрига.

Падре Микаэль отложил книгу и поднялся из-за стола. Пожалуй, на сегодня хватит. Он взглянул на часы, которые купил ему Драгис и подивился тому, как уже поздно. Читальный зал Архива Конгресса закрывался через десять минут, следовало поторопиться, иначе он рисковал быть запертым в огромном пустом здании.

Книги можно было оставить там, где он проводил свои исследования. Мик уже поступал так не раз, а потому был уверен, что их никто не тронет до его завтрашнего прихода. Пальто, шляпа и зонтик, (до чего удобная и занятная вещь, вот что значит прогресс!), ждали его в гардеробе, где почему-то не было гардеробщика, хотя на всех вешалках имелись номерки. Впрочем, за сохранность своего имущества он был полностью уверен – сюда никто не ходил, кроме него и профессора Прыска.

Розовый крыс опять куда-то делся. Пару дней они вместе строили планы о том, как выманить Библиотекаря и заставить пойти с собой на лесопилку, но пока не пришли к единому мнению. Несмотря на то, что прежний опыт их знакомства с необычным учёным показывал высокую порядочность и интеллигентность последнего, сейчас его предложения были какими-то разбойными и откровенно криминальными!

Профессор Прыск утверждал, что для Библиотекаря нет ничего дороже фондов любой библиотеки, в том числе и Архива Конгресса. Следовательно, выманить его из-за стеллажей, (он так и выразился), можно с помощью угрозы этим самым фондам. Для этого они с Миком должны что-нибудь отсюда украсть. Как вариант рассматривалась возможность погрызть наиболее ценные и редкие единицы хранения или вообще поджечь Архив.

Эти планы падре Микаэль отмёл один за другим. Он категорически был против кражи, порчи, а тем более уничтожения того, перед чем благоговел всю жизнь. Как ни странно, профессор Прыск на своём не настаивал. Он просто вносил следующие предложения, которые конечно были ничуть не лучше предыдущих: натравить на Архив погромщиков из уже знакомых Мику борцов с грамотностью и образованием, добиться решения правительства об организации в здании Архива Конгресса нового торгового центра, а «бесполезные» книжные горы сдать в утиль, распустить слух, а впоследствии предоставить убедительные доказательства о наличии под зданием Архива богатого нефтяного месторождения или золотого рудника.

Непонятно на что рассчитывал учёный грызун, перебирая все эти варианты, но Мику это, в конце концов, надоело, и он спросил – неужели не существует никакого положительного способа воздействия на Библиотекаря?

– В том, что такой способ существует, сомнений нет! – согласился профессор Прыск. – Однако природа миров сущего такова, что положительное решение подобных проблем наиболее трудно. Вы не обратили внимание, что человек, оказавшийся в критической ситуации бывает часто склонен к криминалу? Лишившийся средств к существованию, скажем – в результате потери работы, в том случае если не может быстро найти ей достойную замену, рассматривает возможность выхода на большую дорогу. По крайней мере, такая мысль приходит ему в голову, даже если он человек честный и мирный. Нет, вовсе не обязательно, что он так и делает. Скорее наоборот – будет с ужасом гнать от себя эти мысли, но они не могут не возникнуть у него в голове, так-как представляют собой наиболее быстрое и радикальное решение проблемы. Скажете, что это не так? Если вы не лицемер, то не скажете. Дальше! Безвинно осуждённый борется с искушением восстановить справедливость силой оружия, ограбленный вождь-ленно поглядывает на чужое добро, подсознательно готовый следовать путём своего обидчика и так далее. Большинство людей справляются с подобными соблазнами и даже более того – в борении с ними часто находят правильный выход из затруднительного положения. Я для того стараюсь измыслить все эти пугающие вас, дорогой коллега, способы решения нашего вопроса, чтобы исключив всё лишнее и невозможное, вычленив, наконец, единственно правильное решение.

Падре Микаэль не мог не отметить остроумный ход мыслей своего «коллеги», но при этом ему подумалось, что для того, чтобы «вычленив» приемлемое решение из массы неприемлемых, требуется, чтобы это самое решение там имело место быть, а они пока что не придумали ничего путного.

И вот профессор Прыск пропал куда-то. Видимо отправился на поиски свежих идей. Мик очень надеялся, что искать он их будет в буфете, а не в книгохранилище, исходя из опыта погибшей под его зубами поварской книги. Ничего не оставалось, как продолжить поиски ключа с помощью перелопачивания книжной премудрости, чем он и занимался сегодня весь день.

Увы, этот день закончился, не дав желаемых результатов, как это было во все предыдущие дни. Что ж, может быть, завтра ему улыбнётся удача и ключ будет найден, а сейчас пора домой. Кстати, он уже почти неделю не видел Драговски и Фигольчика. Эти двое что-то затевали, но не спешили посвящать его в свои планы. Это могло означать только одно – их намерения такие же криминальные, как проекты профессора Прыска. Эх, эх! Надо будет при следующей встрече постараться мягко выведать у них, что они там такое задумали, и постараться отговорить пока не приключилась новая беда.

Священник вышел из читального зала, испытывая приятное чувство от движения, после дня проведённого на стуле за письменным столом. Свою верхнюю одежду и зонтик-тросточку, он нашёл там же, где оставил их утром, чего и следовало ожидать. Быстро одевшись и повесив на место номерок, Мик повернулся к входной двери и с удивлением обнаружил, что засов, достойный крепостных ворот, уже заложен, и на нём висит тяжеленный замок – дар Архиву Конгресса от некоего негоцианта, решившего поспособствовать делу просвещения лет сто тому назад.

Вот досада! Видимо сторож, которого он ещё даже не видел ни разу за всё это время, посчитал, что в здании никого больше нет, и запер двери чуть раньше, чем это следовало сделать. Теперь придётся найти его, чтобы обрести свободу, так-как ночевать здесь, да ещё на голодный желудок, (буфет, ясное дело, тоже был закрыт), Мику совсем не улыбалось.

Вот только где его искать? Логика подсказывала, что бытовая комната охраны должна быть где-то на первом этаже, среди хозяйственных помещений. Следовало искать неприметную дверь, которая врядли могла быть расположена далеко от входа.

И точно – такая дверь, с надписью – «Секьюрити», нашлась за портьерой, между гардеробом и мраморной лестницей, ведущей в читальный зал и зал каталогов. Падре Микаэль

постучал, подождал пару минут, потом постучал ещё и опять подождал. Похоже, что внутри никого не было. Врядли сторож, только что закрывший входную дверь, успел так быстро и крепко заснуть. Скорее всего, он обходил помещение, проверял всё ли в порядке, и одному Богу было известно, в какой части здания его следовало искать.

Однако это тоже относилось к разряду предположений нуждающихся в проверке. Прежде следовало убедиться, что бытовка пуста. Нехорошо было ломиться в чужую дверь, но выхода не было. Мик для очистки совести постучал ещё раз, после чего нажал массивную бронзовую ручку и толкнул дверь, будучи уверенным, что она окажется закрытой.

Совершенно неожиданно дверь подалась и с лёгким скрипом открылась. В бытовой комнате было пусто. Чтобы убедиться в этом окончательно, Мик нащупал на стене выключатель и нажал рычажок.

Да, здесь было пусто и... пыльно. Сама комната оказалась небольшой и очень скромно обставленной. Стол с двумя стульями. На нём лампа и очень старый чайник на маленькой электрической плитке. Рядом шкафчик со стеклянными дверцами, одна полка которого занята нехитрой посудой, а другая какими-то картонными папками. Напротив, у стены, дерматиновая кушетка с небрежно брошенным истёртым пледом и вешалка для одежды. На вешалке – фуражка, плащ-дождевик, длинный электрический фонарь и полицейская дубинка.

И на всём на этом лежал, наверное, полувековой слой пыли. Пыль была даже на рычажке выключателя – Мик, нажав на него, испачкал палец. Неужели всем этим действительно не пользовались столько лет? Странно!

Священник ещё раз оглядел пыльное помещение и вдруг увидел на полу цепочку следов. Собственно цепочкой эти следы можно было назвать лишь условно – их было всего лишь три, и шли они прямо в стену... Ах, нет, здесь была ещё одна дверь! Почти незаметная, потому что была зачем-то оклеена теми же обоями, что и вся комната.

Дверь эта располагалась в стене слева в двух шагах, а следов три... Значит здесь прошёл человек небольшого роста, о чём говорил также маленький размер обуви. Следы были от ботинок с подошвами и каблуками без рифлений. Ребёнок? Карлик? Женщина!

Падре Микаэль вдруг вспомнил, где видел эти ботинки – на ногах странно рассеянной библиотечарши. Похоже, что это она прошла здесь по пыльному полу совсем недавно. Возможно, запертая входная дверь тоже её рук дело, а сторож... А был ли он? Судя по состоянию этой комнаты, последний охранник покинул Архив Конгресса лет пятьдесят назад. Чем дальше, тем чуднее!

Немного поколебавшись, Мик шагнул в комнату и толкнул заклеенную обоями дверь. Она тоже оказалась незапертой, и за ней было темно. Может быть, и не стоило туда идти, но какова была альтернатива? Сидеть где-нибудь в холле и ждать, когда эта библиотечная дива вернётся? Не слишком привлекательный вариант. Ко всему прочему, Мика подстёгивало любопытство. В общем, он решил войти в эту дверь.

Уже переступив порог, за которым угадывался узкий коридор с высоким потолком, сходящимся наверху клином, священник остановился и без особой надежды протянул руку к электрическому фонарю, висевшему на вешалке.

Чудо, но фонарь зажгся! Неужели его батареи не сели за пятьдесят лет? Или кто-то обновил их недавно? Вопрос был неразрешим за недостатком данных, но в любом случае, то, что фонарь работал, было, подарком судьбы.

Да, без этого источника света ему пришлось бы туго. Скорее всего, Мик вообще отказался бы от идеи следовать за библиотечаршей, а если нет, то вскоре пожалел бы об этом.

Коридор имел, наверное, шагов двадцать в длину и оканчивался лестницей, по спирали уходящей вниз. И перед этой лестницей, на верхней ступеньке, стояли те самые ботинки библиотечарши – «а-ля портовый грузчик», с засунутыми внутрь синими чулками. Вот те раз! Выходит здесь она разулась, и дальше пошла босиком? Зачем?

Падре Микаэль не стал ломать голову над этой загадкой, но вдруг ему ясно представилось, как он спотыкается в темноте об эти ботинки и летит кубарем вниз, благо лестница не имела перил и была весьма крутой. Хорошо, что у него в руках оказался работающий фонарь!

Зябко поёжившись, священник начал спускаться по лестнице, но вскоре замер с открытым ртом. На вделанном в стену креплении для факела(!), висела знакомая коричневая блузка. Та-ак! Либо ей вдруг стало отчего-то жарко, либо...

Он не слишком удивился, увидев на следующем таком же креплении дерюжную юбку. Как же! Раз уж начала раздеваться, так уж не остановится, пока не останется голой! Как-то не похоже, чтобы она это делала из-за жары, но какова бы не была причина для странного поведения у этой женщины, следовало быть готовым, что он станет свидетелем чего-то пугающего, если не больше!

Нет, Микаэлю вовсе не смущала женская нагота. Он собственно не считал естественный облик человека постыдным и греховным, хоть церковные доктрины и предписывали ему это. Другое дело цель, из-за которой люди освобождаются от одежды. Таких целей может быть много и среди них немало связанных с грехами. Причём тяжкими.

Когда принцесса Анджелика и новообращённый Драгис забирались вдвоём в купальню, в той пещере на вершине горы, где они вместе жили некоторое время, он, священник, обретший новую паству, хоть и отворачивался из скромности, но втихомолку любовался этой парой, прекрасной, как та, что дала начало человеческому роду, и столь же чистой, как они же, до грехопадения.

Другое дело те несчастные создания, которых он видел вечерами в парке, где проводил почти всё время, так-как там было больше народу готового поделиться мелочью и, чего греха таить, легче было найти что-нибудь съедобное среди отбросов.

Проституток там всегда было много. От совсем ещё юных девушек, почти девочек, до искалеченных жизнью, страшных, как побитые, заюзанные манекены, женщин, стоящих на пороге преждевременной старости. Вот где грех! Да и то, тяжесть такого греха, конечно же, лежала не на этих бедняжках, и даже не на их клиентах, а на той сволочи, что толкала женщин на панель, не давала им достойно и достаточно зарабатывать честным трудом и жить нормальной жизнью. (Сами-то девчонки, чаще всего были добрыми и не раз делились с ним, кто хотогом, кто монеткой, жалея бездомного и безумного старика.)

Если честно, то он, скорбя душой о женщинах, попавших на улицу, не торопился осуждать, также тех, кто работал в борделях. Быть гетерой это труд. (Нынешний священник был когда-то мирянином и солдатом, и знал жизнь с разных её сторон, чтобы не сомневаться в этом.) Искусство плотской любви это непростое искусство, и далеко не каждой женщине дано достичь его вершин. Но дело даже не в этом.

Падре Микаэль ещё из опыта своей прежней жизни священником и настоятелем храма, знал, что *такая* женщина может быть щедрой и доброй, может быть любящей матерью и прилежной прихожанкой. В ней бывает даже больше искренности, чем в иных «добропорядочных» кумушках, которые улыбаются и раскланиваются при встрече друг с другом, а в спину проклинают, сплетничают, наушничают, и вполне могут сделать любую мерзость, вплоть до преступления, если будут уверены в своей безнаказанности.

Мик одёрнул себя. Некогда было предаваться воспоминаниям и размышлениям. Припомнившиеся ему путаны, были совершенно не причём, и то, что он видел перед собой, не имело с их ремеслом ничего общего. Библиотекарша спускалась в подвал не для обычных любовных утех, он был уверен в этом. Здесь угадывалось нечто куда как более греховное, таинственное и зловещее.

Так! На вбитом в стену ржавом крюке висит полупрозрачная комбинация. Похоже это всё. Нет – в, неизвестно зачем устроенной, нише лежит заколка с резинкой и очки. Теперь точно – всё.

Лестница кончилась. Мик вышел на ровную поверхность и оказался в полукруглом помещении, из которого в разных направлениях шли три неосвещённых коридора. А теперь куда?

Чёрные, чернее ночи, проходы разбегались веером и не отличались друг от друга. Исследовать их один за другим? Можно заблудиться, ничего не найти и выйти отсюда нескоро. Или вообще не выйти.

И тут его фонарик мигнул. Грозный признак! Оказаться в таком месте в темноте, во всех отношениях страшно и опасно до крайности. А что если...

Он вдруг понял, что надо делать. Падре Микаэль встал в центре скрещения воображаемых линий и выключил свой фонарик. Некоторое время не происходило ничего особенного. Перед глазами плавали цветные пятна, рождённые долгим созерцанием света фонарика. Потом они побледнели, сдвинулись в сторону и тогда он увидел слабое мелькание каких-то сполохов в правом проходе. Одновременно до его слуха донеслись странные, приглушённые расстоянием звуки – то ли стоны, то ли пение.

И тогда Мик благословил того хозяина магазина, который в порыве щедрости одел и обул их, приняв за членов секты Святого Мика. В частности ему достались очень удобные мягкие туфли, которые нигде не жали и не наминали, а заодно не скрипели, что позволяло ходить практически бесшумно.

Он не ошибся – вот это был грех, так грех! Она стояла посреди начертанной на полу пентаграммы, по углам которой горели толстые свечи чёрного воска.

Нагая и прекрасная... Там наверху он не мог определить её возраст, и был склонен думать, что ей где-то от тридцати до сорока, но сейчас отчётливо видел, что перед ним очень молодая и очень красивая... ведьма!

Она была невысока ростом, но идеально сложена. Крутобёдрая, длинноногая, полногрудая, с тонкой гибкой талией, лебединой шеей, скульптурно посаженной головой. Её распущенные волосы, почти красные в странном свете свечей, ниспадали до пят. Лицо, освобождённое от ширмы очков, казалось юным и... вдохновенным!

Она явно пребывала в состоянии экстатического подъёма. Глаза закрыты, руки протянуты вперёд к кому-то невидимому, соски напряжены, словно две пирамидки, из приоткрытого рта льются те самые протяжные звуки – то ли стоны, то ли пение, похожие на те, что можно услышать от женщины, с наслаждением предающейся восторгам любви.

Да, сейчас она занималась любовью. Но, как и с кем? Недаром она бежала сюда, на ходу сбрасывая одежду! Видимо этого свидания она ждала весь день, а в конце не утерпела и закрыла двери раньше времени, не проверив, ушёл или нет единственный посетитель читального зала Архива Конгресса. Прояви она хоть чуточку больше осмотрительности и терпения, падре Микаэль никогда не узнал бы её тайну. Вот только что ему с этой тайной теперь делать?

Подвела, как всегда, случайность. Наверное, под ногу Мика попал крохотный камешек, песчинка или что-то в этом роде, но скрип, раздавшийся в тишине гулкого подземелья, прозвучал не хуже артиллерийского залпа! Священник не понял, что именно произошло, но ведьма вдруг вздрогнула всем телом, словно её ударили, выражение неземного блаженства слетело с её лица, как упавшая маска, и оно вдруг сделалось страшным! Пение оборвалось, но молчала она меньше секунды. Несколько резких, отрывистых звуков, не похожих на человеческие слова, ударили в барабанные перепонки, словно какой-то спец хлопнул по ушам ладонями...

Падре Микаэль почувствовал резкую боль и тут же свет погас в его глазах. Пол ушёл из под ног, всё засвистело и закружилось вокруг. Он понял, что летит куда-то кубарем, потом был сильный удар обо что-то упругое, после чего сознание покинуло его.

.....

Злуша: Он чо, мёртвый? Давайте не будем его трогать!

Злинда: Если он жив, надо скорее звать на помощь, но если мёртв, то не грех посмотреть, что у него в карманах.

Злуша: Как это не грех? Самый настоящий грех...

Злинда: Да сиди уж на своей кухне! Ты же видишь, что это поп, так у него нет семьи, семеро по лавкам не плачут, а значит, мы никого не обездолим, если несколько монет из его карманов станут нашими. Ему-то они не нужны, так в чём же грех?

Злуша: Ну-у...

Злося: Да жив он, жив! Посмотрите – дышит! Вот радость-то! Вы покарауйте, а я сбегаю за помощью!
(убегает в сторону замка)

Злуша: Ну, коли живой, так и не мёртвый. А чой-то злырева племяшка так обрадовалась? Он же ей не любовник и не сродственник. Вроде в первый раз видит человека?

Злинда *(задумчиво)*: Молодая ещё, вот и радуется подряд всему доброму. И я такая была, да только вот... Ладно! Плакали, выходит наши денежки – у живого не возьму, я не Злох какой-нибудь. Злуш, у тебя, кажись, ликёр был припрятан? Не жадничай, давай его сюда! Капнуть этому святоше в рот немного – глядишь сразу оживет!

Глава 16. Интермеццо Огнеплюя. Интермеццо первое – Непослушный Самбульо

– То, что в это дело не стоило ввязываться, лично мне было понятно с самого начала. Но вы когда-нибудь видели, чтобы люди прислушивались к мнению своего попугая, даже если этот попугай признанный член семьи и старше всех живущих в ней, если сложить вместе годы их жизни от стариков до младенцев?

.....
Огнеплюй приостановил свой рассказ, чтобы отхлебнуть кофе из кружки, которая была, чуть ли не больше его самого. Сейчас он чувствовал себя сносно, хоть пока ещё не рисковал летать.

Прошло полных четыре дня с тех пор, как Анджелика принесла в их убежище на лесопилке бесформенный мокрый комок перьев. Тогда из всей компании она застала на месте только Мегги, которая тут же бросилась её утешать, но в следующую секунду замерла ошарашенная, когда младшая подруга раскрыла ладони, в которых бережно держала что-то красное.

Первые два дня Огнеплюй был уверен, что он умер и находится на *Том свете*. Он называл Анджелику – «Анхе», и никак не мог взять в толк, отчего это она выглядит, как драконесса. Больше всего его огорчало то, что здесь же он встретил Мегги.

– Сестрёнка, тебя-то, как угораздило? – говорил он слабым голосом, окидывая изумрудную драконессу мутным взглядом. – Ты же чуть старше нашего беленького добрячка! Рыцарю, что ли, попалась?

Ответа он, как правило, не дожидался, терял сознание и надолго впадал в забытие. Девушки не торопились его ни в чём разубеждать, всё-таки это не шутка – провести несколько столетий в ледяном плену. Только загадочное мистическое родство с огнём, которое сами драконы никак не могли объяснить, позволило ему бессознательно поддерживать в своём теле искру жизни. Её-то и увидела тогда Анджелика.

На третий день он ничего не спрашивал, только переводил взгляд с одной девушки на другую. При этом видно было, что в его голове идёт усиленная работа мыслей. Непонятно было, что он там для себя решил, но вечером того же дня вдруг спросил – нет ли у них чего-нибудь поесть?

Весь четвёртый день ушёл на выяснение – кто, как, когда и откуда? Самым потрясающим открытием для него было не то, что, оказывается, все они живы, и это никакой не «тот свет», а то, что Анджелика не Анхе, а её отдалённая пра-пра... правнучка!

Огнеплюй долго смотрел на неё, прояснившимися, наконец-то, глазами и было непонятно, что он испытывает – разочарование или восхищение.

– Так значит, загадочная подружка Драси, отдалённый потомок семейства Самбульо, – констатировал он, когда все точки над «i» были поставлены.

– Вообще-то моя фамилия – Соболева, – сказала Анджелика, слегка покраснев. – У меня нет прямых доказательств принадлежности к роду Самбульо, кроме свидетельства королевы ведьм, вроде бы тоже принадлежащей к ним. Она тогда увела за собой дух дона Клеофаса–Леонардо–Перес Самбульо...

– Ты сама себе прямое доказательство, внучка! – перебил её Огнеплюй. – У Самбульо нередко рождались дочери более или менее похожие на мою Анхе, но такого сходства я ещё не видел ни разу. То-то, думаю, от чего это Драська на Анхе круглыми глазами пялится? Я ведь его тогда чуть было не прибил за это.

Окончательно Огнеплюя поставил на лапы кофе. Мешок с зёрнами и мельница хранились среди запасов Быка вместе с яблоками. Сам он, правда, был равнодушен к этому напитку, но

по нему с ума сходил Фигольчик, да и Драгис за годы жизни в *этом* мире пристрастился к жгучему ароматному отвару из несъедобных, по своей природе, зёрен.

– А ты когда успел к этой штуке приохотиться, братец? – спросила Мегги, пытаясь припомнить, был ли в их родной пещере хоть раз сварен кофе?

– После зимовки в Новом Свете, – ответил Огнеплюй. – Там это был наш излюбленный, а иногда, единственный, способ согреться.

– Ну-ка, расскажи! – потребовала Мегги, и Огнеплюй начал рассказывать

.....

– Конечно, задумано всё было неплохо – костяк флота составляли боевые галеоны, способные идти на вёслах в любую погоду, а при попутном ветре, соответственно, под парусом. Их окружала целая уйма торговых судов, вооружённых и переделанных для военных целей. Но самым главным преимуществом было то, что всё предприятие должен был возглавить адмирал Альваро де Базан маркиз де Санта-Круз – лучший адмирал испанского королевства! Под его начало охотно слетелись едва ли не все гранды Испании, желавшие принять участие в походе против «английской ведьмы», как они называли королеву Елизавету.

Самбульо тоже не остались в стороне. Десяток кораблей, превосходные новенькие бронзовые пушки, команда вооружённая мушкетами, и это не считая свирров с их длинными ножами! На всё это, включая припасы и денежный вклад в общую походную казну, ушло, чуть ли не всё состояние семейства. Эх, о чём они только думали!..

Впрочем, в случае успеха, все, что было вложено, обещало вернуться в десятикратном размере. А в успехе никто тогда не сомневался, недаром же этот флот назвали – «Непобедимая армада»!

Не люблю таких названий. В самом лучшем случае так можно назвать эскадру, одержавшую несколько побед подряд, а не ту, что ещё ни разу не выходила в полном составе на большую воду. Так недолго сглазить собственное предприятие, что, в конце концов, и было сделано.

Но это только, во-первых! А, во-вторых – вся кампания была задумана против самого передового и чуть ли не самого сильного государства Европы – Английского королевства. И это притом, что Испании постоянно приходилось воевать с мусульманским Востоком, а во Фландрской войне она увязла всеми четырьмя лапами! Скажите, кто в здравом уме, воюя на два фронта, открывает ещё и третий?

Ладно, даже при таких обстоятельствах можно надеяться на положительный исход, если приложить старания. Но тут случилось несчастье – дон Альваро, который задумал этот поход и успел собрать большую часть флота, вдруг умер за три месяца до начала похода! Старенький был наш адмирал, маркиз де Санта-Круз – шестьдесят два года. При жизни, проведённой в боях и походах, весьма почтенный возраст.

Да, не послушался король Филипп подсказок судьбы. Ему бы держать этот флот для защиты государства или отправить на освоение Восточной Индии, чтобы охватить как можно большую территорию. Но нет, очень уж хотелось упрямому снобу потягаться силами с королевой Бесс, вот и получил! Но, расплатились, как всегда другие.

Теперь эскадру возглавил герцог Медина-Сидонья. Тоже старый вояка, весьма умный, опытный организатор, да только вот беда – он вообще не был моряком! Многих удивило его назначение, но никто не передумал и не покинул Армаду. Конечно! Кому охота прослыть трусом и заслужить немилость короля?

Дома у нас, тем временем, творилось что-то несусветное. Рука дона Мигеля оживать не желала. Он носил её на перевязи, а во время тренировок привязывал к телу намертво. Если бы его родители были дома, то я, наверное, был бы зажарен и торжественно съеден за то, что не уберёг наследника. Собственно это чуть было не проделали со мной свирры, ещё на том острове, где мы оказались в компании одного странного типа, которого наши звали просто –

Гёз. А ещё его называли – дон Дульери. Бред какой-то! Я так и не понял кто он такой, но без его помощи мне врядли удалось бы поднять Мигеля на ноги.

В общем, с первых дней прибытия в замок Самбульо, дон Мигель засобирался вслед за родителями. Он и раньше заявлял, что не упустит шанс принять участие в походе, но Магдалена, его наставница, категорично заявила, что с таким ранением, как у него, а тем более без родительского благословения, она ему этого не позволит. Врушка...

Понятное дело – никакого благословения он не получил. Ответ на письма, отправленные в Лиссабон, где собиралась эскадра, содержал категорическое предписание – сидеть дома и дожидаться приезда отца и матери.

Если бы они тогда были дома, то я, наверное, уговорил бы их взять сынка с собой, пока он не натворил чего в их отсутствие. И, скорее всего, случилась бы беда, но судьба распорядилась по-своему.

Родителей Мигеля можно было понять – младшенький всё-таки! Если что не так, то он последняя надежда рода. Его два родных дяди и все кузены, к тому времени, сложили головы – кто во Фландрии, кто в стычках с маврами, а оба старших брата должны были возглавить корабли отца во время готовившегося похода. Будь их, родителей, воля, они ни за что не пустили бы никого из детей в ту мясорубку, если бы не приказ короля Филиппа. Ух, кровавая сволочь!..

Теперь нашему дону Мигелю предстояло прожить остаток жизни тихим семьянином, годным лишь на то, чтобы обеспечить пополнение рода, так-как невесту ему уже нашли. Оставалось лишь дожидаться, когда юная сеньорита Алисия войдёт в возраст, то-есть всего пару лет.

Видимо одному мне, да ещё, может быть Магдалене было понятно, что эта ситуация чревата взрывом. Мальчишку, рвущегося к подвигам, запереть, словно попугая в клетке... Поверьте, я знаю, о чём говорю – меня заперали, за пару поколений до этого. Но это другая история!

Итак, Мигель буквально метался по замку, как дикий кот, попавший в закрытый дом. Он изводил себя и всех вокруг постоянными тренировками, стремясь доказать, что и с одной рукой он способен быть воином. В итоге он замучил всех, даже Магдалену. Правда, при этом сам стал опаснее чёрта в драке, как впрочем, и все Самбульо, которых я застал пока жил в этом семействе.

В конце концов, Магдалена, уставшая от изобретательства увёрток, вроде той, что он-де не может стрелять из мушкета, (парень тогда заказал себе хитрый пистолет, заряжавшийся с казённой части и со стволом такой длины, что смахивал на трость; из этого оружия он попадал в мишень расположенную в два раза дальше обычного мушкетного выстрела), так вот, она обещала замолвить словечко перед матушкой парня, которая, проводив мужа и старших сыновей в поход, должна была вернуться из Лиссабона после отхода Армады.

Тем временем, события разворачивались совсем не так, как предполагалось. Непобедимая Армада, отчалившая из лиссабонской гавани, попала в шторм и вынуждена была спасаться в порту Ла-Корунья, где встала для ремонта кораблей и пополнения провизии. Услышав об этом, донья Агнесса, матушка моего подопечного, повернула с полдороги к дому и отправилась узнать, как там дела у мужа и детей.

Можете себе представить, что стало с беднягой Мигелем, когда он это услышал? Мы боялись, как бы парня, во цвете юных лет, не хватил удар!

Представляете, они ухитрились сговориться за моей спиной! Магдалена не дура, она всё прекрасно понимала и просчитывала наперёд. Именно по её приказу был отремонтирован корабль, названный в честь моей воспитанницы – «Анхелика». Его даже снабдили четырьмя старыми пушками, каких уже не делали в то время. Поскольку все молодые «скорпионы», как называли себя головорезы – свирры мужского пола, ушли со старшими Самбульо, команду «Анхелики» составили «пираньи» – девушки того же племени.

Не то чтобы я не ждал ничего подобного, но, даже зная, чем дело кончится, я всё медлил и надеялся потянуть время до возвращения донны Агнессы. Сам не знаю, на что я надеялся? После мне стало ясно – я ведь знал, что она не вернётся, но я не верил сам себе!

Конечно же, она увязалась вслед за мужем! Эти Самбульо вечно выбирали себе в жёны отчаянных девчонок, и Агнесса не была исключением. Если в Лиссабоне её удалось уговорить отправиться домой под предлогом того, что раненому сыну требуется материнское участие, то теперь она написала Магдалене, что во всём на неё полагается, а сама отправилась воевать.

Мигель, тем временем, уже начал дурить, как это бывает с юнцами, не имеющими возможности для выхода своей кипучей энергии. Услышав, что неподалёку в горах завелась шайка разбойников, повадившихся угонять скот и убивать погонщиков, он в одиночку выбрался из замка, нашёл этих негодяев и вырезал их всех, до последнего! Человек пять или семь. Конечно, именно так и должен был поступать любой сеньор, но отчего не взять при этом пару вооружённых слуг? Кому он что доказывал?

Нет, это было иное – это был шантаж! Демонстрация того, что потомок рыцарей Земли и Моря не желает, и не будет жить спокойной и безопасной жизнью.

И вот настал тот самый день, когда меня поставили перед фактом. Сперва я не поверил своим глазам. Представьте – сижу я на своём любимом насесте рано утром, подставляю перья тёплому летнему солнышку, бросаю взгляд в окно и... опупеваю на месте! На бирюзовых волнах, в полумиле от берега покачивается свежеразкрашенная «Анхелика», по палубе которой деловито расхаживают пираньи.

Сам не помню, как оказался на подоконнике, как раз для того, чтобы увидеть, как от малого замкового причала отваливает бот, на носу которого гордо стоит одетый в доспехи дон Мигель де Самбульо! А ещё, Ганс Древолом усиленно машет вёслами, а на корме у руля восседает Магдалена.

Возмущение? Негодование? Я чуть было не обиделся! Но вовремя заметил свежераззолоченный насест на верхушке мачты «Анхелики». Это был *мой* боевой насест! И раззолочен он был впервые по приказу той, в чью честь назван этот корабль...

В это время Мигель обернулся и сделал мне приглашающий жест. Я всё ещё был зол на него, но мне ничего не оставалось, как спикировать вниз и занять место на бронированном плече очередного Самбульо, как сидел я когда-то на плече его отца, деда, прадеда, и время от времени какой-нибудь прапрабабушки, пока она была молода и склонна к рискованным развлечениям.

Глава 16. Интермеццо второе – Непобедимая Армада

Мы нагнали Армаду в начале августа, когда в Ла-Манше уже вовсю шли бои. Пусть герцог Медина-Сидонья и не был моряком, но воевать он умел, и так ухитрился расставить корабли, что они представляли собой единую крепость, фактически неприступную для неприятеля.

Англичане ведь тоже были не новички в морских сражениях. У них хватало опытных мореплавателей и лихих вояк. Один Френсис Дрейк чего стоил!

Если испанцы привыкли крушить вражеские суда, расстреливая их почти в упор из крупнокалиберных пушек, чтобы потом, на сильно повреждённый и, зачастую, тонущий корабль, отправить abordажную команду, то английские авантюристы предпочитали щипать противника с дальнего расстояния из дальнобойных пушек малого калибра. Такие выстрелы наносили слабые повреждения кораблям противника, зато ими можно было постоянно и безнаказанно его изматывать. Учитывая, что английские суда были более быстроходными и манёвренными в отличие от испанских плавучих крепостей, выходило, что все преимущества были у англичан.

Армада напоминала медведя, окружённого стаей собак. Попасть под удар лапы такого чудовища, означало верную смерть, но если каждый куснёт его по разику, и тут же увернётся, то рано или поздно медведя загрызут!

Несколько раз мы чуть было не попали под ядра тех и других. В Армаде царил идеальный порядок, и весьма непросто было объяснить, кто мы и откуда взялись. Поднятый испанский флаг никого не убеждал – пираты частенько поднимали флаг той страны, судном, которой хотели поживиться. Англичане же принимали нас за отбившееся от эскадры судно и начинали азартно обстреливать. То, что нас не потопили уже тогда, было везением чистой воды.

Конечно, Мигель рвался в бой. Если бы рядом не было Магдалены и меня, он, наверное, бросился бы атаковать первое же английское судно, что означало верную гибель для небольшой и слабо вооружённой «Анхелики». Другое дело, если бы дошло до abordаж, но, насколько мне известно, это было редкостью в той кампании.

Ввязаться в драку у нас получилось, когда Медина-Сидонья попытался проделать то, ради чего Армада появилась в Ла-Манше, а именно перевести через пролив армию герцога Пармского, которая должна была идти на Лондон.

Вот тут-то и обнаружилась одна нелепость – корабли, имеющие морскую осадку, не могли подойти непосредственно к берегу, а это значило, что оперативно взять на борт «пассажиров» не получится. Пока решали, как быть, испанский флот встал на якорь близ французского побережья. И вот тут началось!

Англичане повели себя, как истинные морские разбойники, и напали ночью, что было нарушением неписанных этических правил ведения войны. Я их за это не осуждаю – испанцы сами запросились, и сами же прозевали этот тактический ход. Для нас это едва не кончилось фатально.

Как раз этой ночью, на первый взгляд тихой и спокойной, Мигель решил, во что бы то ни стало, присоединиться к своим. «Анхелика» считалась большим кораблём в годы своей молодости. Теперь же она смотрелась, как спаниель рядом с догами, против боевых галеонов. Но именно это позволило нам обойти эскадру со стороны берега, откуда никто не ждал англичан.

План был прост – подойти к эскадре со стороны Кале, и тогда нас должны принять за посланцев герцога Пармского. Разубедить в этом заранее никого не нужно, а назвать себя можно будет, когда встанем борт-о-борт со сторожевым кораблём или даже с флагманом. Если нас не успеют расстрелять, конечно...

Тогда, наверняка, доведётся получить по шее от отца, а может быть и от самого адмирала Медина-Сидонья, но, по крайней мере, ни тот, ни другой не прогонят от себя корабль готовый

драться за испанскую корону! К тому же приказать «Анхелике» покинуть Армаду, означало отдать её на растерзание английским волкам.

Как сейчас помню ту ночь! Погода стояла ветреная, небо грозило бурей, но корабли Армады не покидали свой боевой пост, хоть здравый смысл подсказывал, что разумнее сняться с якорей и отойти подальше от берега, лучше всего на середину Ла-Манша.

Затеянное нами предприятие, казалось мне всё менее разумным. Если налетит шторм, будет не до воссоединения с родными и не до представления адмиралу. «Анхелику» может затянуть в мешанину, слишком тесно стоящих кораблей, и тогда бронированные борта галеонов в момент превратят её в щепки. Но Мигеля было уже не остановить.

Я занял своё место на наблюдательном насесте и старался глядеть сразу во все стороны. Нас пока ещё не заметили, возможно, потому, что тёмный силуэт корабля сливался с очертаниями берега. Вдруг, при взгляде в сторону большой воды, я увидел нечто! Висящие низко тучи создавали над Ла-Маншем почти совершеннейшую темень, но мои глаза даже в таком виде имели преимущество перед человеческими.

Вглядевшись, как следует, я понял, что вижу корабли, идущие с английской стороны. Их было восемь – низкобортных рыбацких судов, похожих на большие лодки. Судя по тому, как они шли, загрузка их была полной, но что они могли везти в нашу сторону?

То, что это не парламентёры, я понял сразу – те подошли бы с зажжёнными огнями, все в вымпелах и штандартах, и оповестили бы о своём появлении орудийной пальбой и звуками труб. Эти, шли с погашенными огнями, практически беззвучно, и у них на борту не было видно никакого движения.

Некоторое время я думал, что вижу перед собой приватиры, скрывающие в своих трюмах абордажные команды из самых отчаянных головорезов. Но, поразмыслив над этим трезво, я отмёл эту мысль. Среди англичан было немало лихих рубак, но атаковать Армаду, состоящую из десятков кораблей восьмью приватирами?.. Не сошли же они с ума? Наши кабльеры их дольками нарежут, как бы сильны они не были!

И тут я увидел, на одном из приближающихся судов огонёк. Слабенький такой, тусклый, еле заметный свет от тлеющего фитиля...

Брандеры! Я буквально свалился с насеста на головы Магдалены и дона Мигеля, который, как раз облачался в парадные доспехи для представления высшему начальству. Да, сейчас было не до представлений – прямо в сердце эскадры несло восемь плавающих гробов, начинённых порохом и, как потом выяснилось, бочками со смолой и тюками с пропитанной маслом соломой! Взрыв только одной такой плавающей сверхбомбы, грозил унести с собой десяток, если не больше, галеонов. А сколько ещё загорится?!

Среди свирров из поколения в поколение передавалась легенда о том, как некий пират – Драгнар Белая Борода, и его племянница Анхе, прародительница рода современных Самбульо, с помощью брандера уничтожили целый корабль с железными демонами! При этом погибла бесстрашная пиранья, которая будучи тяжело раненой, пожертвовала собой, чтобы устроить взрыв возле самого борта вражеского судна.

История подлинная, но я не всё видел своими глазами. Однако тогда моя воспитанница и наш младший братец постарались. Нда...

То, что сейчас шло к Армаде, в тысячи раз превосходило по мощности упомянутый мной взрыв. Что делать? Поднимать тревогу? Пока на кораблях поймут, что к чему, будет уже поздно. И тогда дон Мигель скомандовал – идти брандерам наперерез!

Я предпочёл бы видеть Непобедимую Армаду тонущей в полном составе. Эта эскадра никак не могла мне быть дороже жизни мальчика, которого я растил, учил и оберегал с первых дней его жизни. Но вот чего я точно видеть не желал, так это потомка моей Анхе, убегающего с поля боя!

«Анхелика» подняла все паруса, несмотря на риск опрокинуться при таком ветре. Брандеры приближались. Мигель приказал расчехлить и зарядить пушки. Ну, конечно! Зачем гарантировать плавающую смерть, когда можно расстрелять её издалека? Беда была лишь в том, что стреляли эти бомбарды, столетней давности, совсем недалеко!..

Чтобы взорвать брандер, надо было подойти к нему вплотную и шарахнуть в упор, а это означало всё равно взлететь вместе с ним на воздух. Но «Анхелика» шла полным ходом, и ни одна из пираний, даже сама Магдалена, не выказали желание свернуть в сторону.

Девушек можно было понять. Там, на кораблях, были их отцы и братья. Там же находились обожаемые сеньоры Самбульо, которым свирры были по-собачьи преданы. В отличие от обычных девиц – пиранин воспитывались наравне с мужчинами и обладали не меньшим бойцовым духом, чем скорпионы. Моя школа! Вот только сейчас я горько жалел об этом.

«Анхелика» была уже почти рядом с плавающей смертью, когда Мигель скомандовал поворот-оверштаг, чтобы навести на цель первую пару пушек. Дуплетный залп разнёсся над водой и наделал переполох в Армаде! На кораблях замелькали огни, забегали люди, но главной цели этот залп не достиг – ядра, не долетев, упали в воду. Мигель приказал сделать ещё один поворот, чтобы поставить корабль к цели другим бортом и одновременно подойти поближе.

Я уже приготовился лететь вперёд, взрывать эти клятые плавающие мины самостоятельно. Останавливало одно – несмотря на родство с огнём, я, скорее всего, погибну от взрыва, а уничтожить удастся только один брандер. Это не остановит ни Мигеля, ни пираний. А ведь только пока я жив, есть шанс спасти моё однорукое сокровище. Как-нибудь я его выхвачу!..

И тут мысли у меня в голове забегали быстро-быстро, как муравьи в потревоженном муравейнике.

У Мигеля работает только одна рука... Причём здесь это? Рука одна, но это не мешает ему быть отменным бойцом... И что? Единственное, что ему недоступно, это стрельба из мушкета, который надо держать двумя руками, но и это преодолено, так-как его пистолет... Вот оно!!!

Я заорал так, что все решили, что я рехнулся. Пистолет! Это было произведение технического искусства, одно из тех, что намного опережают своё время. Он ведь стреляет вдвое дальше мушкета, а попадает из него Мигель в мишень размером с голубя!

Когда они, наконец, поняли, что я имею в виду, то сами бросились доставать эту штуковину, смахивающую на трость. Между тем, уже на всех брандерах горели фитили, а сорвиголовы Дрейка, (это ведь была его работа), попрыгали в воду, чтобы отплыть подальше от адских судов.

Но вот, наконец, длинноствольное чудо извлечено из прямоугольного ящика, в казённый вставлен заряженный вкладыш – предтеча современных патронов, дон Мигель целится, стреляет и... ничего не происходит! Окружающими овладевает недоумение и досада, ведь смерть всё ближе, а время необходимое на манёвр потрачено впустую!..

Хорошо, что Мигель не сдался! Стрелять из пистолета по корпусу брандера, пусть даже набитого бочонками с порохом, это пальба наугад, ведь пуля по закону подлости может пролететь между пороховыми бочонками и застрять в переборке.

Молодой Самбульо выстрелил ещё раз, и ещё, и... После четвёртого выстрела ахнул взрыв, да такой, что сотряслись и небо, и море! «Анхелику» отшвырнуло, будто она была бумажным корабликом, мы все покатались кубарем и лишь чудом никто не свалился за борт!

На кораблях Армады, наконец, поняли, что происходит. Там застучали топоры, обрубающие якорные канаты, раздались отрывистые команды, и эскадра пришла в движение. Галеоны уходили в беспорядке, порой сталкиваясь, и тараня друг друга. Когда мы поднялись на ноги, то увидели идущий параллельно нашему движению корабль, на корме которого стояли дон Альфредо и донья Агнесса, наспех одетые во время тревоги. Стояли и во все глаза смотрели на своего младшего сына, поднимающегося с палубы в расстёгнутой кирасе и съехавшем на заты-

лок шлеме. Ещё немного и мы могли встать борт-о-борт или двигаться параллельно с ними, пока не достигли бы безопасного места. Но в это время взорвался второй брандер...

Наверное, в него попали горящие обломки первого, так-как эти два судна находились недалеко друг от друга. Мы были на относительно безопасном расстоянии, но «Анхелику» закрутило волчком, как щепку в весеннем ручье и мы потеряли способность воспринимать окружающее.

И тут, словно злая насмешка судьбы, на эскадру налетела буря! Свежий ветер превратился в ураган, который понёс беспомощные корабли к северу. Где-то взрывались и горели брандеры. Как мы узнали намного позже – три галеона всё же не смогли избежать столкновения с дьявольскими устройствами, но эти потери были мизерны по сравнению с тем, что случилось бы, если б авантюра Дрейка прошла, как была задумана.

Увы, это не спасло Непобедимую Армаду. Сама стихия обернулась против испанцев. Теперь мы ковыляли по волнам не в одиночестве, а в компании. К сожалению, в этом сборище больше не видно было кораблей родителей дона Мигеля и его братьев. Несколько раз ему, правда, казалось, что он видит силуэт, прорывающийся сквозь дождь, и слышит голоса отца и матери.

Конечно, это была игра воображения. Если бы что-то подобное случилось в действительности, то эти звуки, прежде всего, услышал бы я, ведь слух у меня попугайский, а значит он на несколько порядков выше человеческого...

.....
Огнеплюй вдруг замолчал и уставился на огонь, забыв о своей остывающей кружке. Анджелика и Мегги переглянулись, но никто из них не решился нарушить молчание этого... члена семьи, перед глазами которого вставали страшные картины подвигов и смерти...

.....
– Я любил их всех, – продолжил попугай, не отрывая глаз от огня. – Я не сразу научился смиряться со старением и смертью этих... Самбульо. Теперь они были Самбульо. А... какая разница!.. Не все потомки... моей Анхе... были безупречны, благородны и прекрасны, но... С некоторыми я даже был плохо знаком, так-как они отделялись от семьи и вели свою жизнь. Другие проявляли склонности и способности мне непонятные и чуждые. Были и такие, кому могли позавидовать герои из героев и богачи из богачей, но для меня они были чужими. Но всё же, я любил их всех, потому что... Не важно, почему! Частенько проходили целые поколения, которые я не понимал, и которые не понимали меня, но я знал – рано или поздно *они* появятся! Это трудно объяснить. Эти... Самбульо... *Эти* Самбульо, отличались от прочих. Иногда они совершенно не были похожи ни на мою Анхе, ни на её мужа, но... Это были *они* – настоящие! Последние три поколения дали трёх самых ярких представителей – дед, отец и сам Мигель. Его старшие братья – нет. Он – да. Поэтому я и сидел на его плече... И всё равно, когда я понял, что не увижу больше ни Альфредо, ни Агнессу, ни Хуана, ни Пабло... Мне хотелось просто взять и унести оттуда Мигеля, порвать все барьеры и границы между мирами, чтобы сохранить эту последнюю частицу Анхе... Можно было даже пожертвовать пираньями, которых я тоже успел полюбить, но которые всё же были предназначены для служения, и являлись для меня средством, а не целью. Я этого не сделал, потому что уважал его и весь его род. Мигель никогда не простил бы мне этого! Он знал меня, как наставника и друга, но воспринимал, как попугая. Он понятия не имел, что такое дракон!..

Сопrotивляться буре было невозможно. Много позже мы узнали, что часть Армады вышла из шторма и сумела выстроиться против англичан. Сражение началось, полетели ядра, и тут природа разделила противников новой бурей, как рассерженная хозяйка разливает помоями дерущихся котов.

Нас несло всё дальше на север. Впереди было побережье Голландии, и неизвестно чего больше боялись испанцы – разбиться о скалы или попасть в руки местного населения, не забывшего тех бесчинств, которые творили озверевшие солдаты герцога Альбы!

Но ветер изменился, и нас понесло в сторону Атлантики, в обход Ирландии и Шотландии, словно нам хотели показать всё чему мы желали стать хозяевами. Постоянный шторм изматывал людей до предела. Бедные пираньи падали от усталости, на их окровавленные, содранные верёвками до мяса ладони, больно было смотреть.

Мигель всё время бросался девчонкам на помощь, но, несмотря на то, что он с детства был опытным моряком, парень в полной мере прочувствовал свою однурукую беспомощность. Всё это, а ещё промозглый, мерзкий холод, царивший в атмосфере свихнувшийся стихии, плюс заканчивающееся продовольствие и пресная вода, приводили всех в уныние. Но хуже всего было видеть и слышать, как какой-нибудь очередной корабль, едва не на расстоянии вытянутой руки, вдруг начинал тонуть, напорвшись на подводную скалу, или погибал вообще без видимой причины, а мы ничем не могли помочь, так-как самим едва удавалось удерживать на плаву свою «Анхелику».

Глава 16. Интермеццо третье – дорога в Новый Свет

Так прошло две недели. Для тех, кто думает, что это мало, скажу – даже опытный моряк через два часа такого режима заявит об усталости, а через два дня вымотается до предела.

В один прекрасный день мы вдруг обнаружили, что вокруг никого нет. Неужели все утонули? После того, что нам довелось увидеть и пережить, это казалось вполне возможным. То, что мы ошибались, выяснилось, когда поняли, что берег, видневшийся по левому борту, исчез. Это означало, что мы либо слишком удалились от британского побережья, либо вообще поменяли направление. Правильным оказалось второе.

Ветер с «норда» переменялся на «ост-норд-ост» и нас уверенно понесло вглубь Атлантики.

Даже если бы у нас было новенькое, крепкое, хорошо оснащённое судно с полным трюмом припасов, такое путешествие всё равно было бы нелёгким и опасным. У нас же было под ногами совсем старое, потрёпанное бурей, судно, а от запасов оставались только крохи на дне мешков и капли на дне бочек.

Как на грех, из-за бури ни я, ни Магдалена не могли открыть проход к тому острову, где мы с Гёзом не так давно выхаживали раненого дона Мигеля. Об архипелаге, на котором я жил, когда растил Анхе, я уж не говорю – проход намертво закрылся, когда я туда Драську отправил. Теперь я смогу его откупорить только в драконьем облике, а вернуть таковой несколько сложнее, чем превратиться в попугая!

Когда буря немного утихла, мы смогли определить своё положение. Да, открытие это никого не порадовало. Оказывается, нас занесло далеко на юг, и сейчас самой близкой землёй к нам были мавританские земли в Африке.

Попасть туда было хуже смерти. Испанцы с маврами были не просто на ножах, а в принципиальных разногласиях по всем вопросам. Иначе говоря, считали друг друга холодными беспринципными убийцами, едва ли не нелюдьми, явившимися в мир людей ввиду происков дьявола.

Если честно, то и у тех, и у других были на то основания. Положение усугублялось тем, что наш экипаж был к тому же... не мужским. Даже в христианском мире, вне покровительства могущественной и богатой семьи Самбульо, можно было весьма основательно вляпаться в сквернейшую историю. Остаётся гадать, какое впечатление наша команда произвела бы в мире мусульманском. Невольничий рынок – наиболее вероятная участь для всех кто был на борту «Анхелики», но скорее всего нас просто перебили бы, приняв за демонов.

Можно было повернуть обратно, но по-прежнему дул противный ветер, с которым мы, с нашим слабым парусным оснащением, и при отсутствии вёсел, никак не могли справиться. Судно нуждалось в ремонте, хоть пока что не давало течь, что само по себе было чудом. Тем не менее, обратную дорогу оно могло не выдержать. И тогда дон Мигель после долгого совещания с Магдаленой и со мной, решил идти по направлению к Новому Свету.

Конечно, это выглядело, как безумие. Да, это и было безумием, но что нам оставалось? Не идти же к неизведанному побережью Чёрной Африки? Если бы даже удалось там пристать, то перспектива быть съеденными хищным зверьём или каким-нибудь местным племенем, не прельщала никого. В Новом же Свете мы могли рассчитывать попасть в испанские владения на Кубе или ещё каком-нибудь острове Караибского архипелага.

Хуже всего было то, что у нас закончились припасы. Но пираньи не унывали – они были обучены добывать себе пищу, где угодно, могли подолгу поститься, не жалуясь при этом на судьбу. Становились только злее в драке.

Как только погода позволила, они тут же наловили рыбы, оказавшейся вполне съедобной и недурной на вкус. Проплывая мимо странной отмели, ухитрились даже насобирать устриц, но это плохо закончилось – пару дней команда страдала от жуткой диареи.

А ещё, на борту «Анхелики» имелся опреснитель. Самбульо не были чужды прогрессу, а потому такая вещь, как перегонный куб была им известна хорошо. Эта многофункциональная штукавина, собранная лично доном Мигелем при помощи Магдалены, превращала морскую воду в пресную и с ней можно было подолгу путешествовать, не приставая ни к какому берегу. Так себе получалась водичка, но всё же лучше чем ничего.

Давно известно, что злая шутница – Фортуна, обожает крайности в гадостях. После почти месяца сплошных бурь и штормов, наступил полный штиль, а холод сменился душливой жарой. Из трюма вылез на солнышко, забытый всеми, кроме Магдалены, Ганс Древолом. Несмотря на происхождение от ганзейских моряков, бедняга очень страдал от морской болезни и ужасно стыдился этого. Практически всё плавание до сих пор он провёл в качестве балласта, но все знали, насколько этот силач незаменим, когда речь идёт о тяжёлой работе или отчаянной драке.

А ещё я думаю, Магдалена взяла его с собой, чтобы несколько сгладить женский перевес, получившийся в команде «Анхелики». Я помню, как доставалось Драське в подобной ситуации, несколькими столетиями раньше!

Конечно, Мигель это вам не дракон-оборотень, но ведь он тоже живой человек, к тому же юноша, едва входящий в возраст мужчины. Каково ему было ежедневно видеть три десятка полуобнажённых девичьих тел? Но дон Мигель дал клятву верности юной сеньорите Алисии, а клятва верности для Самбульо значила больше чем сохранение жизни.

Теперь пришло время Ганса. Пара дней хорошего питания поставили парня на ноги. Бледная зелень его щёк сменилась обычным румянцем, в глазах появился живой блеск, а застоявшиеся мускулы требовали дела! И дело нашлось.

«Анхелика» не имела спасательных шлюпок, так-как из-за малых размеров судна они заняли бы слишком много места на борту. Но за кормой, как собачка на верёвочке, за кораблём следовал миниатюрный ялик.

Лёгкая лодочка, чудом уцелевшая во время всех злоключений, вмещала в себя всего шесть пираний или одного Ганса. Догадываетесь зачем? «Анхелика» была высокобортным ганзейским судном и не имела вёсел, полагаясь лишь на парусное оснащение, как уже говорилось – весьма примитивное. Но её небольшие размеры давали возможность буксировать этот корабль в штиль с относительной лёгкостью.

Этим и занялся Ганс. Конечно, проделать весь путь, таким образом, было невыносимо, но выйти, пусть и черепашьим шагом, из полосы штиля, удалось где-то через неделю.

И вот, наконец, подул сначала лёгкий бриз, а потом и свежий ветер. Трудяга – Ганс снова отправился в трюм, зато пираниям наконец-то нашлась работа. Именно наконец-то, потому что обстановка на борту была наэлектризованной по уже упомянутым мной причинам.

Говорят, что женщина на корабле – к несчастью. Когда речь идёт о судне с командой из мужчин, это совершенно справедливо. Даже не претендуя, на пассажирку открыто, они инстинктивно становятся агрессивнее и нетерпимее друг к другу. У нас была противоположная ситуация. Думаете от этого легче? Как бы ни так!

Я уже говорил, что дон Мигель, соблюдая клятву, данную своей невесте, изо всех сил старался больше смотреть на морские волны, чем на своих матросов. В результате он чуть было не свернул себе шею. Пираний же сдерживала в этом отношении только тяжёлая рука Магдалены.

Вообще-то, у свирров всегда были свои, особые взгляды на отношения между полами. Здесь женщинам предоставлялось несравненно больше свободы, чем это был принят в строгом и зажатом христианском мире. Конечно, этот маленький народец тоже принадлежал к като-

лической церкви, но имел свои обычаи и традиции, принесённые из глубин веков и сохраняющиеся в качестве тайных учений. Сеньоры Самбульо в их дела не лезли, и даже я, прожив около пятисот лет бок-о-бок с этими милыми головорезами, знал о них далеко не всё.

Однако мне было известно, что это племя сквозь пальцы смотрит на так называемую невинность девиц, по которой с ума сходят все народы вокруг. Девушки, как пирании, так и не имеющие этого статуса, (пираний среди свирров женского пола была примерно треть), сами выбирали себе жениха по взаимной симпатии.

Любовь здесь стояла на первом месте, а то, что она приходит к человеку частенько по несколько раз в течение жизни, признавалось очевидным. Так что девушки и юноши у них нередко, хоть и не всегда, имели добрачные связи, а задавать вопрос о девственности предмету своей симпатии считалось неэтичным.

Семьи у них существовали, но переход из одной семьи в другую, в том числе и временный, не был запрещён, как для мужчин, так и для женщин. Поэтому здесь и священники были тоже из свирров. Непросто было утрясти этот вопрос с церковными властями, но крупные жертвоприношения со стороны семьи Самбульо сделали дело. Сеньоры понимали, что союз со свиррами дороже золота и важнее самого лучшего оснащения их кораблей. А ведь они жили морем, и те, и другие!

Может быть вам покажется, что в племени, в течение поколений дающим лучшие абордажные команды своим господам, царил сплошной разврат и распутство? Отнюдь нет.

При большей свободе, семьи там были крепче и дружнее чем у самых строгих христиан любых конфессий. Упомянутые мной переходы были редкостью, а если и случались, то не наносили никакого ущерба – о них просто молчали, не предавая этому значения катастрофы.

Здесь не было тайных походов «налево», не было «соломенных вдов», не было брошенных и лишних детей. Никому в голову не приходило стыдить и преследовать девушку, забеременевшую до брака. От неё не отказывались родители, её не изгоняли из селения, не предавал анафеме священник. И шансов выйти замуж с ребёнком на руках у неё было столько же, сколько у тех, кто детей не имел или вообще соблюдал целомудрие в силу своей природной склонности.

Детей свирры любили и не понимали, как это можно делить их на "законных" и "не законных"? Они знали только один закон, запрещающий человеческую жизнь – смерть во всех её проявлениях. Закона запрещающего эту жизнь создать, удобным для людей способом, для них не существовало!

А вот связи между сеньорами и вассалами не приветствовались, ни с той, ни с другой стороны. Не запрещались, а именно не приветствовались.

Не скажу, что ничего подобного не случилось за пятьсот лет истории семьи. Бывало, чего греха таить! И всё бы ничего, но никто не знал, как после этого относиться к бастардам. Как к господам или как к равным себе? Сеньоры не могли вести такой замкнутый образ жизни, как их непритязательные вассалы и, увы, у них была проблема с «лишними» детьми.

Такое потомство плохо вписывалось и в ту, и в другую среду, но бросать этих детей никто не собирался. Самбульо брали их под своё крыло и устраивали где-нибудь на стороне, либо держали при себе всю оставшуюся жизнь. Последним из таких отпрысков была Магдалена, приходившаяся дону Мигелю тёткой, а его отцу сводной сестрой.

Пирании не приставали к своему молодому сеньору. Напрямую никто из них ему в подружки не навязывался. Но эти глазки... Эти невольные вздохи, эти невинные жесты, которые женщина делает, не отдавая себе отчёта. Это ведь здорового парня могло свести с ума! Нет, я говорю не в осуждение. Когда я завёл для Анхе первых пираний, в качестве подруг по детским играм, то не собирался их разводиться, а потому преднамеренно не взял мальчиков. Но теперь на моих глазах прошло столько поколений...

Новые люди оказались такими интересными, что я научился любить их! Я стал понимать человеческую любовь и всё, что сопутствует продолжению их рода. А потому, конечно, не осуждал пираний за их естественную реакцию на молодого самца, каким был для них дон Мигель. Но при этом я понимал, что ситуация становится взрывоопасной.

Дело дошло до того, что в одно прекрасное утро две девушки подрались, ещё несколько бросились их разнимать, но сами ввязались в драку! В результате пять или шесть из них слетели в воду, а побоище едва не стало массовым.

Магдалена тогда рассвирепела не на шутку! Тумаки достались и правым, и виноватым, а кое у кого основательно распухли надранные уши. От более жестокой расправы, девчонок спасло только заступничество дона Мигеля, но им всё равно пришлось в наказание вычистить и вылизать всё судно, чуть не до стерильного состояния.

Так что, когда подул, наконец-то, ветер, этому рады были все, и прежде всего ваш покорный слуга! Работа лучше всего ставит на место мозги, съехавшие от зова природы, когда его нельзя удовлетворить. Пираньи сами это понимали, и теперь бегали по судну, жадно хватаясь за любое трудное дело. Они буквально рвали друг у друга снасти из рук! Сердце радовалось смотреть на этот энтузиазм, но я знал, что проблема не решена, а лишь отложена на неопределённый срок.

Некоторое время мы весело летели по волнам, благо ветер был попутным, а погода хорошая. Беспokoило только судно – оно скрипело и стонало под ногами, наводя на мысли о том, что ему уже слишком много лет и что если во время предыдущего ремонта кто-нибудь из мастеров проглядел одну-две трещины в несущих балках, оно может просто развалиться при очередном натиске волн.

Но пока что всё шло хорошо. День, когда острова архипелага покажутся на горизонте, приближался. И они показались, эти зелёные, пушистые кусочки рая! Показались вместе с лёгким облачком, невинно плывущим из-за горизонта по лазурному небу в нашу сторону...

Глава 16. Интермеццо четвёртое – поророка

Все сразу поняли, что это такое. Из нашей команды, разве что самые юные и неопытные пираньи не смогли бы узнать в этом безобидном на вид явлении сильный шторм, грозящий вот-вот обрушиться на острова. Даже если бы мы были рядом с портом, то заходить в него сейчас не следовало, если мы, конечно, хотели сохранить судно.

Ураган налетел на «Анхелику», как разъярённый бык на своих обидчиков. Нас попросту сдуло подальше от райских островов, как ребёнок иногда сдувает мушку, прицелившуюся сесть на его сладости. Снова нас мотало и трепало, как мышшь, которой играет кошка, прежде чем придушить и сожрать. Это было, наверное, похлеще, чем у побережья Шотландии. Мне до сих пор не понятно, каким чудом нам удалось не только выжить, но и никого не потерять тогда? Половина команды присоединилась к Гансу, и теперь в трюме было не продохнуть от запаха рвоты.

Дон Мигель взял на себя нелёгкую и малоприятную работу ухода за заболевшими. Пока Магдалена с остатками команды, прилагала отчаянные усилия, чтобы удержать корабль носом к волне, тот, кто по своему положению мог приказывать вассалам жить или умереть, сейчас выносил за ними горшки и вёдра, чтобы выплеснуть всё это за борт. При этом он каждый раз рисковал улететь туда сам, ведь у него не было второй руки, чтобы уцепиться за что-нибудь, когда ноги начинали скользить по мокрой, ходуном ходящей палубе.

Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, таким и должен быть сеньор. В своих владениях он, как должное, принимает служение подданных, на войне бьётся с ними плечом к плечу, а в час нужды и бедствия не постесняется и не побрезгует зашить слуге-солдату рану, сменить компресс и убрать нечистоты. Когда сеньоры перестают так поступать, они теряют поддержку малых, а с ней собственную силу и власть.

Тем временем, буря снова несла нас на юг или точнее на юго-юго-запад. То, что характер движения изменился, первым заметил я. Теперь мне трудно сказать, что именно заставило меня взлететь на свой позолоченный насест в такой ветер. Меня запросто могло сдуть в океан, где я вряд ли смог бы снова подняться из воды.

Сперва я ничего не видел, так-как в глаза летели целые тучи водяной пыли, образуя нечто вроде тумана там, где по природе тумана не может быть. Мы словно оказались внутри облака и летели сквозь него с такой скоростью, что капли хлестали по чему попало, словно мокрым веником.

Вдруг всё прояснилось, и я даже клюв открыл от удивления! Мне показалось, что мы и вправду летим! Конечно, это была иллюзия, но до облаков можно было действительно крылом достать, а внизу...

На самом деле мы не летели, а скользили на гребне волны, взметнувшейся к небесам! Она величественно шла вперёд, как боевой слон, атакуя, неведомо откуда взявшийся залив, берега, которого я отчётливо видел с высоты равной двум замковым башням.

Но вскоре я понял, что это всё же не залив, а река, так-как увидел встречные волны. Они были небольшими по сравнению с океанскими, и совсем крошечными против той, что несла нас на своей спине. В результате столкновения этих двух масс воды, волна, на вершине которой мы очутились, была похожа на крепостную стену, перегоротившую эту реку от берега до берега.

Я вдруг вспомнил, как такую волну называли на родине Анхе – бор. Потом мы узнали её местное название – поророка. Она возникала от натиска океанского прилива на воды реки против течения. Частое явление во фьордах севера, но здесь это выглядело намного грандиознее!

Поророка сминала и подчиняла себе реку со всеми её волнами. Как бы ни была река широка и полноводна, океан всегда оказывался сильнее.

И тут я узнал это место! Это же было устье Амазонки, ведь я бывал в Новом Свете, сидя на плече у очередного Самбулю. Точно, это был дед дона Мигеля! Лет пятьдесят с небольшим назад, вместе с Себастьяном де Белалькасаром, он пытался отыскать путь... в Эльдorado! Ох, мы тогда намучились! Как-нибудь я расскажу вам эту историю, она того стоит.

В тот момент мне тоже было не до воспоминаний. Во-первых, «Анхелика» грозила опрокинуться, она ведь не была рассчитана на такие трюки. Мы были живы только благодаря чрезвычайному мужеству нашей старшей пираньи – Магдалена так и вцепилась в рулевое весло, а по её лицу, несмотря на ледяной ветер, градом катился пот. Во-вторых, меня занимало, прежде всего, то, что мы стоим, а точнее летим по волнам в двух шагах от спасения – где-то здесь должен был быть, основанный ещё в начале века и вполне обустроенный порт Белен.

В прошлый раз лоцман дона Себастьяна, хорошо знавший особенности местных вод, ловко подвёл нас к скромному деревянному причалу, за которым был вполне приличный и цивилизованный колониальный порт, питающий внушительную факторию с каменным фортом и целым лабиринтом разнокалиберных домов, домиков и соломенных хижин. Увы, на сей раз, нам попасть в это место не удалось.

Мы пролетели мимо порта на гребне волны, которая не собиралась спадать. Можно было только представить, какое зрелище мы собой являли для тех, кто наблюдал за поророкой с берега! Кажется, легенда о корабле безумцев появилась среди моряков как раз после этого случая.

Приливная волна постепенно затихала, однако у неё хватало силы, чтобы нести и нести нас вглубь материка. Возможно, не будь наша команда настолько измотана, имей мы хорошего лоцмана и немного больше опыта в путешествиях по гигантским рекам, мы не стали бы игрушкой волн, но здесь нам не повезло. То-есть повезло, что мы вообще не утонули.

Как мы проспали следующий порт, не знаю. Похоже, проспали в буквальном смысле, потому что Манаус мы миновали ночью. Вину за это полностью беру на себя, так-как я находился на своём наблюдательном пункте, где меня начисто сморил сон. Извиняет меня разве что, то обстоятельство, что порт этот был совсем новый, и я понятие не имел о его существовании. Но если бы я тогда не уснул, то мог поднять тревогу при виде портовых огней и мы смогли бы справиться с течением, так-как сила поророки к тому времени была уже не столь велика.

Наш полёт на гребне волны закончился не слишком изящно – «Анхелика» с треском вошла в узкую протоку, над которой аркой смыкались джунгли, и встала, как вкопанная. Так встаёт усталая лошадь, которая готова терпеть брань и побои хозяина, лишь бы не двигаться с места.

Толчок, вызванный этой остановкой, разбудил меня, и я чуть не свалился с насеста. Темнота вокруг была, хоть глаз коли. Воздух, душный и жаркий, приходилось втягивать в себя с усилием, от чего сердце начало бешено колотиться.

Чтобы хоть как-то оглядеться, я дохнул малым язычком огня, потом нашёл два наших фонаря на носу и на корме и зажёл их. Пожар устроить не боялся – всё вокруг было пропитано влагой, и в самом воздухе клубилась мелкая водяная взвесь.

Сейчас корабль можно было принять за взятый на абордаж – повсюду вповалку лежали тела пираний, которые были не в силах подняться. Магдалена и ещё две девушки, спали в обнимку с рулевым веслом. Страшно было подумать, каких усилий им стоило не дать судну завертеться волчком и не подставить под волну открытый борт, как черпак под струю воды.

Дона Мигеля я нашёл в компании наших болящих. Мальчик настолько умаялся, что заснул на лестнице, в обнимку с ведром для нечистот, по счастью пустым. Я порадовался, что эти его мучения закончились и вздохнул, зная, что окончание одних забот это всегда начало других, возможно более тяжких.

Глава 16. Интермеццо пятое – Чига Шанки; знакомство

Они проспали до вечера следующего дня. Даже тучи насекомых, впивающихся в беззащитные тела, не могли пробудить уставших мореходов. Правда, тут мне удалось оказать сопротивление кровососущему войску – я периодически окутывал спящих разреженным огненным облаком, безвредным для людей, но губительным для кусачих тварей. Но это лишь отчасти спасало положение, а потому, когда девушки пробудились, они напоминали больных ветрянкой, настолько искусаны были у них все открытые места.

Не подозревал я тогда, что вспышки пламени над водой среди джунглей привлекут чьё-то пристальное внимание и это сыграет огромную роль в нашей судьбе.

Прежде всего, надо было определить, куда мы попали. Морские навигационные приборы давали мало информации, требовалась разведка, и, конечно же, эта работа легла на мои крылья. Сетка растительного купола, настолько скрывавшего от нас небо, что днём здесь царил полумрак, а ночью не были видны звёзды, оказалась вполне проходимой для попугая. Пришлось, правда, продираться, рискуя быть съеденным каким-нибудь питоном, но мне повезло, что наиболее крупные представители этих гадов не забираются так высоко, а мелким полозом я сам закусил по дороге, благо попугай я лишь снаружи.

Итак, я взмыл над зелёной подушкой влажного топического леса, заметил место нашей стоянки и набрал высоту. Наверное, со стороны это выглядело нелепо, ведь попугаям не свойственно забираться под облака. По крайней мере, встречный орлан взглянул на меня, как на законченного придурка. Он бы и пальцем покрутил у виска, если бы у него были руки.

Чтобы он знал своё место, ячихнул в его сторону небольшим взрывным шаром и орлан тут же с недовольным криком скрылся из вида. Можно было бы этого не делать, в конце концов, мне было плевать на то, что там думает всякая мелочь. Подо мной, сколько хватало глаз, лежала амазонская пойма.

Оказывается, поророка занёс нас в один из левых притоков гигантской реки. Я не силён в географии, но скорее всего это был Рио-Негру, но может быть, мы попали в Ису или Жапуру. Принципиальной разницы не было, куда именно мы угодили. Вопрос был в том, как отсюда выбираться, чтобы достичь цивилизованных мест, привести в порядок судно и отправиться домой.

Сейчас мы застряли не в самом притоке, а в некоем узком рукаве, где-то метрах в ста от выхода на большую воду. Что ж, дело казалось простым – вырезать из лиан запутавшиеся снасти, отбуксировать «Анхелику» к судоходной части реки, поставить парус, вернуться на Амазонку и следовать к ближайшему испанскому порту, стараясь, на сей раз, не проскочить мимо.

Конечно, на этом наши трудности не кончатся. Я уже представлял, какое впечатление произведёт высадка в порту католической фактории, женской команды, сошедшей с древнего судна. Не было бы проблем с церковью! Здесь власть инквизиции не настолько сильна, но кто знает, а вдруг какой-нибудь губернатор не захочет брать на себя ответственность, и, сочтя пираний сонмом дьяволиц, предоставит разбираться во всём духовной власти? Тогда либо война со своими, либо заключение под стражу, каторга или костёр, точнее костры...

Правда у дона Мигеля с собой имелись соответствующие грамоты и самое главное – объёмистый кошель с золотыми дублонами, и всё же могли возникнуть препятствия, которые непросто будет преодолеть, даже опираясь на золото и авторитет фамилии Самбульо.

Как же нелепы были мои опасения по сравнению с настоящими проблемами, изволившими свалиться на нашу голову!

Всё было просто – когда я вернулся, продравшись сквозь зелёный потолок лиан, то застал на палубе «Анхелики» немую сцену. Вокруг корабля расположившись на ветвях и корнях ман-

гровых деревьев, застыли полторы сотни бронзовокожих воинов с копьями в руках, взятыми наизготовку.

Были среди них и какие-то другие – маленькие, серокожие, с волосами похожими на копну чёрного сена. Эти целились в команду «Анхелики» из луков и духовых трубок, что, как я знал по предыдущему опыту, было ещё опаснее, ведь стрелы наверняка были смазаны ядом.

Пираньи застыли с длинными ножами в руках. На корабле имелось оружие посерьёзнее, но видимо девушки, не ожидавшие нападения, не успели за него схватиться. Только у Магдалены был в руках мушкет и тлеющий фитиль. Дон Мигель, босой, в матросской рубашке и штанах, но в боевом шлеме с незастёгнутым ремнём, сжимал в единственной здоровой руке старинный вагрский акинак. Ещё не пришедший в себя Ганс Древолом держал в слегка дрожащих руках абордажный топор и с сожалением поглядывал на незаряженные пушки.

Клянусь хвостом, который верну себе когда-нибудь, я предпочёл бы столкновение с отрядом английских мушкетёров! Эти дикари, что окружали нас тогда, были также опасны в ближнем бою, как пираньи, и превосходили нас численностью в пять раз!

Я уже прикидывал, сколько врагов успею сжечь, прежде чем произойдёт куча-мала в которой огонь не применишь, когда среди индейцев произошло движение и на сцену выступили новые лица.

Прежде всего, появился вождь. Он был похож на ходячий куст, у которого на ветках вместо листьев растут перья. Как в таком наряде можно передвигаться по джунглям, ума не приложу, но этот надменный индюк, похоже никаких неудобств не испытывал.

Встав в позу, достойную самого чванливого из римских императоров периода упадка, он скрестил руки на груди, и некоторое время молчал, презрительно поглядывая на ощерившихся пираний. Ствол мушкета Магдалены переместился в его сторону, и мне стало ясно, кому достанется пуля способная вывернуть человеку кишки. Вождь это тоже понял, и его физиономия стала ещё более надменной.

Ага, значит, он имеет представление об огнестрельном оружии. А он не робкого десятка! Эх, жаль, что остальные мушкеты сложены в трюме, в непромокаемых сундуках. Залп из них с такого расстояния убавил бы количество наших врагов на четверть.

Вождь заговорил так громко и резко, что это больше походило на крик. Если бы в руках Магдалены было более совершенное оружие, то на этом его жизнь закончилась бы, так-как руки наставницы дон Мигеля непроизвольно дернулись, но она смогла сдержаться и выстрела не последовало.

Речь вождя длилась минуты две-три. Со стороны это выглядело так, будто он отчитывает пираний или прогоняет их, а может и то, и другое. Закончив «лаяться», вождь застыл со свирепым выражением на физиономии достойной бульдога.

Магдалена и дон Мигель переглянулись. Никто, конечно, не понял ни слова. Ясно было только, что здесь не очень-то рады появлению корабля с вооружёнными девушками. Но мы быстро поняли, что ошибаемся в этих поспешных выводах.

Надо было отвечать, либо начинать бой. Дон Мигель выступил было вперёд, чтобы высказать вождю всё, что он о нём думает, но тут из задних рядов индейских воинов протиснулся один из представителей серокожих. Он был ещё ниже ростом, чем прочие его соплеменники и единственный среди всех без оружия.

Этот новый персонаж прошёл вперёд с уверенностью человека, знающего, что он делает, и уселся у ног вождя по-турецки. Положив руки на колени, он прикрыл свои чёрные, почти без белков, глаза и заговорил, слегка нараспев, на необыкновенно чистом испанском, как говорят разве что придворные поэты:

– Великий вождь Чига Шанки, Сотрясатель земли и Любимец неба, приветствует Царицу амазонок в своих владениях и просит её быть гостьей в его хижине!

Магдалена снова переглянулась с доном Мигелем. Речь толмача, переводившего слова оперённого вождя индейских воинов, была обращена именно к ней. Скорее всего, маленький переводчик дипломатично опустил часть реплик своего повелителя, которые могли быть чем-то неприятны «Царице амазонок», но приглашение было произнесено на полном серьёзе и касалось оно не только одной «Царицы», а всего её «двора», который сейчас сверкал глазами и шипел, ещё не понимая, что происходит.

Больше всего я боялся, что они сейчас начнут опровергать слова оперённого повелителя и отнекиваться от ошибочно приписываемого Магдалене титула, но этого не произошло. Эти двое, я имею в виду Магдалену и Мигеля, были не просто ученик и наставница, и не просто тётка и племянник, они были друзьями! Старыми друзьями, прожжёнными заговорщиками, затевавшими подчас опасные игры и хитроумные розыгрыши, за которые обоим доставалось от родителей и старших братьев мальчика.

Магда получила годовалого Мигеля на руки, когда ей самой едва исполнилось тринадцать лет. Но она уже тогда была посвящённой пираньей, и даже успела сходить в поход со своим сводным братом и отцом будущего воспитанника. В няньки и наставницы напросилась сама. Альтернативой было замужество с каким-то помещиком, которого она не хотела.

Конечно же, они понимали друг друга с полуслова и полувзгляда. Вот и сейчас, не потребовалось ни слов, ни даже кивков, чтобы оба сообразили, в чём спасение из опасного положения. Я едва не заплодировал, когда Мигель улыбнулся, спрятал акирек и проговорил с лёгким поклоном:

– Царица амазонок Магдалена I с благодарностью принимает предложение Великого вождя Чига Шанки, Сотрясателя земли и Любимца неба, и готова проследовать вместе со своими подданными в его владения, чтобы быть гостьей в его хижине!

Толмач перевёл и, о чудо! С пернатым вождём произошла сказочная метаморфоза – его лицо перестало напоминать бульдожью морду и расплылось в такой широкой и довольной улыбке, что толстые щёки едва не сравнялись с плечами. Ясно было, что, несмотря на грозный тон, каким было сделано приглашение, (А ну, пошли ко мне в гости или вам всем хана!), сам он вовсе не желал битвы со свирепыми «амазонками», которые славились своим воинским искусством, бесстрашием, силой и удачливостью.

Глава 16. Интермеццо шестое – Дорога к хижине

Не буду расписывать наше путешествие сквозь джунгли, скажу только, что это было весьма нелегко и непросто. Мне-то что, я сидел на плече Ганса, чтобы не слишком нагружать дона Мигеля, а вот пираньям досталось!

Девушки шли в полном вооружении, как не бывало даже на войне. Пираньи, как и их братья, скорпионы – абордажная команда свирров. Они редко стреляют, а по большей части дерутся врукопашную, используя ножи и абордажные кортики. Чаще всего, дав залп по палубе атакуемого судна, они бросают мушкеты и перепрыгивают на вражеский корабль, чтобы перерезать или взять в плен команду. Теперь же они несли это тяжёлое оружие с собой, как это делала мушкетёрская пехота во всех странах. Но там, в мушкетёрах служили здоровенные мужики, а здесь...

Впрочем, никто не назвал бы пираний хрупкими. Девушками они были сильными и выносливыми, что никак не вредило их привлекательности. Но всё равно они сгибались под тяжестью оружия, амуниции и припасов. Хорошо ещё Ганс не смог уговорить Магдалену снять с корабля пушки!

«Анхелика» осталась под присмотром отряда индейцев. При этом никто из них не только не пытался забраться на борт, но не смел даже прикоснуться к кораблю – вождь наложил на судно какое-то особенное «табу», и теперь краснокожие воины старались даже не смотреть в сторону «большой пироги».

Пока шли, разговорились с толмачом. Выяснилось, что парень львиную долю жизни прожил в испанской колонии, куда его привели в возрасте лет шести, и где его с малолетства приютил у себя престарелый испанский гранд, попавший в немилость к королю и сосланный в Новый Свет. Этот опальный вельможа оказался высокообразованным человеком. Он обучил индейского мальчика не только языку, но и грамоте, а также различным другим наукам, и много чего ему рассказал.

Когда же этот престарелый мудрец умер, Ночную Выдру, (так звали нашего нового знакомого), взял себе комендант форта. Он ничему не учил мальчика, которому тогда исполнилось двенадцать лет, но захотел сделать из него слугу и шута. Что-то вроде ручной обезьянки. Но Ночная Выдра не затем родился на свет. В первую же ночь он выскользнул из крепости, прихватив кинжал коменданта, и был таков!

Правда, шансов выжить в зелёном аду у неопытного мальчика было маловато даже с превосходным кинжалом. Ночная Выдра рано был оторван от своих корней и не привык к жизни охотника. Инстинкты индейца позволили ему не бояться джунглей, в которых он родился когда-то, но навыка выживания в этом невероятно опасном месте у него не было.

Он продержался целых два дня и возможно смог бы пережить ещё один, прежде чем попасть на обед питону или аллигатору. Но тут он встретился с охотниками племени Чига Шанки, и они привели его к Великому вождю, Сотрясателю земли и Любимцу неба.

Чига Шанки был личность известная. Он происходил не из местных племён, а пришёл откуда-то с севера и привёл с собой остатки народа высоких и сильных краснокожих, с которыми случилась какая-то беда. Местные сначала прохладно приняли чужаков, видя в них такую же угрозу, как от испанцев, и дело чуть не дошло до драки. Но Чига Шанки не любил воевать, хоть бывшие под его началом воины были очень сильны и приводили местных охотников в трепет.

– Он любит битвы другого рода! – загадочно улыбнулся Ночная Выдра.

Удивительно, но пришлому вождю удалось предотвратить кровопролитие и доказать, что от объединения его, (его ли?), племени с местными, все только выиграют. Ему удалось сместить злобного шамана, который здесь всем верховодил и разжигал вражду, расположить к себе ста-

рейшин нескольких соседних племён и даже договориться кое о чём с испанцами. И, конечно, в этом ему помог безродный мальчишка, подобранный в джунглях, для которого испанский язык теперь был таким же родным, как и тот на котором говорила родившая его женщина. Тенью Великого вождя он был уже чуть больше пяти лет.

В ставку Чига Шанки все, кроме меня, пришли «без ног». Пираньи были отличными бегуньями на суше, но длительное плавание дало свои результаты – девочки отвыкли ходить по земле. Другой проблемой были сапоги. На корабле им обувь не требовалась. Даже на бордаж они ходили босиком, чтобы не поскользнуться, полагаясь больше всего на свою ловкость и цепкость. Но в джунглях было всё по-другому. Здесь даже индейцы были обуты в какие-то галоши, словно слепленные из грязи. Оказалось, что это сок каучукового дерева, которым они густо обмазывали свои ноги, чтобы защититься от колючек и всяких кусачих тварей, которыми изобиловали джунгли.

Пришлось бедным пираньям влезть в сапоги, с широкими раструбами голенищ имевшиеся на борту «на всякий случай». Я испытал дежавю, увидев такое зрелище! Только в прошлый раз внезапно охромевших девушек было всего три, а сегодня три десятка.

Жалоб не было, все страдали молча. Мушкетеры служили им посохами, и я сомневался, что в такой сырости они могут послужить для чего-то ещё. Дон Мигель тоже взял свой пистолет, но конечно не опирался на него, а повесил за спиной так, что рукоять торчала над правым плечом. Он благоразумно оставил свои великолепные доспехи на судне и облачился в штормовой костюм – кожаный колет, такие же штаны, ботфорты и шляпу. Немного жарко, но зато хорошо защищает от колючих растений, которыми изобиловали джунгли.

Но вот мы пришли. Это случилось совершенно неожиданно. Только что мы медленно шагали колонной по узкой тропе, прорубаемой индейцами в сплошных зарослях, и вдруг джунгли словно расступились, как будто некий гигант раздвинул их ладонями.

Когда речь шла о «хижине» вождя, в которую он приглашал «Царицу амазонок», мне представлялось строение из жердей, покрытых пальмовыми листьями, достаточно большое, чтобы служить резиденцией главы дикарей. Но когда мы вышли за пределы растительной мешанины, перед нами раскинулся... город!

Глава 16. Интермеццо седьмое – Город, пир и серьёзный выбор

Он был каменным, этот город. Каменным, огромным и старым. Кое-где дома были разрушены землетрясением, в других местах джунгли, вторгшиеся, словно орда завоевателей, захватили целые кварталы, превратив белокаменные строения в зелёные холмы.

Я видел, что индейцы искоса поглядывают на пираний, желая углядеть, какое впечатление произвело на «амазонок» увиденное. Но наших воительниц было не так-то просто пронять.

Свирры очень гордились умением держать себя в руках и сохранять своё достоинство в любой ситуации. Лишь по особому блеску глаз можно было понять, что на самом деле они сгорают от любопытства. Внешне же пираньи казались ко всему равнодушными.

Мы шли мимо строений, против которых даже весьма немаленький замок Самбульо казался скромным мещанским домиком. Кто ухитрился построить такое в джунглях? Ясно, что не те, кто владел этим городом сейчас. Индейцы, которые нас сюда привели, вряд ли имели понятие о каменном строительстве. Конечно, они заселились в это место, найдя его пустым и заброшенным. Куда при этом пропали прежние хозяева и создатели города, оставалось лишь догадываться.

Город не имел стен, но ворота без створок у него были. Они представляли собой две каменные глыбы, обточенные в виде прямоугольников, высотой с мачту «Анхелики». В качестве верхней перекладины лежала третья такая же глыба. При этом бросалась в глаза её неровность – с одного конца она была толще, хоть и обтёсана с тем же мастерством, что и две первые. Это странно смотрелось на фоне изящной, хоть и несколько массивной и угловатой местной архитектуры. Правда, я быстро догадался, в чём дело – ворота были старше самого города. Намного старше.

Надо отдать должное индейцам – та часть города, которую они занимали, содержалась в чистоте. Правда, это была лишь пара кварталов и центр, где друг напротив друга стояли, возвышающиеся к небесам ступенчатый зиккурат и дворец, который оказывается и был «хижиной» вождя. Здесь Чига Шанки опять обратился к нам с речью, которую перевёл Ночная Выдра.

На сей раз Великий вождь, Сотрясатель земли и Любимец неба, был само дружелюбие. Возможно, это происходило от того, что сейчас он выступал как хозяин, принимающий гостей, которые уже приняли приглашение, в то время как в джунглях он не был уверен, что обойдётся без драки.

Не буду пересказывать всё, что он там говорил. Впрочем, «Царицу амазонок» приглашали на пир вместе со всеми её подданными, в то время, как её рабы-консорты могли отдохнуть и поесть в обществе малых племени.

Мы не сразу поняли, о каких таких «рабах-консортах» идёт речь. Хорошо ещё, что разговор вёлся не напрямую, а через переводчика. Ночная Выдра был терпелив и понятлив. Он не любил конфликтные и неловкие ситуации, а потому в разговоре старался смягчить слова своего вождя и его собеседников или разъяснить непонятные той или иной стороне места, прежде чем переводить ответ, чтобы избежать недоразумений.

Оказывается, согласно местным представлениям, амазонки захватывают в плен, либо покупают рабов – мужчин для своих плотских утех и продолжения рода. В последнем случае девочек они воспитывали сами, а мальчиков отправляли в племя отца. По крайней мере, не убивали, как это практиковалось у их античных «сестёр».

К слову – я раньше слышал об амазонках Нового Света, но совершенно не верил в их существование, пока не увидел живое тому подтверждение, но об этом как-нибудь потом.

В общем, в нашем случае «рабами-консортами» оказались дон Мигель и Ганс Древолом. Причём первый, конечно, был собственностью самой «Царицы амазонок», а второй, как решили индейцы, обслуживал всю её свиту. Когда это стало ясно, Мигель едва не покатился со смеху, зато честный малый Ганс вскипел от ярости! При этом обиделся он не за себя, а за честь рода Самбульо, так что готов был драться за дону Мигеля прямо сейчас. Но раз уж мы начали такую игру, то играть следовало до конца. Ганса успокоили, и он вслед за своим сеньором поплёлся к «малым племеню».

«Малыми» оказались женщины дети, девушки и мальчишки-подростки, не посвящённые в охотники. Здесь не было унижения для слабого пола. Женщины у индейцев почитались и пользовались таким же уважением, как воины, но традиция есть традиция – во время пира женщины сидели отдельно, лишь для амазонок было сделано исключение, так-как к ним относились, прежде всего, как к воинам, и только потом, как к женщинам. Правда, об их женской природе никто не забыл, но об этом чуть позже.

Женщинам также не полагались хмельные напитки, в то время, как к мужскому столу не подавали сладостей. То что «рабов-консORTов» посадили пировать вместе с «малыми» не было оскорблением ни для тех, ни для других. Звание «раба-консорты» не являлось позорным для индейцев, но к ним относились снисходительно, как к потерявшим свободу и поручали трогательной заботе женщин, относившихся к этому, как к почётной обязанности. В общем, сложно всё это и я сам до конца не въехал во все тонкости дикарских отношений, которые на поверку оказались запутаннее, чем у людей цивилизованных.

За столом «малых», (говорю – «за столом», лишь условно – ели, сидя на циновках прямо на полу; посудой служили пальмовые листья), к нам отнеслись не просто хорошо, а до смешного ласково, прямо как к маленьким. Я говорю «к нам», потому что я там тоже был, сначала на плече дону Мигеля, а потом и на своём отдельном месте, так-как и ко мне отнеслись, как к гостю.

Сеньор и вассал, (кстати, они ведь одногодки, хоть Ганс и выглядел старше), моментально были окружены женщинами. Парни и так провели в женском обществе немало времени, но это было не то. Пираньи всё же были для них соратницами, хоть и оставались при этом девушками. Здесь же были женщины и девушки незнакомые и не являющиеся воинами. С такими всё было сложнее.

Я боялся, как бы кто-нибудь из моих ребят не подавился. Их угощали все подряд, всем, что только было съестного, и по-детски радовались, глядя, как очередной фрукт или кусок мяса, исчезают в два-три приёма, благо упрашивать соскучившихся по нормальной пище мальчишек не требовалось. Да они бы грудного молока прямо из источника получили бы, если бы им его захотелось! Однако вы же знаете, что непросто бывает, невозможно есть, когда вам глядят в рот.

Но это ещё ничего. Хуже были другие отвлекающие моменты, а именно – необычные, прекрасные особой экзотической красотой лица, смоляные волосы, длинные, как плащи и убранные цветами, оленьи глаза, нежные ловкие руки, крутые бёдра, обнажённые из-за особого покроя их одежды. Было от чего краснеть и бледнеть двум начинающим мужчинам!

Особенно старалась одна хорошенькая девчонка, наверное, чуть помладше обоих парней. Узнав, что у Мигеля работает только одна рука, она словно взяла его под своё личное покровительство, отгеснив при этом, всех остальных девушек. Те с неохотой, но всё же подчинились, опасливо на неё поглядывая. Мне стало интересно, с чего бы это? Но дела поважнее призывали оставить разрешение таких вопросов на потом.

Решив, что оставляю своего подопечного в надёжных руках, я рискнул-таки слетать к Магдалене и узнать, как там у неё дела. В конце концов, наша судьба решалась за мужским столом.

Старшую из пираний я нашел беседующей с Ночной Выдрой. Вождь в это время был занят поглощением жареного животного, которого я не узнал. Видимо он полностью доверял своему переводчику, считая, что делу время, а еде час. Магдалена выглядела озадаченной, но не встревоженной. Казалось, она вот-вот рассмеётся.

– Каррамба? – спросил я, что должно было означать – всё ли в порядке?

– Можешь говорить не таясь, – ответила Магда, улыбнувшись. – Здесь говорящими попугаями никого не удивишь. Их считают отдельным народом, соединяющим птицебогов и людей.

– Рад слышать, – сказал я, а Ночная выдра посмотрел на меня внимательно до пронзительности. – Так какие новости?

– Я только что заключила с Чига Шанки союз взаимной помощи и дружбы, – ответила «Царица амазонок». – Сейчас как раз обговариваем детали.

Что-то в её тоне заставило меня насторожиться.

– В чём подвох? – спросил я напрямую, так-как с Магдаленой можно было не тратить время на дипломатические ходы.

– Когда такой союз заключается между местными племенами, то совершаются определённые ритуалы, – ответила она.

– Например?

– Взывание к духам с помощью песнопений и плясок вокруг костра.

– Ну и что, посмотрим спектакль! Сами попляшем. В конце концов, здесь нет инквизиции, так что обвинений в ведьмовстве не будет. Дальше что?

– Раскуривание трубки мира.

– Интересно, какой у них тут табак? Я слышал – отменный! Конечно, наши девочки не курят, но от одной-двух затяжек с ними не случится ничего страшного. Ещё что?

– Обмен жёнами на одну луну.

– Ну, это...

Я вдруг осекся, потому что смысл сказанного вдруг дошёл до меня во всей своей с ног сшибательной катастрофичности. Вот уж каррамба, так каррамба!

– Мм-м, отказаться можно?

– Нет, это страшное оскорбление и чудовищная обида, так-как отказавшийся доверить союзнику свою жену, равно, как принять скво того с кем заключает договор, показывает свою неискренность. Нас просто скальпируют.

– И как же?

– Я поговорю с пираньями. Если мне не изменяет память, никто из них не оставил на берегу сердечного друга, я ведь специально таких подбирала. Но те, кто не захотят участвовать в ритуале, могут сказаться ранеными или больными.

У меня отлегло от сердца, но чувство тревоги ушло не полностью. Было ещё что-то.

– А... ты? – задал я вопрос слишком личного свойства даже для нас с Магдой.

– Царица амазонок окажет честь самому Великому вождю, Сотрясателю земли и Любимцу неба! – сказала Магдалена без стеснения, и широко улыбнулась.

Я знал, что у неё были любовники, но сейчас дома она тоже не оставила никого с кем была бы связана обязательством или хотя бы словом. Перспектива любовного приключения её не смущала.

– Загвоздка в другом, – проговорила Магдалена. – Понимаешь, это должен быть именно обмен. Двусторонний! Так что Чига Шанки уже послал к ним своих жён и одну из дочерей.

Меня как кувалдой хватили по затылку! Мигель... Ганс... Ну, Ганс-то ладно, он хоть и увалень, но парень здоровенный и свободный, от него не убудет. А вот Мигель...

Он всегда носился со своими понятиями о рыцарской чести и доблести. Мегги, не вздрагивай, я прожил среди рыцарей пять веков, научился их понимать и могу засвидетельствовать

– никакие они не чудовища. Люди, как люди со своими достоинствами и недостатками, слабостями и добродетелями.

Так вот, юную Алисию он выбрал своей дамой сердца, когда ей было ещё двенадцать лет, а ему соответственно шестнадцать. Тогда же он поклялся ей в любви и верности, а их родители весьма довольные такой симпатией детей друг к другу, сговорились о помолвке.

О, наивные чудаки! Зачем играть такими вещами? Ну да, девочка смотрела на юного кабальера, как на пряник. У него тоже глаза были на лбу от восхищения – Алисия настоящий ангелочек. Но ведь это же ещё не любовь, а только игрушки! Конечно, оба выглядели, как картинка с принцем и принцессой из детской книжки, но и это ничего не значит! Симпатии ещё могут измениться, пока дойдёт до дела. Оба могут влюбиться в других людей и что тогда? Клятвы уже произнесены, даны предварительные обеты, а кому всё это нужно, если жизнь не заладится?

Пока, правда, всё было гладко. Перед тем, как дон Мигель удрал во Фландрию, они виделись ещё раз. Девочке исполнилось тогда уже четырнадцать лет, и это была совсем другая девочка! Та Алисия готова была прыгать и хлопать в ладоши при разговоре о помолвке, эта, слушая речь дон Мигеля, который сам смутился, подтверждая свои клятвы, покраснела, как маков цвет, а сама всё стреляла в его сторону глазками, изучая жениха. Я уже тогда понял, что моему наивному и простодушному парню, в случае успешного разрешения дела, достанется бесёнок! Что вы смеётесь? Он меня тогда ей чуть не подарил!

.....
Огнеплюй вынужден был прерваться – обе драконессы расхохотались так, что едва не задули костёр.

.....
– И вот теперь, – продолжил он, судьбе было угодно показать Мигелю, что категоричные решения, принятые преждевременно, могут выйти боком. Сейчас от того, как он поведёт себя в этой щекотливой ситуации, зависело многое. Если он категорически откажется принять участие в ритуальном обмене, то подорвёт авторитет Магдалены и разрушит заключённый ей договор с сильным племенем, помощь которого нам необходима. Но это было бы ещё полбеды. Обиженные индейцы нас просто перережут. Это конечно им дорого обойдётся, но их больше и пираньям против всего племени не выстоять.

Если Мигель согласится, хотя бы ради спасения команды, он будет считать себя лишённым чести, и тут может выйти другая беда – в худшем случае он бросится на собственный меч, в лучшем, посчитает себя недостойным прекрасной Алисии и расторгнет помолвку. Но и это ещё не всё! Я бы не слишком беспокоился, хоть его маленькая невесточка – девчонка замечательная, но он способен при этом вообще отказаться от женщин и уйти в монастырь! По серьёзному уйти, не шутя. Это будет конец роду Самбульо и конец продолжению моей Анхе, ведь я был почти уверен, что никто из тех, что ушли с Непобедимой Армадой не вернутся домой.

Утешало одно – всё должно произойти не сейчас, а через какое-то время. Индейцы по природе народ неторопливый. Они стремительны там, где стремительность уместна и необходима, во всём же остальном ценят степенность и размеренность. Значит, у нас ещё была возможность всё обдумать и найти какой-нибудь выход.

Сегодня у нас был пир, и только пир. Я перелетел туда, где угощались наши «рабы-консорты» и чуть не рухнул в чан с супом от увиденного!

Прежде всего, в глаза бросился Ганс – он был весь в девушках! Вокруг парня сидело не меньше десятка молодых особ, лет от семнадцати до двадцати пяти, державших, кто фрукты, кто блюдо с зажаренной дичью. По две девицы с каждой стороны гладили его руки, то ли восхищаясь могучей мускулатурой, то ли лаская в силу своей склонности к ласкам. Ещё три или четыре стояли за спиной и старались заглянуть через плечо, словно им был чрезвычайно инте-

ресен пекари, тушёный с овощами, с которым Древолом расправлялся с похвальным аппетитом.

Дон Мигель тоже был не один. Он пребывал в компании той самой хорошенькой индианочки, в обществе которой я оставил его перед тем, как решил навестить Магдалену. Казалось, что они беседуют, но ведь ни один из них не знал языка другого. Присмотревшись, я понял, что она его... кормит! Ягодами из лукошка. Просто у дона Мигеля в руке была чаша с каким-то напитком, а одновременно есть и пить он не мог.

Сейчас я готов был пересмотреть свои опасения по поводу Мигеля, но заглянув ему в лицо, понял, что не зря беспокоился. Юный гранд держал себя в руках, но чуть не плакал! Борьба чувств в нём шла отчаянная. Было видно, что девушка ему нравится, что он восхищён, но...

Не буду повторяться. Скажу только, что сразу понял – это та самая дочь вождя, которая должна была сыграть роль в ритуале братания племён. (А те, что были сейчас с Гансом, значит, жёны Чига Шанки? У старого хряка губа не дура!) Эта девочка была похожа на отца, как может быть похожа юная красавица, едва переступившая порог зрелости, на мужчину подходящего к порогу старости. То-есть, удивительно похожа!

Что хотите, думайте, но моё беспокойство о подопечном при этом только усилилось. Но ведь я тогда ещё всего не знал!

Глава 16. Интермеццо восьмое – Сомнения, открытия, игры

Пир продолжался ещё два дня. За это время никто не покушался на невинность, как женской, так и мужской части нашей команды, хоть это было совсем несложно – дома здесь не имели закрывающихся дверей и окон, только одни пустые проёмы, без единого намёка на то, что в них когда-либо было что-то вставлено. Такая открытость предполагала абсолютное доверие между людьми племени.

Оказалось, что они и вправду практикуют относительную общность имущества, при которой сосед мог взять займы у соседа, что угодно, не спрашивая. В вопросах же отношений между представителями мужского и женского пола, эти дети леса были ещё более лояльны, чем свирры. То-есть не придавали значения случайностям и не психовали по поводу того естественного, что было присуще человеку, в силу его природы. В крайнем случае, невесть откуда взявшихся детей приписывали проделкам бото – любвеобильного духа, который живёт в реках, как дельфин, но иногда превращается в прекрасного юношу.

За это время команда, конечно же, собиралась, чтобы обсудить наши проблемы. Я был не слишком удивлён, когда от участия в ритуале обмена не отказалась ни одна из пираний. Наоборот, надо было видеть, каким любопытством загорелись у наших девчонок глаза и слышать, как они перешихикиваются, обсуждая грядущие приключения.

Ганс сначала перепугался, что его собираются здесь женить, а потом был основательно шокирован, когда узнал, что от него требуется на самом деле, но в итоге смирился со своей участью. Впрочем, здесь всё было в порядке. Я не был против того, чтобы влить в народ свирров немного свежей дикарской крови, тем более что индейцы – головорезы и хитрованы, при всей своей непосредственности, мне чрезвычайно нравились.

Проблема была в том, как быть с будущими мамашами на обратном пути, если мы здесь задержимся – переход через Атлантику в обратном направлении вряд ли будет легче, чем тот, что уже выпал на нашу долю. Но я успокоил себя мыслями, что, во-первых, это будет ещё нескоро, во-вторых, они, конечно, не забеременеют все, как одна, кто-нибудь да останется, и, в-третьих – придёт время, что-нибудь придумаем.

С доном Мигелем Магдалена имела отдельную беседу, которую мне удалось подслушать немного не сначала.

Что вы на меня так вылупились? Да будет вам известно, что если бы я не подслушивал и не подглядывал, за пятьсот лет жизни в семье Самбульо случилось бы несколько совершенно лишних преждевременных смертей и других катастроф, которые совсем не нужны людям, но обязательно происходят, если не прийти на помощь вовремя.

Когда мне удалось найти удобный наблюдательный пункт, я услышал следующее:

– Неужели это правда? – спрашивал дон Мигель. – Она же дочь вождя и... такая красавица!

– Здесь роль вождя иная, чем в нашем мире, – отвечала Магдалена. – Это у нас дома твой отец – и царь, и бог, и господин, а вы, его дети тоже господа, которым вассалы готовятся служить в будущем. У индейцев не наследуется ни власть, ни привилегии. Сам Чига Шанки, хоть и называется Великим вождём, Сотрясателем земли и Любимцем неба, верховодит только на войне и на охоте. Остальные дела племени решаются на общем совете, где голос вождя значит много, но не всё. А дети его не пользуются вообще никакими преимуществами. Даже наоборот – быть сыном или дочерью вождя нелегко, все достоинства такого отпрыска будут сравнивать с отцовскими, и, конечно, они будут значительно меньше, чем у родителя. Что же

касается недостатков, то они сразу будут замечены и преувеличены. Любой порок или просто оплошность, будь то даже малейшее подозрение, раздуют до крайности.

– Но почему же они решили, что она ведьма? Как ты её назвала?

– Аламоа. У нас бы её назвали суккубом. Считается, что это демон, соблазняющий мужчин, чтобы потом затащить их в скалы и там убить. При этом она ещё превращается в скелет...

– Вот чушь! Мой талисман нагревается, если нечисть близко, а он остался холодным, когда Золотая Куница была рядом. Его мне мама надела на шею, когда я был ещё ребёнком. Не могла же она дать мне недействующий талисман! Предположить такое, значит бросить вызов моей чести, и я готов в таком случае драться с кем угодно, будь он сам король или дьявол! Талисман не нагрелся, значит, девушка чиста и ничего не имеет общего ни с ведьмами, ни с нечистью. Так почему они про неё такое решили?

– У Золотой Куницы было два жениха. Обоих нашли загрызенными, одного за другим.

– Но ведь это могло выйти случайно! Какой-нибудь зверь...

– Могло. Но индейцы не верят в случайность. Я тоже не верю.

– Неужели ты думаешь, что она?..

– Нет, не думаю. Золотая Куница обычная девушка, в этом я уверена. Но оба парня погибли, когда шли к ней на свидание. Может быть, кто-то не хочет, чтобы она была счастлива? Но это дело её, её отца и этого племени. Так что ты можешь отказаться от своей роли в этом варварском ритуале на основании вполне понятных соображений. Никто не осудит тебя за то, что ты отказался вступать в связь с аламоа!

– Повести себя, как трус? Ты ли это мне говоришь, Магда?

Старшая пиранья рассмеялась.

– Никогда не сомневалась в твоей храбрости, мой доблестнейший Самбульо! – ответила она. – Но ведь ты сам искал предлога избежать участия в ритуале?

Мигель задумался.

– В конце концов, ты эту девушку не любишь, а кроме того, она язычница... – подлила масла в огонь премудрая Магда.

Мальчишка снова вскинулся.

– Что бы я оставил её в беде, только из-за того, что она язычница? Да ещё воспользовался бы, как предлогом, местными суевериями? Чем я тогда сам лучше язычника? Этому не бывать!

– А сеньорита Алисия?

Я внутренне аплодировал Магдалене! Если бы она уговаривала Мигеля, утешала или увещевала, то натолкнулась бы на благородное упрямство юного рыцаря. Если бы старалась обойти стороной тему его далёкой невесты, то это могло вызвать ряд осложнений впоследствии. Правильно! Все точки над «I» должны быть расставлены, и сделать это должен сам Мигель. Но теперь у меня было много вопросов к Магде.

– Я поклялся Алисии в любви и верности, – констатировал юный Самбульо. – Я никого не люблю кроме неё, в том числе и к Золотой Кунице не испытываю никаких нежных чувств, но готов признать, что она мне нравится. Я никогда не изменил бы своей невесте из чувства похоти или выгоды, но... Ты говорила, что Золотую Куницу изгонят из племени, если она не докажет свою невиновность?

– Скорее её убьют. На всякий случай. Никому не хочется, чтобы аламоа бродила вокруг города.

– А... Чига Шанки?

– Она его любимая дочь, от жены, которая тоже была любимой, и погибла много лет тому назад. Но в этом вопросе слушать его никто не будет. Если он возмутится и применит силу, то в племени произойдёт раскол и возможно даже резня. При этом он потеряет власть, а девушку всё равно убьют. По-тихому, из-за угла. Они рассуждают так – у вождя много детей, так какая разница? Дочерью больше, дочерью меньше, а в племени наступит мир и порядок.

Поэтому Чига Шанки и посылает её исполнить ритуал вместе со своими жёнами. Если всё пройдет гладко, значит, предположение о её ведьмовской природе ошибочно, и тогда её оставят в покое.

Дон Мигель думал около минуты.

– Я приму участие в ритуале, – сказал он. – Это не будет изменой Алисии с духовной точки зрения. Что же касается остального, то я всё расскажу своей невесте, когда мы вернёмся домой и целиком положусь на её решение.

На этом их разговор закончился, и дон Мигель отправился в апартаменты, выделенные для «рабов-консорттов», где уже храпел Ганс. Из всех проблем я менее всего боялся, что Алисия не простит Мигеля из-за этого случая. Девочка не дура или я в ней крепко ошибся. Теперь проблема выделась мне в другом.

– Давай, вылезай! – сказала Магдалена, когда шаги нашего парня затихли в глубине лабиринта из разнокалиберных дворцовых помещений.

Я вышел на свет из ниши под потолком, где прятался в тени. Интересно, как она поняла, что я там? Но сейчас было не до удовлетворения любопытства.

– Магда, ты уверена? – спросил я напрямик.

– Нет, – ответила она откровенно.

– Тогда, как же быть? Я не хочу, чтобы ему перегрызла горло какая-то тварь, как тем двум индейцам!

– Я этого тем более не хочу! Если бы я не знала, что Куница безопасна, она близко не подошла бы к Мигелю.

– Хорошо, будем считать, что она безопасна. Тогда что же случилось с теми двумя парнями?

– Не знаю, возможно, действительно случайность.

– Нельзя допустить повторение такой случайности с *ним*.

– Вот ты этим и займёшься! Будь рядом инкогнито, только прячься получше, а то сегодня хвост наружу торчал и пыль сверху сыпалась. Я же с теми, кто из наших будет свободен, организую наружное наблюдение.

Вот это да! Не скажу, что не присутствовал ни при чём подобном. Я попугай, и люди часто забывают о том, что я рядом. Мне доводилось бывать на свиданиях в компании многих Самбульо. Из супружеских спален я, конечно же, деликатно удалялся. Случалось, и подсматривать, благого дела ради, но я об этом уже говорил. На стрёме стоял не раз и был верным оруженосцем и доверенным другом в делах любовных, как у мужчин Самбульо, так и у женщин. А вот охранять от той с кем дон собирается провести ночь и не одну, такого мне ещё не приходилось. Смотреть ведь придётся во все глаза, чтобы не упустить момент, когда, не дай Бог, у юной девицы вырастут клыки или когти. Бред конечно, но вдруг окажется, что не бред? Кто потом себе перья выдирать от горя будет? А если доведётся тревогу поднять? Как бы потом Мигель мне шею не свернул!

Три дня объедаловки закончились. Теперь уставшие путешественники отдохнули и в достаточной мере набрались сил для дальнейших приключений.

Я подумал было, что сейчас будет объявлен ритуал братания с обещанным обменом мужьями и жёнами, (почему-то неравенство этого «обмена» никого не смущало), но следующим номером в программе были игры и состязания.

Не буду рассказывать о них подробно. Пираньи не уступали воинам племени практически ни в чём – ни в беге, ни в метании копья, ни в стрельбе из лука. Все эти навыки были привиты им с детства, а отбор в поколениях превратил их в отдельную категорию бойцов даже среди свирров. Мы давно отказались делать воинов из всех девочек подряд, а выбирали самых способных и имеющих ярко выраженную склонность к освоению боевого ремесла. Это дало

тот результат, что нынешние пираньи были гораздо более искусными бойцами, чем их незабвенные прабабки из команды Анхе.

Единственно в чём они не могли сравниться с индейцами, так это в поднятии тяжестей, но тут Ганс Древоллом выступил от нашей команды и сразил всех тем, что поднял над головой каменный диск, который могли оторвать от земли только двое самых могучих силачей племени.

Дон Мигель скромно сидел в сторонке со мной на плече. Золотая Куница не подходила к нему, когда шли игры, а только бросала украдкой в его сторону нежные, задумчивые, а иногда тревожные взгляды. Кстати, во время игр открылась тайна её имени. Оказывается, у девушки были волосы цвета светлого золота! Она их красила в чёрный цвет, чтобы не отличаться от остальных женщин племени, но перед состязаниями в плавании, в котором кроме воинов и охотников принимали участие индейские девушки, эту краску смыла.

Надо было видеть, как напрягся дон Мигель от такого зрелища, когда увидел её прекрасное обнажённое тело, (плавали нагишом в пруду с кристально чистой водой, что располагался в пределах города), лишь слегка прикрытое плащом золотых волос.

Индейцы наготы не стеснялись, как и пираньи. Они понимали красоту тела, которую умели преподносить, как изысканное зрелище, чуждое вульгарной пошлости. Несмотря на всю мою любовь к Самбулю, я про себя жалел немного, что когда-то не отвёз мою Анхе сюда.

Из задумчивости Мигеля вывел Ночная Выдра, за что я был ему искренне благодарен, так-как юный дон, совсем недавно способный взять в этих состязаниях, большую часть призов, сейчас, как никогда, чувствовал свою ущербность.

Маленький переводчик подошёл и поинтересовался, почему уважаемый и почтенный раб-консорт Царицы амазонок не принимает участие в играх? Мигель только пожал плечами и показал ему на свою мёртвую руку. Тогда толмач спросил, имеет ли такой человек, как особо приближённый к Её царственному величеству, а значит обладающий множеством достоинств, представление об искусстве метания ножа?

В ответ на это потомственный испанский гранд, начавший обучение боевому искусству раньше, чем освоил все звуки речи, достал один из своих кинжалов, припрятанных в складках одежды, сапогах и даже в шляпе, и, не вставая с каменной тумбы на которой сидел, метнул его в сухое дерево, торчавшее шагах в пятнадцати из расщелины, сдвинутых землетрясением камней. Клинок вошёл точно в середину ствола с такой силой, что будь на месте сухой палки живое существо, оно бы сейчас упало бы мёртвым.

Ночная Выдра поднял брови, изображая восхищение, и тут же метнул в ту же мишень ножик величиной с палец. Оружие маленького индейца воткнулось чуть выше кинжала Мигеля, причём этот бросок оказался фатальным для жука-короеда, сидевшего на стволе.

Дон Мигель посмотрел на толмача с выражением, в котором смешивалось одобрение и лукавство. Он поднял руку, в которой между пальцами было зажато сразу три метательных кинжалочка. Всё так же, не вставая, он махнул рукой и ещё разок «убил» то же дерево, причём новые клинки образовали вместе с первым идеально ровный ромб.

Ночная Выдра тут же загнал в середину этого ромба два миниатюрных ножика и развёл руками – больше ножей у него не было.

Но тут их импровизированным состязанием заинтересовались остальные участники игр. Сначала все бурно обсуждали результаты маленького поединка, потом принесли мишени, установили их на ровной площадке и... Засвистели в воздухе ножи, топоры и всякие там спицы, которые пираньи прятали в волосах.

Зачинщики всего этого, между тем исчезли из виду, пока я смотрел, как Магдалена «рисует» на круглой мишени, с помощью брошенных ножей, улыбающуюся рожицу.

Пропавшие метатели нашлись практически сразу. Отойдя от общей суеты, они отыскиали себе, невесть как сюда попавшую ровную струганную доску и учили премудростям своего мастерства... Золотую Куницу!

Дети! Мне вдруг стало стыдно за всё, что происходило вокруг этих неокрепших ещё юных созданий, захотелось оставить их в покое, не принуждать ни к чему. Пусть сами решают кто, что, когда и с кем! В конце концов, природа, заставляющая их поступать, так или иначе, намного мудрее всех нас вместе взятых.

Как выяснилось потом, я этих почти взрослых детей основательно недооценивал.

Глава 16. Интермеццо девятое – страшные пуги-пуги

Через пару дней проведённых в играх, была назначена охота, на которую пригласили «Царицу амазонок» со всей её свитой, включая «рабов-консортгов».

Перед охотой нас подробнейшим образом проинструктировали, да так, что пираньи едва не лопались от смеха, а мне решительно расхотелось покидать пределы города, тем более выпускать из него дону Мигеля, Ганса и девушек.

Во-первых, ещё за несколько дней до того я выяснил почему живущие в древнем городе индейцы не боятся что к ним заявятся какие-нибудь хищные звери или лихие люди. Оказывается, город охранялся! И ни кем-нибудь, а гигантской змеёй, которая была такой огромной, что окружала город кольцом, положив голову на собственный хвост. Я тут же вспомнил, что именно так окружает мир мировая змея Йормундгад по представлению драськиных друзей – викингов. Вот и здесь было то же самое. Только в отличие от своей скандинавской родственницы, эта змея была значительно меньше, покровительствовала лишь этому городу и лежала не на дне мирового океана, а у всех на глазах, прямо за пределами города, но её не было видно из-за того, что она очень ловко маскировалась.

Входить и выходить из города, можно было лишь там, где голова змеи смыкалась с хвостом. Как вы думаете, где было это место? Правильно – там, где ворота. Чтобы через них войти-выйти, следовало оставить небольшое подношение, а если этого не сделать, то змея может принять за подношение самого того кто желает пересечь границы города. Но это касалось лишь своих, чужие могли не тратиться – змея была неподкупна.

Если у человека со стороны были в городе какие-то дела, то он мог попасть внутрь лишь в сопровождении кого-нибудь из местных. Вот тогда на подношения скупиться не стоило. Люди соседних племён это прекрасно знали и не совались в город без необходимости. В испанских колониях об этом месте ходили лишь неясные, противоречивые слухи. При этом здешние места пользовались дурной славой и не обещали богатства, а потому наших соотечественников-испанцев здесь пока не было видно.

Во-вторых, и без того неприветливые, наполненные всякими кусачими тварями, джунгли, кишели ещё и разного рода нечистью. Её индейцы боялись больше чем ягуаров, ядовитых змей и насекомых. Повадки опасных животных можно было изучить, а встречи с ними избегать. Повадки нечистой силы были непредсказуемы.

Прежде всего, нас предостерегли от столкновения с мапингуари. Избежать встречи с ним было относительно легко – мапингуари был крупным, очень сильным, но ленивым и медлительным чудовищем.

– Если увидите между деревьев что-то рыжее или серо-бурое, высотой в два человеческих роста или больше, – пояснял нам Ночная Выдра, – а к тому же почувствуете жуткую вонь, то это мапингуари. Следует сразу отступить, пока мапингуари вас не учуял. Если же раздастся рёв от которого содрогнутся джунгли, значит зверь вас почуял и тогда надо бежать, что есть силы, потому что монстр скорее всего набросится на того кто подойдёт к нему слишком близко. Характер у мапингуари скверный, и больше всего он не любит когда его беспокоят. Но долго преследовать врага ему лень, и потому, если он не догонит добычу в два-три прыжка и не убьёт одним ударом длинных, как сабли когтей, то быстро потеряет к ней всякий интерес и успокоится. В бегстве от мапингуари нет ничего постыдного, так-как это чудовище абсолютно неуязвимо. Ни стрелы, ни копыя, ни даже мушкетные пули не способны повредить мапингуари. Может быть, его можно убить из пушки, но этого ещё никто не пробовал сделать, так-как затащить пушку в места обитания чудовища дело почти невыполнимое. Да и зачем? Мясо мапингуари несъедобно, его шкуру невозможно выделывать, а охота на него слишком опасна. Сам же он не охотится, но ест всё подряд, и то, что растёт, и то, что бежит, если добыча по

глупости сама забежит ему в лапы. Также не брезгает мапингуари падалью, возможно отсюда и происходит его отвратительный запах. Внешне он похож на огромную, толстую, неуклюжую обезьяну и немного на человека, покрытого густой шерстью, но со звериной мордой. Есть у него одна страшная особенность – вторая пасть на животе. Правда никто не видел, чтобы он этой пастью ел, а если и видел, то уж точно не мог потом рассказать!

С одной стороны меня самого разобрало любопытство. О чудище с двумя пастьями, ходившем на ступнях, вывернутых в обратную сторону, я слышал ещё в прошлый раз во время посещения Амазонских джунглей, но встречать это чудо пока не приходилось. И не только у меня возник интерес к загадочному монстру – у дона Мигеля загорелись глаза, Ганс начал улыбаясь поигрывать мускулами, а пираньи приняли скучающе-равнодушный вид, что означало их полное неверие в непобедимость противника. Я знал, что они способны растащить по кусочкам любого мапингуари, но не собирался позволять им сделать это ради одного лишь интереса.

С другой стороны нам надо было показать себя перед племенем Чига Шанки с положительной стороны, то-есть в данном случае хорошими охотницами. Беда была в том, что пираньи как раз хорошими охотницами не были.

Что они, что их господин, не имели в этом достаточных навыков. Всю крупную дичь в Испании выбили так давно, что о ней даже предания сохранились весьма смутные, больше похожие на сказки. Поэтому, несмотря на всё их боевое искусство, в джунглях они были едва ли не детьми против индейцев. Но эту тайну следовало хранить, потому что для местных быть хорошим охотником – самое главное в жизни, а раз «амазонки» пригласили за мужской стол, то звание хороших охотниц за ними закреплено заочно. Страшно было его потерять.

В общем, будь я в прежнем виде... Нет, будь с нами хотя бы Драська в своём человеческом облике, можно было бы рискнуть добыть хотя бы одного мапингуари и снискать славу достаточную, чтобы отмести все сомнения в нашей доблести. Но без этого рисковать не стоило.

Эх, надо будет когда-нибудь самому попробовать человеческую форму! Но тогда я не мог позволить себе такой роскоши.

Остальная нечисть носила скорее мистический характер, но я по жизни не настолько неопытен, чтобы легкомысленно относиться к мистике.

Прежде всего, нас предупреждали о зеленозубых карликах курупира. Этим тоже нельзя было трогать, но совсем по другой причине. Курупира – добрые духи леса, оберегающие деревья и всю лесную живность. Они не любят тех, кто охотится ради забавы, поэтому даже во время самой большой охоты не следует убивать дичи больше, чем требуется. Однако курупира можно задобрить, если оставить им подношения – табак, алкоголь и какие-нибудь сладости.

Охотиться мы собирались днём, но скорее всего в джунглях нам предстояла ночёвка и не одна! Поэтому следовало опасаться тех, кто любит безобразничать ночами. Лобисон был назван первым из ночных оборотней, грозящих испортить нам удовольствие.

Внешне он смахивал на чёрного пса с горящими глазами. Прежде всего, это милое создание интересовалось падалью и нечистотами. Значит, следовало быть поосторожней с потрохами добытой дичи.

Ха! Что мы, глупые дети? Выкинуть эти потроха подальше и пусть лобисон трескает их в своё удовольствие. Жалко нам что ли?

Были и другие оборотни, но о них расскажу чуть позже, потому что интереснее предупреждения сделанные «амазонкам» в силу их принадлежности к женскому полу. Ночная Выдра при этом разговоре был невозмутим, как и подобает индейцу, а вот Мигель смущался, как девушка, Ганс ржал до тех пор пока не получил по физиономии от Магдалены, а пираньи живо заинтересовались услышанным.

Оказывается, женщинам в этих местах много чего следовало опасаться. О любвеобильном дельфине я, кажется, уже рассказывал. Индейцы снисходительны к его проделкам, а детей рождённых от бото не гонят из племени, потому что они ничем не отличаются от обычных

людей, и вырастают к тому же хорошими рыбаками. Самого же бото вполне могут побить, если застигнут на месте преступления, или если просто встретят в посёлке.

Изобличить же его просто – достаточно снять с подозреваемого шляпу и осмотреть его макушку. Превращаясь в человека, бото анатомически точно копирует человеческое тело, но не может скрыть дыхательное отверстие, расположенное на темени. Правда женщин это почему-то не смущает, зато мужчины при встрече друг с другом, снимают шляпы и церемонно раскланиваются не хуже испанских грандов. Отказ от такого приветствия может вызвать подозрения и тогда невежа получит тумаков раньше, чем с него снимут шляпу, чтобы убедиться, что он не бото!

Кроме дельфина, которому почему-то не хватает самок своего племени, здесь водились ещё озабоченные пресноводные тюлени – селки. Эти обычно вели себя скромнее, но зато среди них присутствовали соблазнительницы обоих полов. Забавно, но нечто подобное я слышал от одного пленного ирландца, который жил в замке Самбульо во времена прадеда донна Мигеля. Легенды его родины тоже рассказывали о людях-тюленях, которые время от времени, по любви, либо по принуждению, вступали в связь с людьми суши и даже имели совместных детей.

Я уже говорил, что не верю в совпадения, особенно когда одна и та же легенда появляется у совершенно разных народов разделённых океаном, а здесь даже название совпадало!

Но самым чудным и самым смешным оборотнем, опасным для женщин, оказались ару. Это такие лягушки, которые ведут себя тихо, пока люди не вторгаются в джунгли, чтобы освоить место для посевов. Тогда изошрённые ару собираются в одно тело, которое приобретает вид молодого человека, чрезвычайно красивого и привлекательного. Этот ловелас соблазняет жён и дочерей земледельцев, которые потом рожают множество лягушат.

Да, да! Вот и пираньи так хохотали, как вы сейчас!

.....

Огнеплюй в очередной раз прервался, так-как обе драконессы катались от смеха по всей лесопилке, грозя сравнять с землёй нехитрые постройки и природные выпуклости почвы. Когда они нахохотались до икоты, напились воды из водокачки и наконец, успокоились, он продолжил рассказ с невозмутимостью достойной индейского вождя.

Глава 16. Интермеццо десятое – «Пора, пора – рога трубят!»

– Наступил день охоты. Говорю – «день», хоть это и было такое раннее утро, которое, по-моему, ничем не отличается от ночи. Пираньи были злые и невыспавшиеся, так-как весь предыдущий вечер посвятили проверке, чистке и подгонке снаряжения и вооружения. Они снова шли в джунгли с тяжёлыми мушкетами, предназначенными для войны.

А с чем было ещё идти? Вооружения полегче у нас не было, а одалживать луки у индейцев было неудобно. В конце концов «Царица амазонок» и её подданные должны были заботиться о собственном престиже, а это предполагало, что они ни в чём не нуждаются.

Дон Мигель в ту ночь, похоже, вообще не спал. Они о чём-то шушукались с Ночной Выдрой и Золотой Куницей. Этим троим я в последнее время часто видел вместе, что меня не слишком удивляло – их объединял возраст, а между сверстниками всегда общение бывает легче.

Магдалена накануне спросила у Чина Шанки на кого собирается охотиться Великий вождь? На это Сотрясатель земли и Любимец неба, ответил, улыбнувшись своей особой улыбкой моментально преобразившей его властную и грозную физиономию в самую приветливую и дружелюбную:

– Мокеле-мбембе!

Магдалена даже бровью не повела на это совершенно непонятное толи название, толи имя, которое она слышала впервые. Мокеле-мбембе, так мокеле-мбембе, она не против. Царица амазонок, может быть и не каждый день добывает мокеле-мбембе, и даже не каждую неделю, но раз в месяц это случается с ней обязательно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.